

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЗАКИЕВА ТАХМИНА МАИЛОВНА

**ОБРАЗ БЕЖЕНЦА
В АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ МЕДИАТЕКСТАХ:
ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент **Кадачиева Х.М.**

Махачкала, 2025 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. МАНИПУЛЯТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГ- ВОМЕДИЙНОГО ТЕКСТА	
12	
1.1. Лингвомедийный текст: типология и функции	12
1.2. Оценочность медийного текста	20
1.3. Медиаобраз как способ реализации оценочности в информационно-аналитическом тексте	24
Выводы к первой главе	30
Глава 2. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ ОБРАЗА БЕЖЕНЦА В МЕДИАТЕКСТЕ	
32	
2.1. Лексико-семантические средства реализации оценки образа беженца в англо- и немецкоязычных медиатекстах	32
2.2. Морфо-синтаксические особенности корпуса английских и немецких информационно-аналитических медиатекстов	51
Выводы ко второй главе	70
Глава 3. ЛИНГВОМЕДИЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ОБРАЗА БЕЖЕНЦА В ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	
74	
3.1. Лексико-стилистические особенности создания образа беженца в информационно-аналитическом тексте	74
3.2. Стилистическая конвергенция как способ выражения имплицитной оценки в медиатексте	139
Выводы к третьей главе	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
183	
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
189	

ВВЕДЕНИЕ

Современные СМИ играют определяющую роль в формировании общественного мнения. Человеческое представление об окружающем мире и реальной действительности во многом зависит от информационных потоков, транслируемых аудитории по разным каналам массовой коммуникации. В связи с этим в последние десятилетия внимание многих лингвистов обращено к медиапотоку, основной единицей которого является медиатекст как мощное орудие отражения объективной реальности и моделирования определенной картины мира у потенциальной аудитории.

Медиатексты являются мощным ресурсом, позволяющим реализовывать направленную воздействующую функцию на читательскую аудиторию и формировать определенную оценку. В последние годы предметом всеобщего интереса является медиаобраз беженца, который все время подвергается оценке. Вынужденная миграция является одним из самых динамичных процессов, который оказывает влияние на социально-экономическое, политическое, культурное состояние принимающей страны.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена возросшей ролью медиадискурса в формировании общественного мнения о социально значимых явлениях, в том числе миграционных процессах, которые приобрели особую весомость в Европе с 2015 года. Массовый приток беженцев, прибывших из разных стран в Великобританию и Германию по причине политической нестабильности, гуманитарных кризисов, военных конфликтов, привел к изменению структуры общественных представлений и усилению поляризации в отношении миграции.

Языковая репрезентация медиаобраза беженца не является нейтральной: она насыщена оценочными элементами, отражающими как идеологические установки конкретных медиаизданий, так и национальные социокультурные особенности. Особую значимость представляет сопоставительное исследование информационно-аналитических медиатекстов двух стран – Вели-

кобритании и Германии, демонстрирующих различия как в миграционной политике, так и в медийных стратегиях репрезентации беженцев. В связи с чем появилась необходимость исследования процесса формирования медиаобраза беженца с лингвистической точки зрения, изучения не только влияния оценки автора и скрытых оценочных ориентиров, транслируемых аудитории, но и уточнение механизмов манипуляции читательским сознанием.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проводится комплексный анализ лингвистических способов формирования оценочности медиаобраза беженца в английских и немецких информационно-аналитических медиатекстах в сравнительно-сопоставительном аспекте с акцентом на межкультурные различия. Отсутствие комплексного изучения оценочности современного медиаобраза беженца в англо- и немецкоязычных медиатекстах делает особенно востребованным данное научное исследование, направленное на повышение эффективности межкультурной коммуникации, знание стратегий, которые помогают индивиду ориентироваться в современном медиапространстве. Сравнительно-сопоставительный анализ способствует выявлению сходств и различий лингвистических особенностей концептуализации оценки в конструировании медиаобраза беженца. По результатам исследования будет выведен новый алгоритм оценочной концептуализации медиаобраза беженца.

Целью исследования является комплексная репрезентация лингвистических способов создания оценочного потенциала медиаобраза беженца в англо- и немецкоязычных информационно-аналитических статьях по проблематике «Миграционный кризис» с учетом межкультурной специфики их функционирования и влияния на формирование общественного мнения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) исследовать понятие *медиатекст*, его классификацию, жанровую специфику и функциональную нагрузку;
- 2) определить теоретико-методологические основания анализа оценочности в медиадискурсе и медиаобразе;

- 3) обобщить и систематизировать опыт отечественных и зарубежных ученых в области исследования медиаобраза в коммуникативной динамике и концептуальной реальности медиадискурса;
- 4) проанализировать лексико-семантические способы актуализации оценки при конструировании медиаобраза беженца в британских и немецких информационно-аналитических медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис»;
- 5) выявить языковые средства морфо-синтаксического уровня, участвующие в вербализации оценочности медиаобраза беженца в англо- и немецкоязычных информационно-аналитических медиатекстах по изучаемой проблематике;
- 6) изучить стилистические средства и их конвергенцию в англо- и немецкоязычных информационно-аналитических статьях по проблематике «Миграционный кризис» как способ усиления оценочности в медиатексте;
- 7) провести сравнительно-сопоставительный анализ языковой структуры современного медиаобраза беженца в англо- и немецкоязычных медиатекстах для выявления межкультурных сходств и различий.

Цель работы и характер материала определили **комплексную методику** исследования, в основу которой вошли описательный метод, интерпретационный метод, метод контекстуального и концептуального анализа, лингвостилистический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, метод количественных подсчетов и прием сплошной выборки.

Степень разработанности темы. Отдельные аспекты проблемы миграционного кризиса освещаются в исследованиях по: филологии в диссертационных работах М.В. Лапшинова «Стереотипы в языковом сознании русских эмигрантов 1920-30гг.» [Лапшинов 2002], Л.А. Говоровой «Лингвокультурная идентичность мигрантов-латиноамериканцев в США» [Говорова 2024]; журналистике в научной работе И.А. Таран «Особенности освещения миграционного вопроса в немецкой прессе (на примере онлайн- версий изданий *Die Welt* и *Die Zeit*)»[Таран 2022]; международному праву в научной работе Е.А. Марковой

«Международно-правовой статус экологических мигрантов» [Маркова 2021]; психологии в трудах Е.А. Новохатько «Психологическая помощь мигрантам в перестройке ценностно-смысовых составляющих образа мира (на примере вынужденных переселенцев) [Новохатко 2005], И.С. Сапожниковой «Психологическая адаптация подростков-мигрантов как компонент безопасности муниципального образовательного пространства» [Сапожникова 2007]; юриспруденции в научных трудах С.Г. Денисовой «Конституционно-правовой статус беженцев и лиц, ищущих убежище: сравнительный анализ законодательства и практики Российской Федерации и зарубежных стран» [Денисова 2002], А.М. Ибрагимова «Режим беженцев в международном праве» [Ибрагимов 1999]; истории в научной работе Г. Л. Колева «Международная вынужденная миграция и пути ее регулирования: вторая половина XX столетия» [Колев 2004]; политологии В.А. Волох «Формирование и реализация государственной политики Российской Федерации в сфере вынужденной миграции: на примере института предоставления убежища» [Волох 2007] и др.

Лингвистический аспект проблем исследуется фрагментарно в статьях А.В. Емельянова, А.В. Моисеенко, А.Г. Шалиной, А.Ю. Абрютиной, В.В. Стрельцовой, В.С. Майер, Г.П. Кофановой, Е.Е. Розе, Е.О Зубаревой, Е.П. Молостовой, Л.А. Гунько, Л.Р. Комаловой, М.И. Дойниковой, М.Ю. Ален, Н.В. Христиановой, Н.П. Зaborовец, О.А. Ивановой, Т.Г. Скребцовой, Ю.А. Мальцевой и др., в том числе в статьях по лингвокультурологии: А.Ю. Абрютина «Особенности лингвокультурного типажа «мигрант» [Абрютина 2017], О.А. Иванова «Лингвокультурная идентификация понятия «der Fremde» – «чужой» в материалах СМИ Германии» [Иванова 2019] и др. Затрагиваются аспекты лексической объективации концепта «беженец» в немецких медиатекстах; трансформации медиаобраза в зависимости от политических ситуаций; различных лингвистических средств, активно использующийся для усиления эмоционального воздействия на аудиторию и формирования общественного мнения о беженцах; выбора лексики на восприятие мигрантов и беженцев; механизмов формирования стереотипов о мигрантах и др.

В языкоznании на сегодняшний день нет специальных работ, посвященных исследованию лингвистических способов создания оценочного потенциала медиаобраза беженца в английских и немецких информационно-аналитических медиатекстах. Данное направление относится к ряду неразработанных и малоизученных проблем, наиболее важными из которых являются:

1. Вопросы конструирования медиаобраза беженца с позиций сравнительно-сопоставительного и когнитивно-дискурсивного подходов;
2. Отсутствие комплексных лингвистических исследований реализации оценочного потенциала медиаобраза беженца.

Теоретическую базу настоящей диссертационной работы составили научные труды отечественных и зарубежных исследователей в различных областях знания: теоретические положения и идеи теории медиатекста, а также характеристика лингвомедийных особенностей медиатекста рассмотрены в работах А.Белла, А.М. Палиенко, Б.Я. Мисонжникова, В.Г. Костомарова, Г.Л. Солганика, Г.С. Мельника, Д. Доменика, Д. Корнера, Д. Кристала, М.Монтгомери, Н.А. Кузьминой, Н.В. Чичериной, Н.Фейерклаф, Р.Фаулер, Т.А. ван Дейка, Т.Г. Добросклонской, Х. Бургер, и др.

Работы А. В. Марущак, А.Н. Всеволодовой, Е.Н. Богдан, О.Ф. Русаковой, Т.Н. Галинской, Т.Сезонов и В.Барабаш и др. посвящены описанию процесса формирования и изменения медиаобраза.

Исследованиям в области лингвистики, касающиеся вопросов структуры, формирования и типологии категории оценки, посвящены работы А. Вежбицкой, А.А. Ивина, А.А. Ивиной, А.Н. Шрамма, В.А. Марьянчика, В.В. Виноградова, В.В. Лопатина, В.З. Демьянкова, В.Н. Телия, Г.О. Винокура, Д.Н. Шмелевой, Е.М. Вольфа, З.К. Темиргазиной, Л.Г. Лисицкой, М.А. Ягубовой, Н.А. Лукьяновой, Н.Д. Арутюновой, О.В. Гуськовой, О.С. Синепуповой, О.Х. Гладковой, Т.В. Маркеловой, Т.В. Писановой, Ш. Балли, Ю.Д. Апресяна и др.

Исследовательский корпус **эмпирического языкового материала** представлен информационно-аналитическими медиатекстами английского и немецкого языков по проблематике «Миграционный кризис», отобранными

приемом сплошной выборки из онлайн версии качественных изданий *The Guardian* и *Die Welt*, опубликованных в период с 2015 по 2025 гг. общим количеством 1 154 479 знаков.

Объектом исследования выступает медиаобраз беженца в англо- и немецкоязычных информационно-аналитических газетных статьях.

Предметом исследования являются лингвистические средства актуализации оценочности при формировании медиаобраза беженца в британских и немецких информационно-аналитических медиатекстах.

Гипотеза. Манипуляция сознанием как неотъемлемая часть современных СМИ реализуется посредством различных технологий для информационно-психологического воздействия на адресата. С помощью языкового манипулирования, которое возможно при подобном выборе языковых средств, происходит эксплицитное и имплицитное внедрение в сознание реципиента определенной оценки, в частности медиаобраза беженца.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Оценочный потенциал медиаобраза беженца в британском и немецком информационно-аналитическом медиатексте формируется через систему устойчивых лингвистических средств, которые функционируют как маркеры оценочного отношения к объекту репрезентации и выполняют идеологически значимую функцию.

2. Лексико-фразеологические и морфо-синтаксические средства играют ключевую роль в актуализации оценки медиаобраза беженца. Их выбор и контекстуальное варьирование обусловлены прагматической направленностью и его идеологической ангажированностью.

3. Стилистические средства функционируют как элементы оценочного моделирования, усиливая эмоционально-смысловую нагрузку и выполняя функцию усиления аксиологических ориентиров медиадискурса.

4. Стилистическая конвергенция усиливает оценочную экспрессию медиаобраза, придавая ему многослойность и позволяя адресно воздействовать на массовое сознание.

5. Сравнительно-сопоставительный анализ британского и немецкого медиатекстов способствует выявлению эксплицитных и имплицитных способов создания авторской оценки и установлению сходств и различий лингвистической актуализации оценки в формировании медиаобраза беженца.

Теоретическая значимость выполненной работы заключается в исследовании проблемы трансляции авторской оценки при конструировании медиаобраза беженца, что предполагает получение результатов фундаментального характера, которые позволяют выявить алгоритм концептуализации оценки медиаобраза беженца (положительного или отрицательного) в англо- и немецкоязычных информационно-аналитических медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис».

Диссертационное исследование вносит вклад в разработку системного представления о медиаобразе, углубляет понимание процесса формирования и репрезентации медиаобраза, его ценностных смыслов и прагматических характеристик в британской и немецкой лингвокультурах.

Проведенное исследование позволяет дополнить методы сравнительно-сопоставительной лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, политической лингвистики и др.

Практическая ценность. Разработанная в ходе исследования методика анализа также обладает широкой сферой применения. Она может быть использована не только для оценки медиаобраза беженца, но и для анализа формирования медиаобразов других общественных и политических институтов, таких как правительство, политические лидеры, политические партии, судебные и правоохранительные органы. Это открывает широкие возможности для применения данной методики в исследовании информационных войн, а также в контексте формирования общественного мнения.

Полученные результаты могут быть внедрены в разработку теории языковой манипуляции и в выявление технологий кодирования и декодирования информации медиатекстов, а также найти применение в курсах лекций

по межкультурной коммуникации, лингвострановедению, стилистике, лексикологии, лингвистике текста, прагмалингвистике и др.

Апробация работы. Основные положения настоящего диссертационного исследования были представлены в форме докладов на международных и всероссийских научно-практических конференциях: II Всероссийская научно-практическая конференция «Молодые ученые-инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий» (г. Махачкала, ДГУ, 2016 г.); V Международная научная конференция «Новейшие исследования в современной науке: опыт, традиция, инновации» (г. Северный Чарльстон, 2017 г.); V Всероссийская научно-практическая конференция «Молодые ученые-инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий» (г. Махачкала, ДГУ, 2022), а также на заседаниях и семинарах кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета.

По теме диссертации опубликовано 7 научных работ общим объемом 4,64 печатных листов, из них единолично автором выполнено – 4,18 п.л., в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Во **введении** дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, актуальность и научная новизна проведенного исследования, определяется его объект и предмет, основная цель и задачи, раскрываются теоретическая и практическая значимость работы, описываются методы исследования и привлеченный для анализа материал, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** диссертации «Манипулятивно-оценочный потенциал лингвомедийного текста» рассматриваются понятия медиатекста и медиаобраза, приводятся различные определения и подходы к их изучению отечественных и зарубежных исследователей, описываются многокомпонентность их структуры и разнообразие типов, отличительные признаки, оценочный потенциал.

Во второй главе «Семантико-грамматические особенности формирования оценки образа беженца в медиатексте» анализируются механизмы формирования оценочного потенциала медиаобраза беженца на лексическом и синтаксическом уровнях.

Третья глава «Лингвомедийные особенности оценки образа беженца в информационно-аналитическом тексте» посвящена сопоставительному анализу стилистических особенностей корпуса английских и немецких информационно-аналитических медиатекстов, участвующих в актуализации оценочного потенциала медиаобраза беженца.

В заключении представлены общие выводы и результаты, полученные в ходе работы над диссертационным исследованием.

Работу завершает **список использованной научной литературы**.

Глава 1. МАНИПУЛЯТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОМЕДИЙНОГО ТЕКСТА

1.1. Лингвомедийный текст: типология и функции

В условиях современного цифрового общества главным механизмом тотального контроля и трансформации общественного мнения являются СМИ. Оказывая значительное влияние на способ мышления и мировоззрение человека, СМИ никогда не остаются нейтральными по отношению к событиям, которые освещают.

В связи с этим фокус внимания многих лингвистов направлен на исследование оценочного и манипулятивного потенциала медиатекста, посредством которого происходит формирование определенного видения окружающего мира.

В западной лингвистике изучением языка СМИ занимались Т.А. ван Дейк [1988, 1989, 2008], Н. Фейерклаф [1989, 1995], Р. Фаулер [1991], А. Белл [1996, 1998], Д. Корнер [1998], Х. Бургер [2005], Д. Кристал [2006], М. Монтгомери [2008], Д. Доменик [2013] и другие исследователи, чье внимание привлекали такие актуальные проблемы медиалингвистики, как определение функционально-стилевого статуса языка СМИ, способы описания различных типов медиатекстов, лингвомедийные технологии воздействия на потенциальную аудиторию и др. В 1998 году в статье Джона Корнера «The Scope of Media Linguistics» впервые были сформулированы предмет и задачи медиалингвистики, основной единицей которой является медиатекст [Corner 1998].

Исследователь Т. ван Дейк выдвигает тезис о важности корпуса текстов массовой коммуникации, подчеркивая, что структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений и как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации [Дейк 1989].

Анализируя лингвомедийные особенности медиатекстов, М. Монтгомери говорит об идеологической обусловленности содержания в текстах массовой информации, подчеркивая, что варианты языковых обозначений реальности всего лишь отражают разные идеологические позиции коммуникантов, их системы ценностей и политических установок [Монтгомери 1995].

Схожей точки зрения придерживаются также Т. Ван Дейк [1995], А.А. Мирошниченко [1996], Е.Г. Малышева, [2011], Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина [2011], Г.А. Осипов [2017], О.В. Эпштейн [2021] и др.

По мнению исследователя А.Белла, понятие «медиатекст» гораздо шире понятия традиционного текста. Если текст – это последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге, то медиатекст может включать в себя и голосовые качества, музыку, звуковые эффекты, визуальные образы [Bell 1996].

Среди отечественных лингвистов проблемами языка СМИ занимались исследователи В.Г. Костомаров [1971], Г.С. Мельник [1996], Б.Я. Мисонжников [1999], Г.Л. Солганик [2005], Н.В. Чичерина [2007], Н.А. Кузьмина [2011], А.М. Палиенко [2013], Т.Г. Добросклонская [2000; 2005; 2008; 2013; 2020] и др. Но впервые в отечественном языкоznании термин «медиатекст» был употреблен в работе Т.Г. Добросклонской «Вопросы изучения медиатекстов» [Добросклонская 2000].

По ее мнению, медиатекст – динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [Добросклонская 2008: 11]. Исследователь рассматривает медиатекст как объемное многоуровневое явление, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц верbalного и медийного ряда, подчеркивая, что уровень массовой коммуникации придает понятию «текст» новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного СМИ [Добросклонская 2013: 27].

Среди базовых характеристик медиатекста выделяются: особый тип информации, передаваемой СМИ; производство на «поток», одноразовость, невоспроизводимость; коллективное производство медиапродукта; значи-

мость технических средств, с помощью которых и осуществляется трансляция сообщения [Кузьмина 2011: 11].

Современные медиатексты интегрируют в едином смысловом пространстве разнородные компоненты коммуникации (вербальные, визуальные, аудитивные). Даже традиционные печатные медиатексты трудно обозначить только как вид письменной речи, так как важным элементом газетного текста выступает визуальная составляющая, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление.

В процессе коммуникации адресатом СМИ выступает большое количество людей, вступающие в опосредованное, социально ориентированное общение и обретающие категориальные признаки, такие как анонимность, опосредованность, рассредоточенность и разнородность.

С различных позиций в современной науке решается проблема типологизации медиатекстов, что не является неожиданным в свете неограниченного количества типов текстов, а также их специфических характеристик. По мнению Г.Я. Солганика, идеальной была бы такая классификация, в которой все виды медиатекстов выделяются на основе единого релевантного критерия, но такой критерий пока не найден, и сомнительно, возможен ли он, учитывая многообразие и сложность устройства текстов [Солганик 2005: 9].

Г.С. Мельник классифицирует медиатексты с точки зрения их воздействия на аудиторию и группирует их следующим образом:

- 1) тексты, рассчитанные на одновременное воздействие и наконкретные социальные институты или конкретных лиц, и на сознание массовой аудитории;
- 2) тексты, целью которых является воздействие на сознание массовой аудитории, принципиально рассчитанные на немедленный отклик какого-либо института;
- 3) тексты, рассчитанные на немедленную реакцию, требующие вмешательства в реальную действительность и не рассчитанные на воздействие на сознание массовой аудитории;
- 4) тексты нейтральные, информирующие, просвещающие и не рассчитанные на немедленную реакцию [Мельник 1996: 136].

Сходным образом классифицируют медиатексты по функциональному признаку Б.Я. Мисонжников, А.А. Тертычный, А.М. Палиенко, выделяя единогласно информационные и аналитические медиатексты. На основе жанровой принадлежности ими также обособляются художественно-публицистические медиатексты [Мисонжников 1999: 3], [Тертычный 2006: 158], [Палиенко 2013: 269].

По мнению Н.В. Чичериной, практически любой медиатекст можно охарактеризовать не только с точки зрения реализации в нем языковых и междийных функций, но и с точки зрения основных форматных признаков [Чичерина 2007: 162–164], которые подробно изучены Т.Г. Добросклонской. Она выстраивает типологию медиатекстов таким образом, чтобы предельно точно можно было дать описание того или иного медиатекста с точки зрения универсальной природы и многомерной структуры:

- 1) по способу производства текста (авторский – коллегиальный);
- 2) по форме создания (устная – письменная форма);
- 3) по форме воспроизведения (устная – письменная);
- 4) по каналу распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);
- 5) функционально-жанровый тип текста (новости, информационная аналитика и комментарий, реклама, текст-очерк (features));
- 6) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [Добросклонская 2005: 30].

Данная классификация используется нами в качестве базовой при анализе англо- и немецкоязычных медиатекстов качественных изданий «The Guardian», «Die Welt», которые могут быть отнесены к группе информационно-аналитических.

Вышеперечисленные классификации освещают типологический аспект, однако не дают полного представления об их жанровой спецификации. Наличие устойчивых функционально-жанровых типов текстов позволяет ориентироваться в богатом разнообразии каждого дня потока медиаречи. Новости, информационная аналитика, публицистика, реклама – именно эти

типы текстов выделяются исследователями в качестве речевых медиауниверсалей и являются предметом всестороннего междисциплинарного изучения.

Значение новостных текстов в информационном пространстве бесценно. При описании медиатекстов данного типа зачастую используется такой термин, как «новостная ценность» (*news value, news worthiness*). Из огромного потока медиатекстов на полосы газет и экраны телевизоров попадают лишь те сообщения, которые обладают данной «ценностью». Исследователи предполагают, что «новостная ценность» определяется целым рядом факторов: актуальностью, новизной, пространственной и психологической близостью к получателю информации, значимостью, возможными последствиями для массовой аудитории, конфликтностью, фактором человеческого интереса [Добросклонская 2008: 59].

Наиболее четко представление о новостной ценности сформулировано в монографии американских авторов Роджера Виммера и Джозефа Доменика «*Mass Media Research: An Introduction*» [Wimmer, Domenic 2010], а также в исследовании их британских коллег Бета Эдингтона и Мартина Монтгомери «*The Media*» [Edington, Montgomery 1996], в которых авторы выделяют следующие критерии: актуальность, новизна, значимость, масштаб, последствия события для массовой аудитории, пространственная близость, конфликтность или негативный характер информации, эмоциональный фактор.

Подробный обзор данных категорий проводится Т.Г. Добросклонской, в котором исследователь отмечает, что для адресата интерес представляет информация о только что произошедших событиях. Чем больше масштаб ситуации, тем больше интерес она привлекает. Немаловажное значение имеет и социальный статус участника события.

Привлекательность медиатекста также определяется конфликтностью и негативным характером информации. Медиатексты, которые несут в себе негативную информацию (*bad news*: катастрофы, катаклизмы, цунами, террористические акты, этнические конфликты), вызывают гораздо больший интерес, чем рутинные новости.

При этом немаловажным представляется пространственная близость и последствия события на жизнедеятельности данного общества. Чтобы аудитория не «уставала» от жёсткой фактологии новостей (*hard news*), авторам медиатекстов необходимо апеллировать к её чувствам, используя «*human interest stories*». Подобные сообщения рассчитаны на эмоциональное воздействие самого широкого спектра [Добросклонская 2008: 61].

В зависимости от актуальности информации в британской журналистике новостные тексты могут быть подразделены на: *leading story*, *front-page story*, *major story*, *inside story*, *minor story*, *back-page story*.

Классификация британских новостных сообщений по содержанию базируется на дихотомических категориях:

- 1) *hard news* – *soft news*;
- 2) *local news* – *foreign news* (*home news* – *international news*, *world news*).

Сообщения «*hard news*» составляют основу любого новостного сообщения, а сообщения «*soft news*», в свою очередь, дополняют их фактами.

Содержание новостных сообщений соотносится также с определенными тематическими блоками, или устойчивыми медиатопиками, к которым относятся политика, экономика, финансы и бизнес, образование, наука, культура, здравоохранение, социальная проблематика, погода и состояние окружающей среды, спорт и т.д. Названные темы, в свою очередь, подразделяются на более мелкие тематические единицы [Добросклонская 2008: 70].

В целом, любое новостное сообщение представляет собой диалектическое объединение признаков экспрессии и стандарта, которые понимаются как оценочные и интеллектуализованные начала в противопоставлении друг другу [Костомаров 1971: 266].

В отличие от новостных, к медиатекстам группы *features* относят статьи на самые разнообразные темы: культура, искусство, театр, здоровье, высокая мода и др. Данная группа медиатекстов акцентирует внимание на общечеловеческом интересе и индивидуально-авторском видении той или иной проблемы.

Неотъемлемой частью языка современных СМИ выступает информационно-аналитический жанр, который содержит элементы новостей и публи-

цистики. В современном медиатексте информационно-аналитический медиажанр представлен следующими разновидностями:

- 1) политические комментарии;
- 2) аналитический обзор событий;
- 3) тексты, отражающие мнение и оценку [Добросклонская 2008].

Печатные тексты англоязычного информационно-аналитического медиадискурса могут быть представлены такими субжанрами, как news analysis, opinion, comment, editorial, column, op-ed (opposite the editorial page), review.

Отнесенность статьи к информационно-аналитическому жанру определяется наличием следующих характеристик:

- 1) указание на автора или коллектив авторов;
- 2) наличие эксплицитно или имплицитно выраженного субъективного мнения;
- 3) активное применение автором логических методов индукции/ дедукции и анализа/синтеза;
- 4) употребление аргументационных структур;
- 5) экспрессивность и оценочность изложения [Соломина 2010: 18].

Этот тип статей характеризуется не только наличием сообщающей, но и комментирующей (аналитической) части, которая и усиливает воздействующую функцию данного жанра [Васильева 2012: 108].

В результате анализа многочисленных работ в данной области Т. ван Дейка [1989], Д. Корнера [1998], Т.Г. Добросклонской [2000, 2005, 2008, 2013], А.В. Соломиной [2010], Н.И. Клушиной [2000], В.А. Тырыгиной [2010] нами выделены следующие критерии информационно-аналитического жанра: общедоступность, односторонность, дистанцированность, информативность, динамичность, модальность, интертекстуальность, культуронасыщенность.

При этом, по мнению Т.Г.Добросклонской, протяженность медиатекстов данной группы может варьироваться от статьи малого формата до большого текста (от 300 до 800 слов). Если новостные медиатексты отражают реальную картину мира, то информационно-аналитические окрашивают данную картину, придавая ей определенный мировоззренческий оттенок.

Интерпретационная функция медиатекстов реализуется при помощи лингвистических средств, переплетаясь с функцией воздействия, наглядным примером чего может послужить информационная цепочка: *отбор фактов – освещение событий – создание образа – формирование стереотипа – выстраивание культуро-идеологического контекста* [Добросклонская 2008: 107].

Каждое из звеньев играет определенную роль при реализации интерпретационной функции. Так, например, отбор фактов – это одно из мощнейших орудий для ведения информационной войны, которое служит действенным инструментом в мировой политике, расставляя политические интересы, приводящие к грамотной аргументации.

На следующем этапе (освещение событий) в информационно-аналитических медиатекстах появляется лингвистически выгодно оформленное мнение, оценка, а информация снабжается определенным комментарием, превращаясь в соответствующую интерпретацию того или иного события [Там же, 108].

Средства массовой информации занимают особое место и в формировании стереотипов. Возможности формирования стереотипов СМИ не ограничены как по своему масштабу, так и по своей силе. Для большинства людей пресса, радио и телевидение являются авторитетами. Это происходит в том случае, когда индивид не обладает достаточными знаниями для формирования собственного мнения и установки. Большое значение имеет статус источника информации. Чем выше авторитет источника, тем выше доверие к этой информации со стороны аудитории. Даже если некоторые индивиды критически воспримут информацию от такого источника, то она все равно закрепится в их сознании. Мнение средств массовой коммуникации становится мнением людей, вытесняя из мышления их индивидуальные установки [Грушевицкая, Попов, Садохин 2002: 220].

С помощью медиатекстов журналисты могут не только объективно представить определенное событие и факты, но и манипулировать мнением реципиентов, навязывать им ту или иную оценку.

1.2. Оценочность медийного текста

Непосредственной задачей информационно-аналитической статьи, как отмечалось выше, является эмоциональное воздействие на потенциальную аудиторию с целью принятия информации или отрицания её, а также убеждение в правоте и возможности изменения отношения к сообщению, т.е. формирование у читателя определенной (желаемой автором статьи) оценки.

В лингвистической литературе понятия «оценка» и «оценочность» нередко употребляются как синонимы [Калимуллина 2004; Никифорова 2008; Грановская 2005; Шмелев 1973, 2005]. Существует ряд работ, в которых оценка и оценочность разграничиваются [Марьянчик 2013, Стернин 2003 и др.], в частности термином «оценочность» иногда обозначают наполненность оценками того или иного коммуникативного пространства, что в принципе не исключает их взаимодействия. Изучением различных аспектов категории оценки занимались Н.Д Арутюнова [1988], А.А. Ивин [1970], В.З. Демьянков [1981] (логический аспект оценки); Е.М. Вольф, [1979], Н.А. Лукьянова [1986], А.Н. Шрамм [1979, 1992], Д.Н. Шмелева [1973] (семантический); Е.М. Вольф [2024], Т.В. Маркелова [1993, 2013], З.К. Темиргазина [1999] (функционально-семантический); В.В. Лопатин [1992] (функционально-грамматический); Ш.Балли [2009, 2018], В.В. Виноградов [1975], В.Н. Телия [1988], Г.О. Винокур [2006], В.А. Марьянчик [2013] (функционально-стилистический); Ю.Д. Апресян [1995], М.А. Ягубова [1993], О.В. Гуськова [1992] (прагматический аспект); А. Вежбицкая [1996, 1999], Т.В. Писанова [1997] (национально-культурный), О.Х. Гладкова [2019], А.А. Ивина [1970], Л.Г. Лисицкая [2010], О.С. Синепуповой [2006] (аксиологический аспект).

В данном научном исследовании упор делается на аксиологический аспект, где в рамках семантического, функционально-грамматического и функционально-стилистического подходов проводится изучение категории оценки в английском и немецком языках. Путем сравнительно-сопоставительного

изучения оценочной категоризации медиаобраза беженца в исследуемых языках выявляется его национально-культурная составляющая.

Для достижения поставленной цели обратимся к различным толкованиям оценки. В широком смысле Н.Д. Арутюнова определяет оценку как собственно человеческую категорию, которая задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства [Арутюнова 1990: 5].

Согласно Р.М. Якушиной, оценка – это отношение носителя языка к объекту, которое обусловлено признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям [Якушина 2003: 6]. В рамках аксиологического подхода к интерпретации оценки могут быть рассмотрены определения А.А. Ивина и О.С. Синепуповой, которые под оценкой понимают приписывание положительных или отрицательных свойств объекту речи [Ивин 1970:2; Синепупова 2006: 7].

В теоретических работах, посвященных категории оценки, данное понятие часто бывает связанным с категорией модальности [Арутюнова 1988, Колшанский 1990, Маркелова 1996, Бондарко 1996, Вольф 2002, Краснова 2002]. Г.В. Колшанский определяет модальность как выражение отношения человека к высказываемому утверждению о событиях (факт и оценка факта) и образует двойственную природу высказывания – утверждение о чем-то и одновременно оценка этого утверждения [Колшанский 1990: 91]. Н.Ю. Шведова [1960], В.Н. Ярцева [2002], Ш. Балли [2001], В.В. Виноградов [1975], В.В. Химик [2008], Е.Н. Орехова [2011], Т.В. Матвеева [2014] подразделяют модальность на объективную (выражать отношение человека к действительности) и субъективную (обозначать разные виды отношения адресанта к сообщаемой им информации).

Объективная модальность присутствует в каждом высказывании, она транслирует отношение автора высказывания к действительности с точки зрения реальности/ирреальности [Сподарец 2010].

Субъективная модальность транслирует картину мира, положительное/отрицательное отношение говорящего к описываемым фактам, его индивидуальную оценку, позицию, ценности, точку зрения, что указывает на наличие в ее структуре оценочного компонента. Она имеет ядерно-периферийную структуру. К ядру можно отнести лексические средства, а к периферии – синтаксические [Хаотун 2022: 68].

Наличие оценочного компонента в структуре модальности часто способствует отождествлению данных понятий. Однако не все лингвисты разделяют данную точку зрения. По мнению С.С. Ваулиной, оценочность является более широкой категорией, чем модальность. Кроме комплекса немодальных значений, традиционно составляющих центральный план ее содержания, она охватывает и категорию модальности [Ваулина 2009: 8]. Модальнооценочные слова, не выражая прямо оценки обозначаемого, обладают определённой оценочной направленностью, способностью косвенно выражать оценку [Серова 2007: 18].

В данном научном исследовании нами используется типология следующих видов оценок, выведенная на основе классификаций, предложенных Н.Д. Арутюновой [1989: 45–53], И.Г. Серовой [2007: 18], В.А. Марьянчик [2013: 96–97], С.Е. Токмаковой [2015: 14]. Применительно к медиатексту представляется возможным выделить следующие виды оценок:

- 1) по способу представления оценочности: *открытая* (эксплицитная), которая заложена непосредственно в значении и *скрытая* (имплицитная) оценка, которая проявляется в специфике конкретного словоупотребления;
- 2) по признаку оценочности газетная лексика подразделяется на *оценочную* и *неоценочную* (нейтральную). Входящие в оценочный разряд слова подразделяются на *позитивнооценочные* (положительные), *негативнооценочные* (отрицательные) и *модальнооценочные*;
- 3) по наличию эмотивного компонента: *рациональная* и *эмоциональная* оценка. Рациональный аспект формируется за счет денотативного значения оценочной лексемы, а эмоциональный – чувства автора сообщения;

4) в зависимости от контекста: *узуальная (языковая)* и *окказиональная (речевая)*;

5) с точки зрения беспристрастности сообщения оценка может быть *субъективной, объективной* или *субъективно-объективной*.

Априорной характеристикой категории «оценка» является фактор субъективности. По своей природе даже объективная оценка, носящая описательный или констатирующий характер, может преломляться под воздействием фактора субъективизма, столь свойственного человеческой природе, о чем говорится в ставшей классической работе Е.М. Вольф «Оценка и «странный» как виды модальности» [Вольф 1987]. В рамках проведенного исследования Е.М. Вольф отметила взаимодействие 2-х начал – объективного и субъективного. Объективные оценки констатируют денотативные характеристики, тогда как субъективные – ориентированы на перспективу экспликации положительно или отрицательного отношения субъекта к объекту [Вольф 1987: 24–33], когда в качестве субъекта оценки может выступать определённый индивид, социальная группа или общество в целом;

6) по наличию или отсутствию интенсификатора: *интенсифицированная, деинтенсифицированная и неинтенсифицированная* оценки.

Значимой характеристикой категории оценки является ее степень. Различают слабую, среднюю и интенсивную оценочную степень. Наиболее нейтральными по уровню эмоциональности и экспрессивности являются оценки слабой степени. Их специфика заключается в наличие деинтенсификатора совместно с оценочной лексемой. Оценки средней степени реализуются лексемами, обладающими как эмоционально-оценочным, так и предметно-логическим значением и характеризуются усилением эмотивнооценочного компонента. В оценках интенсивной степени доминирует эмотивный компонент, который нередко бывает усилен интенсификаторами разных языковых уровней [Токмакова 2015: 14].

Сама по себе оценка невозможна без обращения к базовым, постулирующим блокам, являющимся результатом накопленного опыта. Эксплика-

ция оценки непосредственно связана с ценностной ориентацией субъекта оценки (лицо, производящее оценку). Ценностная ориентация понимается как результат свободного выбора социально-значимых предметов.

Данный тезис позволяет говорить об изначально заложенном в природу оценки субъективизме. Индивид, эксплицируя оценку, вступает в отношения выбора заявляемой позиции, погружаясь в систему накопленного ценностного опыта, являющего собой отражение существующих оценочных стандартов и штампов.

1.3. Медиаобраз как способ реализации оценочности в информационно-аналитическом тексте

Впервые термин «медиаобраз» был использован в 2007 году в диссертационной работе Е.Н. Богдан «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики», где исследователь отмечает «медиатизацию» общественной жизни, усиление влияния СМИ на все сферы жизни и формирование образа социального мира в медиапространстве [Богдан 2007]. Дальнейшее изучение медиаобраза прослеживается в работах Е.Н. Богдан [2007], О.Ф. Русаковой [2010], Л.В. Хочунской [Хочунская 2011], А.В. Марущак [2012], А.Н. Всеволодовой [2013], Т.Н. Галинской [2013] и др., изучающих взаимозависимость общественного мнения и масс.

Согласно Е.Н. Богдан, медиаобраз – это особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией [Богдан 2007: 124].

Л.В. Хочунская определяет медиаобраз как отраженное в журналистском тесте кодирование представления автора о действительности или ее фрагменте, детерминированное концепцией адресата и установкой на архетипическую ориентацию аудитории [Хочунская 2011: 36].

А.В. Марущак рассматривает медиаобраз как совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ [Марущак 2012: 93].

Исследователь Т.Н. Галинская отмечает, что понятие «медиаобраз» можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле «медиаобраз» – это фрагмент реальности, описанный в текстах только профессиональных журналистов, отражающий их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества. В широком смысле «медиаобраз» – это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиапространстве (профессиональными журналистами, блоггерами, интернет-пользователями и т.д.) [Галинская 2013: 91].

Отсутствие единого определения данного термина объясняется тем, что медиаобраз проявляется в трех ипостасиях:

- 1) мир, который видит и интерпретирует автор медиатекста;
- 2) мир как текст, который существует в медиапространстве;
- 3) мир, который воспринимает и оценивает адресат сквозь призму его интеллектуальных, психологических, возрастных особенностей [Хочунская 2013].

Т.Сезонов и В.Барабаш отмечают, что медиаобраз обладает специфическими признаками:

- 1) стереотипность. Медиаобраз формируется с помощью СМИ в склонном к стереотипизации массовом сознании аудитории, готовой к образному анализу и легко воспринимающей мифы и символы;
- 2) утрированность. Наиболее характерные черты объекта, который представляет медиаобраз, возводятся в максимальную степень;
- 3) кратковременность. Временной отрезок, в котором существует медиаобраз, определяется социальными, экономическими и политическими факторами, и в большей степени – узнаваемостью и востребованностью объекта отображения;
- 4) двойственность. Медиаобраз – это искусственно созданный продукт, базирующийся на реальных предпочтениях аудитории;
- 5) эмоциональность. Медиаобраз апеллирует к эмоциональности, на основе которой формируется отношение к реальному объекту действительности [Барабаш, Сезонов 2015].

Данные признаки, выступая как конституирующие медиаобраза, определяют его классификацию. В научной литературе приводятся различные классификации медиаобраза, обзор которых представлен в работе О.В. Держак и В.В. Дроздова:

1. По объекту медийности: персональный (внимание сконцентрировано на конкретной личности и определенного отношения к ней) и коллективный (конструируется образ организации, бренда и т.д.).
2. По социальному признаку: политический; спортивный; образ «простого» человека с необычной судьбой (с целью мотивации целевой аудитории).
3. По модальности: положительный (образ вызывает доверие у целевой аудитории) и негативный (вызывает антипатию и, обычно создается конкурентами).
4. По взаимодействию одного образа с другими: единичный (сам по себе, не зависит от других); примыкающий (находится во взаимодействии с другими образами); обособленный (стал популярным за счет другого). Контакт медиаобразов способствует расширению целевой аудитории и более эффективно воздействует на нее.
5. По длительности существования: кратковременный (от недели до двух); средней продолжительности (от нескольких месяцев до года); длительный (от года и больше) [Держак, Дроздов 2017: 247–248].

Внимание исследователей в основном привлекают создаваемые журналистами медиаобразы государств, политических лидеров, представителей мира культуры и искусств и т.д. Медиаобраз сочетает в себе этнический, культурный, идеологический и политический аспекты. Основная цель формирования медиаобразов – это управление общественным сознанием. С помощью медиаобразов, искусственно сконструированных авторами медиатекстов, СМИ влияют на сознание и мировоззрение аудитории, корректируя нравственные и ценностные ориентиры общества. Внедряя в сознание аудитории медиаобразы, СМИ становятся инструментом манипуляции общественным сознанием.

По мнению И. А. Балалуевой, при формировании медиаобраза большую роль играют политика издания, его бизнес-модель и личные ценности

авторов. В зависимости от концепции издания определяется подача того или иного образа, определяются методы и подходы создания журналистского произведения, потенциальная тиражируемость, окупаемость, а также особые идеи самого автора медиатекстов [Балалуева 2014: 88].

Для конструирования медиаобраза авторы информационно-аналитических медиатекстов прибегают к использованию разных экстралингвистических, вербальных и невербальных средств. К экстралингвистическим можно отнести графические и визуальные. Под вербальным понимается текст (лексические, стилистические средства). Среди основных невербальных средств рассматриваются шрифты и подчеркивания, благодаря которым производится выделение ключевых моментов в тексте, которые хранят в себе дополнительную информацию, имплицитно представленную в данном тексте. Любые изменения рисунка, размера, цвета или насыщенности знаков, включение полужирного начертания, курсива выделяют нужный фрагмент текста и акцентируют на нем внимание читателя [Алексеев 1999].

В зависимости от сферы употребления, данное понятие можно подразделить на интра- и экстраобраз. Интраобраз – представление индивида о членах своего этноса. Этнический образ представляет собой систему тех или иных представлений об отличительных чертах различных этнических групп и определенных этнических поведенческих стереотипов. Экстраобраз – представление индивида о членах других этносов. При формировании экстраобраза основную роль играют исторические события, культурные и национальные особенности, политическое взаимодействие разных стран, их уровень развития и желание принимать участие в коммуникации. На формирование этнического образа другой страны влияют стереотипное представление, устоявшиеся взгляды и средства массовой информации [Замятин 2004].

Таким образом, медиаобраз, демонстрируя суммарное представление о субъекте, которое создается средствами массовой информации в результате отражения в журналистских материалах тех или иных качеств, или тех или иных сторон, ставит своей целью управление общественным сознанием. Под

влиянием информационно-аналитических медиатекстов в сознании читательской аудитории формируются образы, которые включают в себя не только модель самого понятия, но и его оценки.

Именно СМИ на сегодняшний день обладают наибольшими техническими и идеологическими возможностями по формированию векторов общественного мнения и доминант политических предпочтений публики, и как следствие формирование медиаобраза и манипулирования общественным сознанием.

Манипулирование часто определяют как воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению [Бессонов 1971, Власов 1982, Беглов 1984, Берн 2020].

П.Б.Паршин предлагает классифицировать приемы воздействия по компонентам внутреннего мира человека, на которые может быть направлена манипуляция через обращение к эмоциям, к социальным установкам, посредством обращения к представлениям о мире. Последняя группа, в свою очередь, подразделяется на три составляющих: образ действительности, структура ценностей, набор рецептов деятельности [Паршин 2000: 63-71].

Лексика является основным средством манипулирования человеческим сознанием [Ильичева 2013: 175], так как человеческий язык – это в первую очередь средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации [Данилова 2009: 52].

Манипуляция осуществляется и посредством языка, которое сознательно и целенаправленно используется для воздействия на слушателя [Островуцко 2002: 90]. Он имеет манипулятивный эффект и осуществляется не только на уровне слов и предложений, но и на уровне всего текста. Структурно-композиционное построение текста, развертывание аргументации, порядок следования семантических единиц в совокупности могут способствовать формированию медиаобраза – отрицательного или положительного. При этом авторы медиатекстов воздействуют не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции), которая не

поддается произвольному контролю. Манипулирующий стремиться достичь своей цели за счет намеренного искажения фактов окружающей действительности, создания иллюзий и мифов [Попова 2002: 277].

Данные характеристики активно имплементируются в медиадискурсе в виде актуализации ценностно-эмоциональных представлений и ментально-мифологических конструктов, управления информационным пространством, задействования психологических и убеждающих логических уловок [Дзялышинский 2005], создания в том числе и медийных интра- и экстраобразов.

Очевидно, что в процессе манипуляции происходит взаимодействие психологических техник, логических приемов, приемов, связанных с манипулированием статистической информации и посредством варьирования композиции и формата сообщения [Белогородский 2005].

О.Н. Быкова разделяет приемы манипулирования на три вида, основываясь на том, каким образом происходит изменение «поля значений» в сознании адресата:

- 1) с помощью сообщения неизвестной ранее информации;
- 2) за счет сообщения новых сведений об уже известном;
- 3) посредством сообщений, которые, не затрагивая знаний адресата об элементах действительности, корректируют отношение к ним.

Эти типы речевого воздействия О.Н. Быкова напрямую соотносит с тремя функциями СМИ – информирующей, идеологической (истолкование первичной информации) и реакционной [Быкова 2000].

Среди языковых средств, применяемых для манипулятивного воздействия, можно выделить лексические, морфо-синтаксические и стилистические средства.

Самую широкую и часто употребляемую область инструментов языковой манипуляции составляют такие лексические средства, как слова и словосочетания с экспрессивно-оценочными коннотациями, клише, идиомы, синонимы, словосочетания, маркированные в плане категории культуро специфичности.

Выводы по первой главе

На сегодняшний день медиатекст является одной из основных форм современной коммуникации. Он представляет собой объемное многоуровневое явление, включающее взаимодействие вербальных и медийных элементов. В отличие от традиционного текста, медиатекст изменяет восприятие информации, что связано с массовостью его распространения и воздействия на аудиторию.

Если новостные медиатексты стремятся к репрезентации реальной действительности, то информационно-аналитические медиатексты выполняют интерпретативную функцию, придавая изображаемой реальности определенную мировоззренческую окраску. Интерпретация медиатекстов данной жанровой направленности осуществляется посредством разнообразных лингвистических средств, с помощью которых осуществляется воздействие на потенциального реципиента. Это позволяет проследить целостную информационно-коммуникативную цепочку: от отбора и интерпретации фактов к освещению событий, созданию образов, формированию стереотипов и, в конечном итоге, выстраиванию культурно-идеологического контекста.

На этапе освещения событий информационно-аналитический медиатекст выходит за рамки нейтральной трансляции фактов: осуществляется формирование лингвистически маркированного мнения, которое сопровождается оценочной составляющей. В таком случае автор медиатекста не только объективно транслирует факты и события, но и оказывает воздействие на аудиторию, формируя или навязывая определенную точку зрения, влияя на общественное мнение.

Субъективная модальность транслирует положительное или отрицательное отношение автора, его ценностные установки, точку зрения, позицию к описываемым событиям. Структура субъективной модальности является ядерно-периферийной: к ядру относятся лексические средства выражения оценки, а периферию формируют синтаксические конструкции, усиливающие модальный эффект.

В основе оценочного высказывания всегда лежит субъективность. Даже объективная, описательная или констатирующая оценка по своей природе

может подвергаться субъективизации, отражая личностное восприятие и интерпретацию реципиента.

В медиатексте виды оценки могут быть классифицированы в зависимости от следующих критериев:

- 1) по способу представления оценочности: эксплицитная и имплицитная;
- 2) по признаку оценочности газетной лексики: оценочная и нейтральная;
- 3) по наличию эмотивного компонента: рациональная и эмоциональная;
- 4) в зависимости от контекста: языковая и речевая;
- 5) с точки зрения беспристрастности сообщения: субъективная, объективная, субъективно-объективная;
- 6) по наличию или отсутствию интенсификатора: интенсифицированная, деинтенсифицированная и неинтенсифицированная.

Медиаобраз конструируется СМИ в массовом сознании, склонном к стереотипизации и восприимчивом к мифологизации и символизации действительности. Медиаобраз представляет собой двойственную конструкцию: с одной стороны, это искусственно созданный продукт медиакоммуникации, с другой – он опирается на реальные предпочтения и ожидания аудитории. Медиаобраз также апеллирует к эмоциональной составляющей, что способствует формированию определенного отношения к отражаемому объекту реальности.

Формирование медиобраза может осуществляться как в положительном, так и в отрицательном ключе. Положительный медиаобраз способствует формированию доверия у целевой аудитории, а негативный – вызывает отрицательное восприятие и зачастую может использоваться в определенных стратегиях медиаконкуренции.

Медиаобраз – это сложное многоуровневое явление, которое сочетает в себе этнический, культурный, идеологический и политический элементы. Функциональная нагрузка медиаобраза заключается в управлении общественным сознанием, мировоззрением аудитории посредством корректировки нравственных и ценностных ориентиров. Интегрируя определенные медиаобразы в массовое сознание, СМИ выступают в роли субъекта манипуляции общественным мнением.

Глава 2. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ ОБРАЗА БЕЖЕНЦА В МЕДИАТЕКСТЕ

2.1 Лексико-семантические средства реализации оценки образа беженца в англо- и немецкоязычных медиатекстах

На сегодняшний день миграционный вопрос представляет собой один из главных вызовов, стоящих перед Европейским Союзом. В 2015 году Европа столкнулась с наиболее серьезным за последние десятилетия миграционным кризисом. Европейские страны захлестнула волна нелегальных мигрантов из государств Африки и Ближнего Востока. Если в 2000-2010 годах в Европу нелегально приезжало по 20–25 тыс. человек в год, то уже после 2015 г. и по настоящее время число беженцев перевалило за 1 млн. ежегодно (по данным Агентства ЕС по контролю границ Frontex) [ТАСС-ДОСЬЕ, URL]. Основной поток шел из Сирии и Афганистана, значительную долю составили выходцы из Ирака и Ливии. Более 4 млн заявок на получение временной защиты подали граждане Украины [Дудина, URL].

Великобритании антииммиграционные настроения были присущи еще до событий 2015 года. Европейский миграционный кризис лишь обострил существующие в британском обществе проблемы, перенеся вопросы иммиграции в сферу внешней политики.

Если по вопросу членства в ЕС общественное мнение Великобритании было расколото, то по вопросу иммиграции британцы были солидарны и выступали за ее ограничение. Отрицательное отношение к иммигрантам отражается в росте количества публикаций, негативно освещавших миграцию [Пашковская 2018].

Миграционный кризис, оказав значительное воздействие на массовое сознание носителей современной английской и немецкой политических культур, получил огромный резонанс в мировых СМИ. Наиболее ярко данная проблема представлена в корпусе информационно-аналитических медиатекстов последних лет.

В качестве одной из задач данного исследования было заявлено установление аксиологической функции языковых средств, используемых для конструирования медиаобраза в британских и немецких медиатекстах. В данном разделе проводится анализ аксиологизации медиатекста посредством синонимов, клише и фразеологизмов, описывающих разнообразные аспекты проблемы беженцев.

При описании медиаобраза беженца в британской лингвистической культуре доминантой выступает лексема REFUGEE, которая определяется как:

1. One who flees to a shelter, or place of safety [Merriam-Webster, URL].
2. A person who has been forced to leave their country in order to escape war, persecution, or natural disaster [OED, URL].
3. Someone who has been forced to leave their country, especially because of a war [Cambridge, URL].

Из данных definicij можно сделать заключение, что традиционно беженцы – это люди, которые вынуждены в силу тех или иных причин оставить обычное место проживания.

В проанализированных нами медиатекстах наряду с лексемой *refugee* фигурируют и её синонимы, которые помогают журналистам избежать ненужных повторений одного и того же слова (тавтологии) [Пустошило 2011].

В соответствии с определениями, данными в лексикографических источниках, можно выделить следующие лексемы, синонимичные *refugee* – *an exile, an expat, a deportee, an evacuee, an expatriate, an émigré* [Merriam-Webster, URL]; *an exile, an émigré, a fugitive, a runaway, an escapee* [Collins, URL]. Данные узульные синонимы демонстрируют сходные значения, но в рассмотренных нами информационно-аналитических медиатекстах они практически не представлены, за исключением лексем *a deportee* и *an expat*.

Как и лексема *refugee*, лексемы *deportee* и *expat* обозначают одно и то же лицо, за исключением того, что *deportee* – это человек, которого высылают из страны, не являющейся его собственной страной, а *expat* – это человек, живущий в стране, которая не является его собственной страной:

*It is clear that the safety of the **deportees**' environment is not fully considered* (March 8, 2017).

*To have these conversations responsibly and critically, we need to reflect on why we view cases differently, interrogating everything from who gets to be called an **expat** rather than a migrant, to our lack of education around global history* (November 25, 2019).

Денотативное значение данных лексем содержит имплицитную оценку сочувствия, которая реализуется в положительно-оценочном контексте рассматриваемых статей. Так, авторы информационно-аналитических медиатекстов отмечают, что власти недостаточно ответственно и добросовестно уделяют внимание вопросам безопасности беженцев и дифференцированного отношения к ним.

Вышеуказанным узальным синонимам противопоставляются окказиональные (контекстуальные, речевые, или авторские) синонимы, чье семантическое сближение обуславливается конкретным контекстом или ситуацией общения. В отличие от узальных синонимов *deportee* и *expat*, выявленные окказиональные синонимы *a foreigner*, *a migrant*, *a newcomer*, *a traveller*, *a victim* отличаются частотой употребления, что создает предпосылки для их функционирования в качестве узальных в рамках информационно-аналитических статей. Подтверждением может служить и тот факт, что они активно используются в медиатекстах наряду с ключевой лексемой *refugee*.

Как и *refugee*, лексемы *foreigner*, *migrant*, *newcomer*, *traveller* и *victim* могут обозначать беженца, но при этом *migrant* – это человек, который добровольно переехал в другую страну; *victim* – это человек, который вынужден был бежать под влиянием обстоятельств; *traveller* – это человек, у кого нет постоянного дома и кто путешествует из одного места в другое; *foreigner* – это человек, который приехал из другой страны; *newcomer* – это беженец, который недавно начал где-то жить или работать, или только что прибыл в какое-либо место [Macmillan, URL].

*...along with more or less justified fears about security, the ability to integrate **newcomers** into our societies, and the social and financial implications of an unrestricted flow of people* (April 22, 2016).

Now that you've got so many people hating foreigners, you can more easily turn away refugees (December 19, 2016).

Would-be travellers to Europe are increasingly being prevented from leaving Libya and instead becoming trapped in camps there (March 11, 2017).

The UK, too, is increasingly hostile, with the government seeking to give Border Force staff immunity from prosecution if migrants die while they are pushing back boats (October 20, 2021).

Отношение к беженцам, которые в информационно-аналитических межтекстах номинируются как *foreigner, migrant, newcomer, traveller, victims*, передается при помощи глагольных лексем, описывающих сочувственное отношение общества к ним (*to celebrate the important contributions, to do one's bit for Britain's prosperity, to enshrine the rights in new conventions, to integrate into society, to let into the country, to live and work in the open, to set out rights; to resettle, to stand up for, to support*); а также отношение, возникающее как реакция на враждебные действия против беженцев (*to attack with apparent impunity, to be exploited for profit, to be unpaid, to become trapped in camps, to drain public services, to escape regime/traffickers, to exploit one's desperation, to overwhelm schools/housing/the NHS, to push back boats, to restrict access to housing; to steal work and homes, to blame, to die, to deny, to deport, to hate, to keep out, to sent/turn away*). В отличие от других синонимов, лексема *victim* отличается наличием исходного коннотативного значения, сопряженного с понятиями «жалость, сочувствие и сострадание»:

We also collated numerous disturbing accounts from victims of groups of men, potentially from far-right and neo-Nazi groups, attacking refugees in and around Calais with apparent impunity (August 4, 2016).

It's a business model where people can be exploited for profit over and over again with the near certainty that in the end it will be the victim who the system comes down upon, for making the journey in the first place (October 29, 2019).

In death we can see them for who they are; victims both of the regimes they are escaping and of traffickers exploiting their desperation, but sometimes also of knee-jerk hostility in the country that they long to reach (November 5, 2021).

Результаты контекстуального анализа многочисленных примеров из британских медийных текстов позволяют выявить положительную коннотативную направленность узальных синонимов и сочувственное отношение британской читательской аудитории к беженцам.

В немецком языке медиаобраз беженца активно репрезентируется в современных средствах массовой информации, так как миграционная политика играет важную роль в жизни каждого государства, и от выбранного курса регулирования миграционных потоков зависит обеспечение безопасности как на внутриполитическом, так и на международном уровне. В рамках миграционного кризиса ЕС, который по сей день имеет глобальный характер, многие европейские страны столкнулись с угрозой национальной безопасности. Германия считается страной, в которой количество беженцев преобладает по сравнению с другими странами Евросоюза. Вполне естественно, что это вызывает напряженность между местным населением и переселенцами. Согласно официальным данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (BAMF), в течение 2015 года на территорию Германии прибыло более 1 миллиона беженцев, вследствие чего *Flüchtlings* стало словом 2015 года, которое определяется как:

1. Person, die aus politischen, religiösen, wirtschaftlichen oder ethnischen Gründen ihre Heimat eilig verlassen hat oder verlassen musste und dabei ihren Besitz zurückgelassen hat [Duden, URL].
2. Jemand, der vor jemandem oder etwas geflüchtet ist und dabei alles verloren hat [DWDS, URL].
3. Flüchtlings ist ein Sammelbegriff für Personen, die ihre Heimat wegen politischer Zwangsmaßnahmen, Kriegen oder lebensbedrohlicher Notlagen vorübergehend oder dauerhaft verließen [Wortschatz, URL].

Исходя из данных определений, можно сделать вывод, что под *Flüchtlings* понимается человек, которому по политическим, религиозным, экономическим или этическим причинам пришлось поспешно покинуть свое жилье, оставив или потеряв все свое имущество:

Die Flüchtlinge in der Ringstraße dürfen bleiben – vorerst. Denn das Landratsamt glaubt, im April auch diese Unterkunft zu benötigen (Мärz 27, 2022).

Во всех словарях синонимов немецкого языка слово *Flüchtling* является синонимической доминантой, которая объединяет узульные и окказиональные лексемы.

В соответствии с определениями, данными в лексикографических источниках, нами выявлены следующие узульные синонимические лексемы:

1. Der Asylbewerber, der Vertriebene, der Heimatvertriebene [Duden, URL].
2. Der Ausgebürgerte, der Aussiedler, der Umsiedler, der Verbannter, der Auswanderer, der Asylant, der Einwanderer, der Emigrant, der Immigrant [Synonym, URL].
3. Der Heimatlose, der Antragsteller, der Asylantragsteller, der Geflüchtete, der Asylsuchende, der Suchende [DWDS, URL].

В ходе анализа фактологического материала нами было установлено, что из 18 синонимов только 6 используются в информационно-аналитических медиатекстах по изучаемой проблематике: *der Antragsteller, der Asylbewerber, der Asylsuchende, der Einwanderer, der Geflüchtete, der Vertriebene*.

Все синонимы объединяет то, что, как и *Flüchtling*, они обозначают лицо, ищущее убежище. В связи с большим наплывом беженцев в Германию произошло деление их на классы в зависимости от их статуса, времени и материального благосостояния, вследствие чего понятие «беженец» стало культурно-маркированным для немецкоязычного общества.

Как и *Flüchtling*, лексемы *der Antragsteller* (проситель, претендент, заявитель, кандидат), *der Asylbewerber* (соискатель статуса беженца), *der Asylsuchende* (лицо, ищущее убежище) используются для обозначения людей, подавших документы на признание их политически преследуемыми, но не получивших статус беженца и имеющих право на политическое убежище. Лексемы *der Einwanderer*, *der Geflüchtete* и *der Vertriebene* могут обозначать беженца, но при этом *der Einwanderer* – иммигрант, переселенец, который добровольно переехал в другую страну; *der Geflüchtete* – жертва преследования,

которой пришлось в спешке бежать из своего региона или была изгнана оттуда, *der Vertriebene* – вынужденный переселенец.

В рамках данной группы узальных синонимов объединены обозначения иностранцев, которые не имеют официального статуса пребывания на территории Германии и составляют основной пласт группы беженцев.

Das ist zum einen der unvermeidliche Rekurs auf «unsere eigene historische Erfahrung», der mit schrägen Vergleichen unterlegt wird – «wir haben doch auch Millionen von Vertriebenen aus dem Osten aufgenommen!» (September 2, 2015).

Sie nehmen Kleider- und Sachspenden entgegen, organisieren Suppenküchen und Kinderhorte, kümmern sich um die Kranken und Erschöpften, begleiten die Antragsteller zu den Behörden, vermitteln und übersetzen – und das alles gewissermaßen nach Feierabend (Dezember 26, 2015).

Alle Erfahrung lehrt, dass sich Einwanderer vergleichsweise schnell an das generative Verhalten ihrer neuen Heimat anpassen (Januar 30, 2016).

Die Integration von Flüchtlingen und Asylsuchenden in den deutschen Arbeitsmarkt kommt einer neuen Studie zufolge gut voran. Und das auch trotz der Corona Pandemie, die inzwischen vielerorts zu Rückschlägen geführt hat (September 22, 2020).

Die Kosten dafür erstattet das Landesamt für Flüchtlingsangelegenheiten den Hoteliers. Auch unabhängig vom Branchenverband öffnen bundesweit immer mehr Hotels ihre Türen für Geflüchtete (März 10, 2022).

Данные узальные синонимы могут быть отнесены к культурно-маркированной лексике, которая представляет совокупность языковых единиц, обозначающих понятия, свойственные для определенного народа. Эти понятия характеризуют историю и культуру народа, передают образ мышления представителей определенной группы [Телия 1999: 14]. С течением времени у рассматриваемых синонимов появились оттенки оценочности, определяющие их эмотивную функцию и имеющие манипулятивное воздействие [Романова 2016: 161–163].

Положительное отношение к вынужденным переселенцам, обозначенное посредством лексем *Antragsteller, Asylsuchende, Einwanderer, Geflüchteter, Vertriebener*, передается при помощи глагольных лексем, описывающих беженцев как хороших специалистов, стремящихся приступить к работе (*die Chance bekommen, gut qualifiziert sein, sofort arbeiten wollen*), выражающих отношение Германии к беженцам и готовность интегрировать их (*aus menschlichen Gründen aufnehmen, begleiten zu den Behörden, das Land modernisieren, die demografische Chance der Zuwanderung, demografisches Problem Deutschlands lösen können, Deutsch lernen, die Integration in den deutschen Arbeitsmarkt gut vorankommen, generatives Verhalten anpassen, mehr Hotels ihre Türen öffnen, Millionen aus dem Osten aufnehmen, Suppenküchen und Kinderhorte organisieren, viele Institutionen gründen, viele Stellen schaffen, vielfältigen Perspektiven unserer beruflichen Bildung nahebringen, einstellen, ausbilden* и др.).

Wenn es uns ernst ist mit der Integration der Flüchtlinge und wir bereit sind, entsprechend große Summen in deren Qualifikation zu investieren, kann es mittel- und langfristig durchaus gelingen, viele von ihnen zu Aktivposten in der deutschen Wirtschaftsbilanz zu machen (Oktober 16, 2015).

Viele der erwachsenen Geflüchteten seien gut qualifiziert, sie wollen sofort arbeiten (April 4, 2022).

Для передачи отрицательного отношения к беженцам преимущественно употребляется лексема *Asylbewerber*, выступающая в окружении как глагольных (*Außengrenzen sichern, die niedrigeren Leistungen zahlen, Sozialleistungen kürzen, Steuererhöhungen erwarten, zur Untätigkeit verurteilt sein, reduzieren*), так и именных лексем (*die Begrenzung, die Messerattacke, die Sicherheitsbedenken, die Terroranschläge, die Unzufriedenheit; Verunsicherung und Entwertung in der neuen Gesellschaft*).

Die Flüchtlingsdebatte steht derzeit im Zeichen der Terrorschläge und Gewalttaten von Asylbewerbern in Würzburg, Reutlingen und Ansbach (Juli 28, 2016).

Topökonom Bernd Raffelhüschen erwartet Steuererhöhungen wegen der Asylbewerber (März 26, 2022).

В результате у данных узальных синонимов развилось отрицательно-оценочное значение, иллюстрирующее проблемы, созданные большим наплывом беженцев и определяющее их манипулятивное воздействие на читателя.

Как и в английских статьях, в немецких медиатекстах нами также были выявлены окказиональные синонимы, которые традиционно не рассматриваются в рамках лексико-семантического поля «беженец»: *der Ausländer, der Migrant, der Neuankömmling, das Folteropfer, das Opfer*. Как и *der Flüchtlings*, данные лексемы могут обозначать беженца, но при этом *der Migrant* – это человек, который добровольно переехал в другую страну; *der Ausländer* – это человек, который приехал из другой страны; *der Neuankömmling* – это беженец, который только что прибыл в какое-либо место; а *das Folteropfer* и *das Opfer* – это люди, которые пострадали или погибли в результате несчастного случая, войны или стали жертвами пыток.

Viele Architekten machen sich Gedanken, wie man den Neuankömmlingen schnell und billig aber dennoch menschenwürdig ein Dach über dem Kopf bieten kann, mit Behelfsbauten oder Containern (Мärz 01, 2016).

Als im Zuge der Flüchtlingskrise in den Jahren 2015 und 2016 über eine zur Stadt passende Unterbringung der Migranten gestritten wurde, einigte sich der damalige Senat mit den Vertretern verschiedener Gruppierungen auf ein Konzept, das in den sogenannten Bürgerverträgen festgelegt wurde (Мärz 25, 2022).

Die Bundesregierung will nur geduldeten Ausländern bessere Möglichkeiten verschaffen, legal dauerhaft in Deutschland zu bleiben (Juli 6, 2022).

Наплыв беженцев в Германию способствовал улучшению демографической ситуации и обеспечил приток рабочей силы в страну. Германия, в свою очередь, обязуется обеспечить беженцев жильем, пособием, психологической помощью. Данный факт нашел отражение в именных и глагольных лексемах.

Положительное отношение к беженцам (*der Ausländer, der Migrant, der Neuankömmling, das Folteropfer, das Opfer*) вербализуется при помощи именных лексем (*die Sicherung unseres Wohlstands, eine Chance für unser Land, Betreuung, Integration, Schutzverantwortung, Unterbringung*), глагольных лексем (*bessere*

Möglichkeiten verschaffen, demographische Lücke füllen sollen, den Lebensunterhalt bestritten können, ein Bleiberecht erhalten können, einen aufnahmefähigen Arbeitsmarkt treffen, gebären lassen, arbeiten lassen, legal dauerhaft in Deutschland bleiben, willkommen sein, Aufmerksamkeit und Respekt widmen, die Kapazitäten der psychosozialen Zentren für Flüchtlinge und Folteropfer nach unter dem Bedarf legen; hilflos sein, traumatisiert wurden). В отличие от других синонимов, лексемы *das Folteropfer, das Opfer* отличаются наличием исходного коннотативного значения, сопряженного с понятиями «жалость, сочувствие и сострадание»:

Eine wichtige Anlaufstelle sind die Psychosozialen Zentren für Flüchtlinge und Folteropfer (Juni 30, 2021).

Zorn Ermittler fuhren auch in Flüchtlingsheime, um Opfer zu befragen. Das ist bei den Beamten der Zentralstelle für die Bekämpfung von Kriegsverbrechen Prinzip: Man bestellt Zeugen nicht ein. Man fährt zu ihnen hin (Januar 13, 2022).

Анализ газетного материала показал, что авторы рассматриваемых статей при формировании медиаобраза беженца отдают предпочтение узуальным синонимическим лексемам. Практически весь синонимический ряд участвует в конструировании положительного медиаобраза беженца, за исключением лексемы *Asylbewerber*, транслирующей отрицательное отношение к беженцам.

Клише

Наряду с синонимами, к лексическим средствам конструирования медиаобраза беженца могут быть отнесены и клише. Под данным термином понимают сочетание двух или трех слов, представляющих собой готовую формулу, для которой не характерно переосмысление компонентов, и отвечающую коммуникативным требованиям той или иной речевой сферы [Буторина, Миронова 2013: 71].

Исследователь С. Лещак обращает внимание на тот факт, что клише часто воспринимаются как некое единство, о внутреннем содержании которого не задумываются. Это объясняется часто воспроизведимостью рассматриваемых единиц, что неизбежно ведет к ослаблению ощущения внутренней

связи между их компонентами и, как следствие, к затиранию их внутренней формы [Цит. по: Буторина, Миронова 2013: 73].

В современном медиапространстве клишированные конструкции выступают как амбивалентные единицы, поскольку они в различных обстоятельствах могут быть как стандартным речевым средством, способствующим передаче информационно-факторологических элементов, так и средством их экспрессивной оценки.

Особенность современной коммуникативной ситуации (необходимость быстро реагировать на злобу дня) значительно усиливает в медиатексте обще-речевую тенденцию к клишированности. Данная тенденция поддерживается и фактором аудитории, которая отличается массовостью, разнородностью и размытостью своих социально-психологических характеристик, что в определенной мере ограничивает речетворческие эксперименты автора медиатекста. Следовательно, сообщение, адресованное массовому читателю со всеми вытекающими из этого последствиями, должно быть как можно более доходчивым.

Текстовые возможности клише свидетельствуют об их коммуникативной и риторической эффективности в номинации и интерпретации, а также социальной оценке событий, что позволяет им быть одним из важных средств формирования стилевой доминанты газетного стиля, т.е. не только стандарта, но и социальной оценочности.

В современном медиатексте на отбор и номинативно-смысловой состав клише влияет ряд факторов: тема, жанр, авторская позиция, личность автора, его социально-психологические качества, профессиональная принадлежность [Новоженова 2012: 14–15].

В результате контекстологического анализа нами было установлено, что такие клишированные сочетания, как *an asylum seeker; a displaced person; a rough sleeper; unaccompanied minors (children, refugee children); desperate people (human beings); hapless extras; people seeking asylum; people fleeing (bombs, conflict, rape, persecution, poverty, torture, war); survivors of torture; traumatised people; vulnerable children (people, human beings, customers, indi-*

viduals) вызывают у читателя сочувствие и сострадание за счет описываемых бедственных условий существования беженцев, их состояния, реализуя при этом положительную аксиологическую оценку данного медиаобраза.

*The reality is that under current UK legislation, there are **vulnerable people** that are not eligible for supporter housing and as a result are left destitute on the streets* (March 10, 2017).

*When gangs know people will pay £8 in cash for a pedicure, the business of exploiting **desperate human beings** can thrive* (October 29, 2019).

Displaced people have a right to seek safety in Britain – the government must rethink its punitive policy and find some compassion (November 25, 2021).

*The principle that **people fleeing war, human rights abuses, human trafficking or torture** who seek safety in the UK should have the opportunity to present their case in a fair and lawful manner* (June 14, 2022).

В зависимости от функциональной нагрузки, клишированные сочетания могут характеризоваться положительной и отрицательной оценочностью. Оценка может частично формироваться за счет семантики составляющих, как было продемонстрировано выше, и за счет лексем, описывающих взаимодействие беженцев с обществом: *to be in grave danger of criminality, to be left dependent on charities, to be left destitute on the streets, to be not eligible for supporter housing, to be trafficked and forced into prostitution, to be under attack, to consider suicide, to delay attempts to give shelter, to escape from exploitation/enslavement, to have no rights to work, to rethink punitive policy, to risk smb's lives, to exploit, to starve* и др.

*This horrific event was not caused by lax border controls but by governments that force the most **vulnerable people** to risk their lives* (October 23, 2019).

*And I can tell you that most of the other **asylum seekers** who are in the same situation as me are also considering suicide* (June 5, 2022).

Аналогичным образом могут быть интерпретированы клише с отрицательной оценкой. В английских медиатекстах нами выявлены немногочис-

ленные случаи с ярко выраженным отрицательным оценочным компонентом «*criminal*»: *foreign criminals, dangerous criminals*.

*... a punishing new minimum income threshold for people with spouses from overseas; crackdowns on «bogus» colleges and «**foreign criminals**» ... (The Guardian, January 14, 2020).*

*People fleeing bombs, rape and persecution were referred to as **dangerous criminals** (The Guardian, April 11, 2017).*

В результате анализа аналитических статей можно сделать вывод, что при создании медиаобраза беженца, авторы рассматриваемых медиатекстов отдают предпочтение клишированным конструкциям, транслирующим положительную аксиологическую оценку.

В современном немецком информационно-аналитическом медиапространстве к средствам лексического ряда, активно участвующим в формировании медиаобраза беженца, можно отнести и клише. Анализ рассматриваемых газетных статей позволяет нам выделить следующие клише: *abgelehnte Asylbewerber, politisch Verfolgter, der Schutz Suchender*, которые отмечены политкорректностью по отношению к беженцам.

Например: *Ein Ministerpräsident möchte die Flüchtlinge im verödeten Osten ansiedeln, ein anderer schlägt vor, die Schutzsuchenden nach “Ethnien“ zu separieren, um Konflikte in den “Aufnahmeeinrichtungen“ zu vermeiden* (August 25, 2015).

*Weil Saudi-Arabien als ein sicheres Herkunftsland gilt, hat es die Bundesregierung bislang unterlassen, Raif Badawi Asyl anzubieten, jenem Blogger, der wegen Beleidigung des Islams zu 1000 Stockhieben und zehn Jahren Gefängnis verurteilt wurde. Es gilt nicht als ein **politisch Verfolgter*** (Februar 15, 2016).

*83 Prozent der Bevölkerung etwa halten die Abschiebung **abgelehnter Asylbewerber** für eher oder sehr schlecht gelungen* (September 6, 2018).

С помощью данных клише журналисты качественного немецкого издания *die Welt* пытаются сформировать более толерантное отношение читателя к беженцам, и таким образом повысить их статус в глазах общественности.

Необходимо отметить, что для немецкого языка характерно большое количество сложных слов, которые можно разделить на две группы: узульные слова, т.е. устоявшиеся слова, которые используются очень часто, и окказиональные слова, которые возникают в момент речи и не зафиксированы в словарях.

Нами были выделены следующие клише, где **первый** компонент *Flüchtlings*, а **второй** – *существительное*. Семантика оценки формируется за счет второго компонента, который имеет положительную и нейтральную оценку. В отличие от окказиональных слов, они воспроизводятся в готовом виде и являются всегда узульными: *Flüchtlingsfrage*, *Flüchtlingspolitik*, *Flüchtlingsheim*, *Flüchtlingszahlen*, *Flüchtlingslager*, *Flüchtlingshelferin*, *Flüchtlingshilfe*, *Flüchtlingshelfer*, *Flüchtlingsgipfel*, *Flüchtlingsberater*, *Flüchtlingsverteilung*, *Flüchtlingsaufnahme* и др. (12 ед.)

Например: *Da ist ein Bürgermeister, der leer stehende Gebäude beschlagsnahmen will, um sie zu Flüchtlingsheimen umzubauen, auch gegen den Widerstand der Besitzer* (August 25, 2015).

Es ist an der Zeit aufzuwachen und zu begreifen, dass die Mehrheit der Europäer die deutsche Flüchtlingspolitik nicht für erstrebenswert hält, folglich ein Kompromiss geschlossen werden muss (Dezember 6, 2015).

Trotz der zuletzt niedrigeren Flüchtlingszahlen liegt in den kommenden Jahren eine Herkulesaufgabe vor uns: die Integration der Geflüchteten in unseren Arbeitsmarkt (August 2, 2016).

В случаях, когда речь идет о проблемах, с которыми сталкиваются беженцы, журналисты прибегают к сложным словам *Flüchtlingsstrom*, *Flüchtlingsdrama*, *Flüchtlingskrise*, *Flüchtlingsproblematik*, *Flüchtlingsproblem*, *Flüchtlingsherbst*, имеющим отрицательную коннотацию, которая формируется за счет второго компонента (6 ед.).

Flüchtlingsströme lassen sich ebenso wenig umleiten wie Flüsse zur Zeit der Schneeschmelze (September 2, 2015).

Nie zuvor haben sie rücksichtsloser den Schaden ihrer Nachbarn in Kauf genommen als im gegenwärtigen Flüchtlingsdrama (Oktober 25, 2015).

Tag für Tag lässt sich in der Flüchtlingskrise ein beständiger Regelverstoß aller europäischen Staaten – auch der Bundesrepublik – beobachten (Oktober 28, 2015).

Анализ немецких информационно-аналитических статей позволил выявить клишированные конструкции, транслирующие толерантное отношение к беженцам в Германии. Исследуя функционирование сложных существительных с первым компонентом *Flüchtlings*, которые также могут выступать как клише, нами было установлено, что журналисты отдают предпочтение примерам с положительной коннотацией.

Клишированность может быть реализована и за счет **фразеологических единиц**, которые придают информационно-аналитическому медиатексту образность, позволяют более точно выразить мнение автора и способствуют созданию общей экспрессивно-оценочной тональности.

Современные информационно-аналитические медиатексты носят вторичный характер в связи с тем, что нового знания в массовой информации не возникает, оно излагается и интерпретируется в доступной форме. Здесь сосуществуют и борются противоположные тенденции тяготения к стабильности (воспроизведение готовых формул, словосочетаний и конструкций) и стремление к экспрессии, которое порождает поиски новых средств воздействия на читательскую аудиторию. Преимущественно к ним относятся фразеологические выражения, известные всем носителям языка. «Эта стандартность не исключает элемента творчества, которое заключается в свободном и умелом варьировании и комбинировании речевых форм, не несет в себе ничего предосудительного и является отражением исторического опыта, показателем богатства и шлифованности языка» [Аликова, Шибкова 2017: 176–177].

Фразеологические единицы позволяют автору текста не только сообщить о чем-либо, но и выразить свое отношение к сообщаемому, затратив при этом минимум языковых средств, кроме того, они придают тексту живость и непринужденность, что облегчает его восприятие [Северина 2017: 98]. Однако образность выражений от частого использования может утрачиваться, для ее усиления авторы часто прибегают к различного рода модификациям.

Значение большинства фразеологических единиц выражается не в нейтрально-логической, а в экспрессивной, эмотивно-оценочной форме. Именно поэтому эмотивность и оценочность – это основополагающие компоненты семантической структуры фразеологизма. Суждение об эмотивной характеристике, ценности/антиценности напрямую зависит от денотативного содержания фразеологизма, представляющего собой основу формирования оценочного и эмотивного отношения у субъекта. Он соотносит свою оценку с ценностной картиной мира, которая установилась в том языковом социуме, в котором живет индивид и в котором протекает его мыслительно-речевая деятельность.

Эмотивно-оценочный компонент как бы надстраивается над денотативным содержанием, занимает последующее положение по отношению к нему: сначала идут свойства обозначаемого, затем мотивирующая составляющая для оценочности и эмотивности.

Фразеологическая система английского культурно-языкового социума характеризуется общей семантической ассиметрией, сдвигом в сторону отрицательных значений. Все это обусловлено более острой и дифференциированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также тенденцией к использованию готовых речевых форм, в том числе устойчивых словесных комплексов, для стрессовых, т.е. резко отрицательных состояний [Чолакян 2018: 157].

Ниже представлены случаи фразеологических единиц с положительной коннотацией, выявленные в ходе анализа информационно-аналитических статей, посвященных миграционному кризису: *to be a soft touch; to cover the cost; to find a way; to give face; to keep in touch; to keep one's word; to pave the way; to play by the rules; to settle into a life; to share values; to shoulder the burden; to solve a problem* и др. (12 ед.)

Today, we (refugees) have settled into our new lives, but our first days, weeks and months here were difficult (October 25, 2017).

Perhaps this is why Javid felt justified in labelling those who've attempted crossing the English Channel in perilous rubber dinghies “illegal immigrants”,

although it is perfectly legal for anyone fleeing conflict to find a way to Britain and claim asylum (January 6, 2019).

The route that brought him here – paving the way to his son’s spectacular rise through the City and the government – has been blocked (February 24, 2020).

В рассмотренных медиатекстах при помощи фразеологических единиц, транслирующих положительную оценку, описывается желание беженцев интегрироваться в новое для них (британское) общество, жить по законам страны, устроить свою жизнь, разделять ценности, правила британской культуры.

Для английских медиатекстов характерно использование многочисленных случаев фразеологических единиц для описания отрицательного отношения к беженцам: *to bite the hand that feeds them (refugees); a dead letter; the last straw; to break a promise; to break into; to drag smb’s feet; to fall short of something; to fall to somebody; to gain entry; to have no clue; to have trouble; to let somebody off the hook; to live in fear; to put a smile on a face; to rewrite history; to send shiver down the spine; to take toll on health; to wade into pen water* и др. (18 ед.).

If you are one of the unlucky ones, your immigration case, along with any appeal, becomes a dead letter (March 8, 2017).

Theresa May can shut the door on children refugees and impose a hard Brexit because Jeremy Corbyn has no clue how to stop her (February 11, 2017).

Were there people among them who had the right to be in the UK, but could get here via legal routes because the British government was dragging its feet – as it done with hundreds of lone children stranded in Europe? (October 23, 2019).

В рассмотренных случаях с отрицательной оценкой транслируется враждебное, недружелюбное отношение со стороны британского правительства, которое прикладывает все усилия, чтобы минимизировать количество беженцев на территории своей страны.

С помощью явных элементов в семантической структуре фразеологических единиц реципиент получает определенные и недвусмысленные указания насчет оценки данного фразеологизма. Оценочность эксплицитных компонентов определяется по их лексико-графическим дефинициям. Декодиро-

вание происходит также за счет интуитивных рассуждений, основанных на логических умозаключениях, раскрывающих основное значение исследуемых фразеологизмов [Грызина 2009: 33–34].

Анализ рассматриваемой выборки позволил установить, что для конструирования медиаобраза беженца авторами британских информационно-аналитических статей используются преимущественно отрицательные фразеологические единицы. При этом превалируют примеры, транслирующие негативное отношение общественности к беженцам.

В немецких медиатекстах клишированность реализуется также, как и в английском языке, за счет фразеологических единиц, отличающихся своей устойчивостью, на что указывают ряд исследователей [Burger, Buhofer, Sialm 1982: 2–4, Fleischer 1982: 41–67, Greciano 1987: 41–42].

Коннотативность семантики фразеологических единиц связана с образным представлением анализируемого явления. Эти образы связаны с денотативным значением, имеют устойчивую внутреннюю форму. Создаваемый образ представляет собой совокупность качеств и отличительных черт, свойственных исследуемому компоненту. Образ дает представление об информации, которая проходит через культуру и связывается с ментальностью индивида. Образное представление соотносится с реальной действительностью, подчеркивает положительную и отрицательную информацию об окружающем мире. Сформировавшийся менталитет и действующее мироощущение в обществе позволяют носителю языка распознать связь культуры с фразеологической единицей.

Носитель языка понимает и распознает ту или иную информацию за счет образности, которая, в свою очередь, «будит» оценочность, эмотивность и экспрессивность. Использование той или иной информации порождает развитие определенных эмоций, яркой экспрессивности, положительной, отрицательной или негативной оценочности, которые возникают у носителя языка с помощью образов [Сагандыкова 2018: 12–13].

Анализ информационно-аналитических медиатекстов онлайн версии немецкого качественного издания *die Welt* позволил выявить следующие слу-

чаи употребления фразеологических единиц с отрицательной коннотацией: *auf der Flucht sein; auf dem Sprung sein; Böses ahnen lassen; fassungslos machen; die Reißleine ziehen; im Nacken sitzen; in den Wind reden; in die Falle gelockt; ins Stocken geraten; j-m stehen die Haare zu Berge; Steine in den Weg legen; Stoppsignale senden; viel um die Ohren haben (fliegen); zu Tränen röhren; eine Atempause brauchen; die Nerven blank liegen* и др. (16 ед.).

Например: *In der Flüchtlingsfrage schreibt die Kanzlerin Adenauers Grundsätze ganz bewusst **in den Wind*** (Januar 21, 2016).

*Die Art und Weise, wie diese Entscheidungen zustande kamen und begründet wurden, haben vielen nüchternen Beobachtern nicht ohne Grund **die Haare zu Berge stehen lassen*** (März 13, 2018).

*Wir schaffen, das ist inzwischen vollständig widerlegt. Wir schaffen es eben nicht, wie sich jetzt im BAMF zeigt oder auch in den vollständig überlasteten Verwaltungsgerichten, die fast zu keinen anderen Entscheidungen mehr kommen, weil sie nur noch Asylverfahren um **die Ohren haben*** (Juni 5, 2019).

Положительный медиаобраз выстраивается как напрямую, так и опосредованно. Опосредованный способ актуализации медиаобраза осуществляется через комментарии и размышления о непродуктивных действиях политиков и государственных органов Германии. Журналисты поднимают проблемы системы: перегрузка административных органов и неспособность справляться с большим наплывом беженцев. Вербализация положительного медиаобраза осуществляется через описания конкретного опыта общения и взаимодействия с беженцами и личных историй.

В результате контекстологического анализа нами было установлено, что такие фразеологические единицы, как *große Erwartungen setzen; Hoffnung schöpfen; seinen Beitrag leisten; sich nützlich machen; die Kosten decken; eine Lücke füllen* описывают надежды и ожидания Германии от беженцев, реализуя при этом положительную аксиологическую оценку (7 ед.).

Например: *Diese demografische **Lücke** sollen die Migranten **füllen*** (September 2, 2015).

Und wir können nicht sagen, das ist ein Phänomen, das uns nicht angeht, sondern das sind zum Teil Menschen, oft sehr junge Menschen, die in unseren Ländern aufgewachsen sind und wo wir auch unseren Beitrag leisten (September 15, 2015).

Wir wollen eine neue Arbeitslogik einführen, bei der die Menschen die Pflicht haben, einen Beitrag zu leisten und sich nützlich zu machen (September 11, 2021).

Анализ рассматриваемой выборки позволил установить, что для конструирования медиаобраза беженца авторами немецких информационно-аналитических статей используются фразеологические единицы как с положительной, так и с отрицательной семантикой. Примеры, описывающие негативное отношение к беженцам, превалируют, транслируя отрицательную аксиологическую оценку. Необходимо отметить, что характер рассматриваемых контекстов противоречив: с одной стороны, проблемы беженцев игнорируются, а если и принимаются какие-либо решения, то не в пользу беженцев; с другой стороны, государственные органы не справляются с наплывом, все силы брошены на предоставление убежищ.

2.2. Морфо-синтаксические особенности корпуса английских и немецких информационно-аналитических медиатекстов

Информационно-аналитические статьи таких качественных изданий, как «The Guardian» и «Die Welt» подробно описывают «Миграционный кризис», сложившийся в Англии и Германии. В связи с боевыми действиями в ряде стран Ближнего Востока огромное число их жителей вынужденно искать спасение в Европе, куда они пытаются проникнуть всеми возможными способами. Зачастую это приводит к трагическим последствиям. Однако Европа, принимавшая до недавнего времени беженцев с распростертыми объятиями, предпринимает попытки уменьшить количество людей, ищущих защиту на своей территории. Для того чтобы вызвать у потенциальной аудитории определенные эмоции и суждения, авторы статей постоянно прибегают к языковой манипуляции.

Основная задача данного раздела диссертационного исследования заключается в выявлении и сравнении морфо-синтаксических средств оценочности, используемых при конструировании образа беженца в английских и немецких информационно-аналитических медиатекстах. Как правило, исследователями игнорируются данные средства оценки, но проведенный анализ показал, что они, хотя и выполняют второстепенную функцию, усиливают воздействие средств лексического уровня на сознание адресата, реализуя манипулятивный эффект. По мнению Т.Г. Добросклонской, описательные структуры способствуют созданию аналитической части текста и являются характерной чертой морфо-синтаксического уровня [Добросклонская 2000: 166]. В соответствии с предложенным подходом нами выявлены следующие описательные структуры в англоязычных медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис»: *Adjective + Noun; Adverb + Adjective; Verb + Adverb*.

Модель Adjective + Noun

Данная частеречная модель является самой распространенной и может служить для формирования амбивалентных взглядов на описываемые события. Привычной формулой медиатекстов, отражающей нормативные характеристики текстов данной стилевой направленности, является использование в корпусе информационно-аналитических статей эмоционально-окрашенных прилагательных. Однако в ходе изучения нами были выявлены и сочетания с примерами, которые направлены на информирование читателя. В информационно-аналитических статьях можно выделить следующие прилагательные, которые могут быть отнесены к разряду денотативных (логических). Экспрессивно-оценочная функция для них является вторичной, формирующейся за счет контекста: *anti-migrant, arguable, criminal, detained, equal, global, homeless, illegal, illiterate, irregular, legal, mental, proper, humanitarian, humane, real, regressive, sceptical, serious, traumatic, typical, unlawful, different, current, religious, emotive, expressive, leaky, unique* и др. (29 ед.).

Например: *For almost a quarter of a century there has been a steady growth in **legal measures** that restrict migrants' access to housing* (June 20, 2017).

*Seven years of **anti-migrant policies** have resulted in people with right to housing losing out* (June 20, 2017).

*The independent Casey report calls for an end to arbitrary detention and proper **resettlement resources** to treat asylum seekers as equal to quota refugees* (May 5, 2022).

В рассмотренных контекстах поднимаются вопросы, касающиеся враждебных законов, направленных против беженцев. Журналисты призывают правительство Великобритании к альтернативным долгосрочным решениям, которые откроют новые безопасные, законные пути для людей, спасающихся от войны и преследований. Согласно журналистам, британская миграционная политика должна защищать, оказывать беженцам необходимую помощь для построения новой, продуктивной жизни, а не наказывать, запирать их на круизных лайнерах в Ла-Манше в надежде, что они станут проблемой для кого-то другого.

В контексте использования положительно окрашенных прилагательных описывается следующая тенденция: поведение Великобритании, которая до недавнего времени была примером гостеприимства и толерантности, претерпело значительные изменения, став более жестким в отношении беженцев. Вместо применения неэффективных мер, следует сосредоточится на реализации конструктивных инициатив, уже выработанных внутри страны, а также учесть успешный опыт других государств, принявших значительно большее количество беженцев: *apparent, brave, bright, extraordinary, genuine, innocent, plain, powerful, priceless, proud, productive, safe, unimaginable, viable, welcoming, welfare, constructive, rich* и др. (18 ед.)

Например: *They (refugee children) just needed to be children again, to have a **safe place** to live with someone they trust. Arriving in Britain is by no means the end of their problems* (April 7, 2017).

The system is still working, the mentality that condones detaining innocent people is still entrenched, and the detention industry flourished (July 27, 2022).

Constructive plans that can be put into practice in the real world, however, could depolarise the debate – and also make things better for people who need our help (February 18, 2023).

Ниже представлены отрицательно-оценочные прилагательные, транслирующие недостатки современной миграционной политики Великобритании: *brutal, dangerous, deplorable, disastrous, horrendous, horrific, hostile, inhumane, outright, severe, unfair, urgent, unwanted, vulnerable, erroneous, shameful, wrong, reprehensible, useless, unmet, impossible, endless, inflammatory* и др. (23 ед.).

Например: *Mass deportation on charted planes is a brutal way of responding to the current immigration panic (March 8, 2017).*

This scheme is unlawful and unfair because it relies on impossible timeframes that do not offer people seeking asylum the opportunity to gain legal advice and representation or say why they shouldn't be removed (June 14, 2022).

He has suggested that a deliberate decision had been taken not to book space in local hotels, leading to disastrous overcrowding and inhumane conditions (October 31, 2022).

В рассмотренных статьях журналистами подчеркивается, что правительство Великобритании мало заботится об основных правах человека в отношении людей, ищущих убежища, и по-прежнему намерено поддерживать вокруг них враждебную среду, содержать беженцев в бесчеловечных условиях, пытаться реализовывать незаконные, несправедливые схемы и не сдерживать своих обещаний.

Анализ фактологического материала позволил установить, что модель *Adjective + Noun* направлена на конструирование положительного медиаобраза беженца опосредованно, через описание недостатков миграционной политики Великобритании и недоброжелательных условий для успешной интеграции беженцев в британское общество.

Модель *Adverb + Adjective*

Большое значение в информационно-аналитических медиатекстах приобретают адвербальные конструкции, употребление которых способствует усилению и уточнению значения прилагательного. А сами прилагательные, как и в конструкции *Adjective + Noun*, располагают определённым потенциалом в создании эмоционально-оценочного значения. Существенную роль в выдвижении смысловых центров на передний план играют наречия, которые в случае изолированного употребления в значительно меньшей степени несут в себе эмоциональный зacin. Наречия, образуя большую, подвижную и разнообразную группу слов, могут функционировать как усиливающие и уточняющие значения глаголов и прилагательных, а также друг друга.

Например: *almost, bizarrely, completely, costly, credibly, deeply, desperately, eventually, extremely, easily, especially, finally, grotesquely, highly, indefinitely, immeasurably, impenetrably, impossibly, incredibly, increasingly, merely, mostly, noticeably, ostentatiously, palpably, particularly, permanently, profoundly, potentially, radically, relatively, severely, shamefully, significantly, simply, starkly, stubbornly, supposedly, terribly, truly, utterly, wholly* и др. (41 ед.)

В комплексе с прилагательными наречия выступают инструментами, обеспечивающими выразительность и акцентуацию идей. Положительная и отрицательная коннотации актуализируются в контексте и реализуется преимущественно за счет семантики главного слова.

В анализируемых информационно-аналитических медиатекстах доминирует модель *Adverb + Adjective* с отрицательной оценкой:

We found that the system not only had a deeply negative impact on the health, and particularly the mental health, of those detained, but was more costly and less effective than the community-based alternatives operating in countries such as Sweden and Australia (August 24, 2017).

It will perhaps be a matter for comment by some future historians that at this shameful period of European history some of the most vocal European leaders on

the issue of slavery have been noticeably negative with regard to the formulation of an effective response to the refugee crisis (February 14, 2017).

How can their impenetrably bizarre or ineffective decisions be explained, given that they have no obvious utility and cannot even conceivably be described as beautiful? (June 15, 2022).

Приведенные выше отрывки являются примерами актуализации категории оценочности. При этом ракурс эмоциональной апелляции представлен через призму отрицательной коннотации. Информационно-аналитическая перспектива изобилует пессимистическими прогнозами относительно Европейского миграционного кризиса.

Исходя из проанализированных медиатекстов, можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях положительный медиаобраз беженца создается за счет негативного описания самой системы в целом.

Реализация положительного образа также обеспечивается за счет семантики главного слова и является контекстуально обусловленной:

Estimated of the numbers of forced migrants – including refugees, asylum seekers and internally displaced people – are publicly available (June 26, 2016).

In fact, we should be more vocal than ever that migrants are no drain and that it is morally right to provide sanctuary to people fleeing persecution and conflict (September 15, 2020).

Hers has been a tremendous, and deeply touching, journey – an intervention in the long and difficult debate about refugees that powerfully foregrounds simple human empathy rather than policy points or dry arguments (October 20, 2021).

Модель *Adverb + Adjective* в большей степени выполняет функцию эмфазы, где наречная часть, представленная в препозиции, является интенсификатором, несет на себе дополнительный акцент, предваряющий ключевую мысль, и тем самым усиливает конечное восприятие.

Модель Verb + Adverb

С помощью описательной структуры *Verb + Adverb* создается экспрессивно-оценочная тональность, так как данный структурный тип позволяет точнее выразить мнение и оценку событий. По результатам проведенного анализа английских медиатекстов нами были выявлены следующие сочетания *Verb + Adverb* с положительной коннотацией: *to acknowledge loudly; to act generously; to compare rationally; to contract directly; to do fairly and coherently; to demeanour strongly; to engage positively; to enter perfectly legally; to follow logically; to give generously; to go willingly; to live, work and integrate legally; to judge rightly; to learn quickly; to pay directly; to respond effectively; to respond professionally, humanely and compassionately; to think more clearly; to stay legally; to support properly; to travel legally; to treat decently; to work tirelessly* и др. (23 ед.).

Например:

Unaccompanied asylum-seeking children tend to learn English quickly, engage positively at school and many could go on to the university if allowed (June 14, 2016).

Hill is absolutely correct, many local authorities have responded professionally, humanely and compassionately to the refugee crisis (February 13, 2017).

It would be better by far to admit the truth and let asylum seekers to live, work and integrate legally (November 21, 2021).

Многие местные власти показали пример професионализма и гуманности, но для эффективного решения проблемы необходимо не только реагировать на кризис, но создать устойчивую систему, которая обеспечивала бы долгосрочные решения и поддержку прав беженцев. Признание права беженцев (как детей, так и взрослых) на легальное проживание, работу и обучение не только способствует их личному развитию, но и выгодно для страны, открывая путь для успешной интеграции в британское общество на законных основаниях. В результате конструируется положительный медиаобраз беженца.

Анализ английских информационно-аналитических медиатекстов позволил нам выявить единичные случаи данной модели с отрицательной коннотацией: *to arrive unlawfully; to beat repeatedly; to boast proudly; to face daily; to gesture rudely; to go solely down; to sleep poorly; to suffer economically; to swell quietly; to vary dramatically* и др. (10 ед.).

Например: ...*we heard about a 16-year-old Iranian boy taken to a field outside the town and forced to kneel in a line with others, before the police beat him repeatedly with truncheons* (August 4, 2016).

When Theresa May was home secretary she boasted proudly about creating hostile environment for migrants (October 19, 2016).

He (child refugee) sleeps poorly because he has nightmares, struggles to concentrate and becomes aggressive when his wishes are thwarted (November 16, 2022).

Контекстуальный анализ позволил выявить, что, выполняя не только описательную, но и оценочную функцию, частеречная модель *Verb + Adverb* противопоставляет действия власти, у которой отсутствуют какие-либо сомнения и раскаяния в отношении спорной миграционной политики, психологические и физические страдания жертвы. В результате выстраивается положительный медиаобраз беженца, как жертвы в позиции полного подчинения перед системой, не имея ни защиты, ни права голоса.

В связи с боевыми действиями в Сирии и дестабилизацией ситуации в Ираке и Ливане, Европа переживает крупнейший кризис, связанный с наплывом беженцев. Жители арабских и африканских стран с огромным риском для жизни тысячами перебираются в благополучные страны, как, например, Германия. Насыщенное событиями информационное пространство дает толчок к появлению аналитических конструкций, описывающих проблемы беженцев.

Анализ немецких информационно-аналитических статей по проблематике «Миграционный кризис» позволил выявить следующие описательные структуры: *Substantiv + Substantiv; Adjektiv + Substantiv; Partizip I + Substantiv; Partizip II + Substantiv*.

Substantiv + Substantiv

Если исходить из всей системы словообразования, то следует отметить, что в немецком языке основную роль играет словосложение, которое граничит с синтаксисом, так как между компонентами сложного слова часто возникают такие отношения, которые повторяют синтаксические связи между словами. Синтаксический характер сложных существительных проявляется, в частности, в легкости и простоте образования их в процессе речи для выражения самых разнообразных смысловых отношений, причем характер этих отношений формально не выражается и может быть ясен из семантики составляющих, то есть компонентов существительных, иначе говоря, их внутреннего контекста [Егорочкина 2011]. Новые слова появляются в языке на базе уже существующих в нем слов при помощи словообразования, которое является одним из основных способов развития словарного состава немецкого языка [Степанова 2007: 376].

Медиатексты по изучаемой проблематике изобилуют сложными существительными (*die Komposita*), образованными от простого существительного *der Flüchtlings (беженец)*. Данная выборка сложных слов может быть подразделена на две подгруппы: сложные слова с положительной и отрицательной коннотацией. К положительным могут быть отнесены, связанные с деятельностью, направленной на улучшение жизни беженцев: *Flüchtlingsunterkünfte, Flüchtlingsinitiativen, Flüchtlingskoordinator, Flüchtlingsmädchen, Flüchtlingskonvention, Flüchtlingsretter, Flüchtlingsrettung, Flüchtlingsarchitektur, Flüchtlingswanderung, Flüchtlingsregiment, Flüchtlingsentscheidung, Flüchtlingsdebatte, Flüchtlingsbewegungen, Flüchtlingsthematik, Flüchtlingsarbeit, Flüchtlingsrückkehr, Flüchtlingsaufnahme, Flüchtlingszuwanderung, Flüchtlingsunterbringung, Flüchtlingsaktivisten, Flüchtlingsschutz* и др. (21 ед.).

In der Nähe von Flüchtlingsunterkünften sollen „Lese- und Lernecken“ eingerichtet und mit gespendeten Büchern bestückt werden (September 11, 2015).

Manche reden gar von einer neuen Flüchtlingsarchitektur, die jetzt kreiert werden muss (März 1, 2016).

Die Kosten der Flüchtlingsaufnahme ergeben sich aus der Aufnahme selbst, aus der Durchführung der Asylverfahren und aus den notwendigen Integrationsmaßnahmen für die Schutz suchenden Menschen (Juni 2, 2018).

В ходе изучения нами было установлено, что авторы рассматриваемых статей прибегают к использованию сложных слов с отрицательной коннотацией меньше, чем с положительной: *Flüchtlingswelle, Flüchtlingsdruck, Flüchtlingskatastrophe, Flüchtlingselend, Flüchtlingslasten, Flüchtlingschaos, Flüchtlingsansturm* и др. (7 ед.).

В ходе контекстуального анализа выявлено, что случаи с отрицательной коннотацией отражают большое количество беженцев и лиц, нуждающихся в защите, и проблемы, связанные с ними:

Das Flüchtlingschaos jedenfalls wird momentan nicht größer, die Dämzung funktioniert (Oktober 10, 2015).

Und die anderen beklagen, dass ein Ministerpräsident angesichts des globalen Flüchtlingselends auf keine andere Idee kommt, als eine Obergrenze als Zauberformel zu fordern (Januar 12, 2017).

Die großen Fragen nach Heimat und Identität, nach gelungener Integration seien auch für die zweite Generation ein Thema und mit der Flüchtlingswelle seit 2015 wieder sehr aktuell geworden (Juni 18, 2021).

Анализ рассмотренных примеров частеречной модели *Substantiv + Substantiv* позволил выявить, что случаи с положительной коннотацией превалируют над случаями с отрицательной коннотацией. Оценочная составляющая актуализируется за счет второго компонента. В результате формируется как положительный, так и отрицательный экстраобраз беженца. Положительный медиаобраз формируется опосредованно, через описание деятельности, которая направлена на улучшение качества жизни беженцев в Германии, а отрицательный медиаобраз актуализируется как напрямую, через описания большого количества беженцев, так и опосредованно, через описание проблем, связанных с ними.

Adjektiv + Substantiv

В германистике под атрибутом понимают член предложения, который подчиняется существительному и образует с ним словосочетание, входящее в предложение в качестве структурно-семантического и коммуникативного единства [Голикова 1995: 99, Деренкова 1984: 10]. Атрибутивные конструкции могут передавать самый широкий спектр семантических отношений: специфиацию на основании внешней и возрастной характеристики, происхождения, социально-статусной характеристики, характерологических свойств и качеств, отношения принадлежности и владения, субъектно-объектные отношения, количественные и т.д. [Прокура 2006: 5–6]. Указанные номинации имеют особое значение, потому что любое высказывание, характеризующее человека, в силу своей субъективной направленности является носителем большого оценочного потенциала, при этом нередко даже нейтрально-оценочные лексемы приобретают оценочные оттенки [Железняков 1993: 5–6, Фефилова 1980: 9]. Оценка отличается также социальной обусловленностью, так как зависит от норм общества, его интересов и моды. Оценка обращена к адресату речи, и ценностные суждения оказывают влияние на адресата, выполняя функцию рекомендации, похвалы и осуждения [Арутюнова 1988: 6].

Имена прилагательные обладают семантической полифункциональностью и, выражая различные признаки объектов, способны нести большую информационную нагрузку. В системе имен прилагательных проявляется связь дескриптивного и оценочного компонентов значения слов. Среди имен прилагательных можно выделить дескриптивные, которые не содержат никакой оценки, а также собственно оценочные, которые содержат либо положительную, либо отрицательную оценку с определенной степенью интенсификации [Вольф 1979: 275, Вольф 2009: 29]. Современное понимание интенсивности (интенсификатор, интенсификация, категория интенсивности), опирается на исследования Ш. Балли, который под термином «интенсивность» понимал все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях [Балли 1961: 202].

Рассмотрим в современных информационно-аналитических медиатекстах соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в составе модели Adjektiv + Substantiv: *bürokratische, berufliche, groß, irregular, jung, legal, schnellstmöglich, neue, enorm, kulturell, multikulturell, multiethnisch, multilingual, langfristig, vendgültig, behördlich, massiv, zahlreich, illegal, ethnisch, kurzfristig, rautinemäßig, faktisch, fundamental, stabil* и др. (25 ед.).

*Da unser Ausbildungssystem aber in den meisten Herkunftsstaaten unbekannt ist, müssen wir den **jungen Geflüchteten** schon in den Integrationskursen die vielfältigen Perspektiven unserer **beruflichen Bildung** nahebringen* (Oktober 19, 2022).

Das neue Online-Terminvergabeeverfahren hätten sich die langen Wartezeiten beim Amt für Migration in der Hammer Straße aufgelöst (März 22, 2022).

*Wer Grenzschutzbeamte dafür bestrafen möchte, dass sie **illegal Migrationsbewegungen** reduzieren, sollte sich der Tragweite einer solchen Haltung bewusst sein* (September 13, 2023).

Представленные выше дескриптивные прилагательные используются для описания ключевых задач современной легальной миграционной политики в Германии: борьба с преступными контрабандистскими группировками, создание легальных путей миграции, обеспечение гуманной охраны границ и успешная интеграция беженцев в германское общество. Аналитики отмечают, что без новых граждан многие сферы экономической жизни перестали бы функционировать и подчеркивают положительную тенденцию к появлению трудоустроенных беженцев, количество которых постепенно растет. Однако большинство беженцев по-прежнему живет на государственные пособия, так как они все еще зависят от дополнительных переводов. Но, с другой стороны, новые мини-предприятия не должны отнимать рабочие места у людей, которые уже трудятся в низкооплачиваемом секторе.

В отличие от дескриптивных прилагательных, положительно-оценочные прилагательные описывают причины привлекательности Германии для беженцев: щедрые социальные льготы и пособия, либеральный немецкий закон о предоставлении убежища, сильная экономика. Немецкое общество готово прилагать все усилия для успешной интеграции беженцев в свое сообщество. Но чтобы до-

биться успеха, миграционная политика должна быть целостной, гуманной, функционирующей, основанной на солидарности. Важны быстрые и эффективные юридические процедуры для определения шансов на защиту непосредственно на границе: *ausgewogenes, beherzt, endlich, fair, freundlich, funktionsfähig, ganzheitlich, gerecht, gut, geschmeidig, großzügig, humanitär, integrativ, lieb, menschlich, menschenwürdig, naiv, positiv, rein, schlagkräftig, schutzbedürftig, solidarisch, gelungen, verlässlich, wirksam, geil, höchstmöglich* и др. (28 ед.).

Например:

Dazu gehört auch, dass wir uns verständigen über eine faire Verteilung der Flüchtlinge in Europa (September 2, 2015).

Nun auf positive Änderungen der Gesellschaft durch Zuwanderung zu hoffen, denen erst einmal der Gebrauch von WCs erklärt werden muss, ist mehr als naiv (Februar 26, 2016).

Überall, wo der junge Mann hinkommt, wird er von freundlichen Helfen im Empfang genommen, die ihn individuell und liebevoll betreuen (August 25, 2022).

Немецкими аналитиками также отмечается необходимость справедливого приема и распределения лиц, имеющих право на защиту, между государствами-членами Евросоюза. Но, если государство не может принимать беженцев по определенным причинам, то оно должно оказывать финансовую поддержку, персоналом и гуманитарной помощью.

В проанализированных немецких информационно-аналитических статьях посредством отрицательно-оценочных прилагательных транслируется готовность населения Германии к приему и интеграции беженцев в свое общество. Однако эта готовность не должна использоваться как основание для превращения Германии в страну массовой миграции. Аналитиками также подчеркивается, что существующая система предоставления убежища сталкивается с серьезными системными проблемами: ее правовая и административная составляющая во многом абсурдны, перегружены и уязвимы к злоупотреблениям – как со стороны международных преступных структур, так и отдельных злоумышленников. Недостаточная подготовленность государствен-

ных институтов, дефицит компетентных кадров и ограниченные временные ресурсы существенно осложняют эффективную обработку заявлений о представлении убежища, что влечет за собой административные сбои и недоверие к системе. Хотя помочь беженцам необходима, игнорирование проблем, которые связаны с их приемом – включая рост социальной напряженности, угрозу радикализации и криминализацию – создает дополнительные риски как для национальной безопасности, так и для общественного порядка: *absurd, bandenmäßig, dramatisch, düster, empfindlich, eng, falsch, flüchtlingskritisch, geringfügig, gewalttätig, gruselig, hart, hässlich, kompliziert, kraft- und perspektivlos, kriminell, kritisch, lax, müd, mühselig, negativ, radikal, riskant, schlecht, schwach, schwer, schwierig, schrill, sehr problematisch, terroristisch, turbulent, unbestimmt, unermesslich, unerträglich, ungeheuerlich, ungesteuert, unselig, unversöhnlich, unübersehbar, vulkanisch, verschwenderisch, xenophob*, и др. (42 ед.).

Например: *Die enorme Hilfsbereitschaft, die die Deutschen derzeit gegenüber Menschen aus Syrien oder Afghanistan an den Tag legen, wird getrübt durch gewalttätige Fremdenfeindlichkeit* (September 6, 2017).

Was der deutsche Rechtsstaat hier an Aufwand leistet, um in nuce Recht zu sprechen, stößt bei den kriminellen Syndikaten auf null Resonanz und noch weniger Abschreckung (März 20, 2017).

Aber im Herbst 2015 war dieser – schon vorher weltweit einmalig schwache Grenzschutz – bekanntlich völlig außer Kraft (September 8, 2021).

Проведенный анализ позволил выявить, что авторы рассмотренных немецких информационно-аналитических медиатекстов прибегают к использованию частеречной модели *Adjektiv + Substantiv* для конструирования как положительного, так и отрицательного экстраобраза беженца. Оценочность транслируется за счет семантики прилагательного. Противоречивый медиаобраз транслируется опосредованно: Германия готова прилагать усилия для успешной интеграции беженцев, но в тоже время боится превратиться в страну мигрантов, опасается за национальную безопасность.

Partizip I + Substantiv

Особый интерес в немецких информационно-аналитических медиатекстах представляют конструкции с *Partizip I + Substantiv*, на примере которых реализуется принцип языковой экономии, суть которого состоит в использовании минимума языковых средств для передачи максимума содержания. Результатом языковой экономии является создание текста, обладающего минимальной формальной структурой, но также и максимальным смысловым наполнением. Для читателя это выражается в экономии времени и усилий при чтении медиатекстов [Головач 2011: 137-139]. Медиатексты создаются быстро, так как авторам статей необходимо оперативно отреагировать на происходящие события. Особое воздействие на выбор языковых средств и на структуру медиатекста оказывает и ограниченный объем этого текста, необходимость вместить в него как можно больше информации. Причастие как часть речи является эффективным средством языковой экономии, так как на семантическом уровне совмещает в себе свойства двух частей речи: прилагательного и глагола. Как и прилагательное, причастие обозначает признак предмета, но признак в динамике [Аносова 2017: 39-40].

По результатам проведенного анализа немецких медиатекстов были выявлены случаи сочетания существительного и причастия, обладающих отрицательной коннотацией. Статус указанных далее причастий был установлен на основе данных лексикографических источников: *andrängende Flüchtlinge*; *anhaltender Flüchtlingsstorm* (*Andrang von Flüchtlingen*); *drängende Flüchtlingsfrage*; *fehlende Sprachkenntnisse*; *leidende Migranten*; *notleidende Menschen*; *radebrechende Flüchtlinge*; *erschütternde Konfrontation* (*Erlebnisse*); *menschenabwehrende Grenze*; *alleinstehende Asylbewerber*; *verharrende Flüchtlinge*; *zaudernde Politik*; *ausufernde Zwänge*; и др. (13 ед.)

Например: *Dürfte man etwa den Rauswurf aller radebrechenden Flüchtlinge fordern, wenn ein einziger von ihnen in holprigem Deutsch die Bundeskanzlerin beleidigt hätte* (Juli 19, 2015).

Und wie sollten diese Grenzen dann bewehrt werden, um andrängende Flüchtlinge abzuwehren (Januar 19, 2016)?

Aber ein wenig hat die drängende Flüchtlingsfrage die Korken gelockert, unter denen ein altes deutsches Hasspotenzial, mehr noch: ein altes deutsches Hassbedürfnis verschlossen waren (Februar 5, 2021).

410 Euro im Monat, die alleinstehende Asylbewerber monatlich in Deutschland bekommen, würden niemanden anlocken (November 6, 2023).

Наплыв большого количества беженцев в Германию порождает значительные инфраструктурные и социальные вызовы, требующие комплексного подхода. К основным сложностям, возникающим в процессе интеграции, относятся: отсутствие соответствующего образования, незнание языка и культурный барьер. Аналитики подчеркивают, что эффективная миграционная политика должна быть основана на балансе между гуманностью, законностью и прагматизмом: регулирование притока беженцев должно сопровождаться мерами по их социальной и экономической интеграции, а не усиливать поляризацию общества.

В ходе анализа статей было установлено, что положительно-маркированные сочетания с *Partizip I + Substantiv* актуализируют информацию о том, что лица, имеющие право на защиту, должны получить ее в полном объеме, в соответствии с международными обязательными и гуманитарными стандартами: *ankommende Flüchtlinge; einreisende Asylsuchende; funktionierende Migrationspolitik; gebührender Schutz; umfassender Ansatz in der Migrations- und Asylpolitik; unterzubringende Flüchtlinge; weitgehender Ausstieg; strahlende Migranten; ausgleichende Gerechtigkeit; zielführende Kehrtwenden; aufnehmende Gesellschaft; vollständige Registrierung; arbeitende Migranten* и др. (13 ед.).

Die Zahl der neu ankommenden Flüchtlinge hat sich massiv reduziert, und dies schon seit Monaten durch Schließung der Balkanroute (Oktober 12, 2016)?

Grundsätzlich strebt die Bundesrepublik an, aus anderen EU-Ländern einreisende Asylsuchende – egal ob evakuierte Afghanen oder andere – wieder in den betreffenden Staat zurückzubringen (September 21, 2021).

Dass muss nicht heißen, sämtliche Kriterien außer Kraft zu setzen – Augenmaß und Verhältnismäßigkeit mit Blick auf die aufnehmende Gesellschaft müssen selbstverständlich gewahrt bleiben (April 16, 2024).

Комплексный подход и международное сотрудничество являются ключевыми условиями эффективного управления миграцией и системой предоставления убежища. А Германия, в свою очередь, может сыграть стратегическую роль, выступая в качестве модели для других стран и способствуя координации миграционной политики на международном уровне.

В ходе количественного анализа было установлено, что случаи частечной модели *Partizip I + Substantiv* с положительной и отрицательной коннотацией используются в равной степени. В результате формируется противоречивый экстраобраз беженца. Отрицательный медиаобраз выстраивается как напрямую, посредством описания огромного количества лиц, ищущих защиту, так и опосредованно – неспособность Германии справиться с беженцами и недочеты миграционной политики страны. Также как и отрицательный медиаобраз, положительный медиаобраз выстраивается опосредованно, через описание предоставления убежища перемещенным лицам, и напрямую, описывая готовность трудиться и интегрироваться в новое общество.

Partizip II + Substantiv

Наряду с процессуальным признаком, который был описан выше, причастие II описывает действие с точки зрения результата, выразившегося в создании определенного свойства у того предмета, на который действие направлено [Алигаджиева 2015: 4058]. Как указывает Г. Пауль, «так называемое перфектное причастие в немецком языке отчетливо показывает, что формы, вполне тождественные по типу образования, могут принадлежать к разным залогам: причастия от переходных глаголов выступают в страдательном значении, а причастия от неперходных глаголов частично имеют значение действительного залога [Пауль 1960: 335].

Анализ статей позволил выявить следующие случаи с отрицательной коннотацией, отражающие статус беженцев, полученный ими негативный опыт во время путешествия, их физическое и психологическое состояние: *abgelehnte Asylbewerber (Asylanträge); betroffenen Asylbewerbern; gestrandeten Migranten; traumatisierte Kriegsflüchtlinge; vollgestopftes Flüchtlingsboot;*

geratene Menschen; unterkühlte Babys; zugelassener Flüchtlingsstrom; gefährdete Flüchtlinge (Fluchtrouten); verwehrte Hilfe; verlorene Hoffnung; diskriminierte Flüchtlinge; verängstigte Menschen; ignorierte Bedürfnisse; enttäuschte Erwartungen и др. (15 ед.).

Например: *Es gibt allerdings auch viele Ungereimtheiten, die Kosten für die Abschiebung sind immens, ein Abschiebeflug für abgelehnte Asylbewerber kostet derzeit mehr als 10 000 Euro pro Person* (Oktober 17, 2015).

Das Gutachten kam zu dem Schluss, dass die Versorgung von betroffenen Asylbewerbern unzureichend sei. Sie träfen in Deutschland auf ein Versorgungssystem, das in vielen Regionen bereits den bestehenden Bedarf an psychotherapeutischer Hilfe nicht decke (Juni 30, 2021).

Psychisch traumatisierte Menschen werden unter den gegebenen Bedingungen der hiesigen Abschreckungspolitik nicht stabilisiert, sondern zusätzlich belastet (Juli 10, 2021).

Локальные политические меры по сдерживанию миграции, такие как отказ от предоставления убежища или отсутствие достаточных условий для восстановления, не способствуют стабилизации психологического состояния мигрантов, а наоборот – усугубляют их страдания, усиливая травмирующие факторы. Психологические травмы, пережитые беженцами, в значительной степени не учитываются в контексте национальной миграционной политики Германии. Это приводит к возникновению дополнительных стрессовых факторов, таких как потеря надежды, разочарование, депрессия и другие психические расстройства, которые не получают должного внимания. В результате выстраивается положительный медиаобраз беженца.

Анализ статей позволил выявить следующие случаи с положительной коннотацией, в которых описываются не только спасенные и получившие статус беженцы, но уже и интегрированные в жизнь немецкого общества: *eingereiste Migranten; eingetroffene Flüchtlinge; gekommene Flüchtlinge; geregelte Einwanderung; gerettete Flüchtlinge/Bootsmigranten/Menschen; gestellter Asylantrag; integrierte Flüchtlinge; koordinierte Lösung; registrierter Asylbewerber/Migrant; schutzberechtigte Migranten; geordnete Verfahren; geflüchtete Men-*

schen; anerkannte Asylberechtigte; skizzierte Maßnahmen; gewonnene Chancen; geschaffene Arbeitsplätze; erlangte Sprachkenntnisse (Anerkennung); geförderte Talante; erreichte Integration и др. (19 ед.)

Например: *Flüchtlingsströme sind eben etwas anderes als eine geregelte Einwanderung* (Oktober 16, 2015).

Wir haben geburtenstarke Jahrgänge, die auf die Rente zugehen, dann fehlen hier die Facharbeiter, und im Handwerk werden Menschen fehlen und auch in der Dienstleistung, und wir können sehr froh sein, wenn wir in Deutschland und in Altena diese Lücken im Rentensystem und auch im Sozialsystem mit gut integrierten Flüchtlingen schließen können (Februar 15, 2016).

Wir gewähren geflüchteten Menschen, die schutzberechtigt sind, Schutz (September 20, 2020)

В рассмотренных медиатекстах формируется положительный экстраборд образ беженцев как потенциально активных участников жизни страны: они способствуют созданию новых рабочих мест и могут вносить вклад в экономику Германии. Не менее важную роль в успешной интеграции играет образование: получение языковых и профессиональных навыков рассматривается как основа для достижения экономической и социальной независимости беженцев, а также для улучшения их положения в обществе. Однако успешная интеграция рассматривается журналистами как исключение, а не правило, что подчеркивает важность создания возможностей для всех беженцев. Авторы издания *Die Welt* акцентируют внимание на потенциале и возможностях беженцев, которые открываются при должном поддержании и внимании.

Анализ статей позволил установить, что модель *Partizip II + Substantiv* направлена на конструирование положительного медаобраза беженца как опосредованно, через описание недостатков миграционной политики Германии и готовность немецкого общества интегрировать беженцев, и напрямую, через личное взаимодействие с беженцами и личную историю беженцев.

Выводы по второй главе

В данной главе диссертационного исследования нами были выявлены и проанализированы единицы лексического и синтаксического уровней, с помощью которых осуществляется формирование оценочного потенциала медиаобраза беженца в британском и немецком информационно-аналитическом медиатексте.

Как в английских, так и в немецких статьях были выявлены *синонимы* (*синонимические ряды*), *клишированные конструкции*, *фразеологические единицы* на лексическом уровне, активно участвующие в конструировании медиаобраза беженца. В ходе анализа британских и немецких медиатекстов были выявлены как узальные, так и окказиональные *синонимы*. В британских медиатекстах при формировании медиаобраза беженца используются только 2 узальных синонима (*a deportee, an expat*) и 5 окказиональных синонимов (*a foreigner, a migrant, a newcomer, a traveller, a victim*). В немецких статьях – 6 узальных синонимов (*der Antragsteller, der Asylbewerber, der Asylsuchende, der Einwanderer, der Geflüchtete, der Vertriebene*) и 5 окказиональных синонимов (*der Ausländer, der Migrant, der Neuankömmling, das Folteropfer, das Opfer*).

В ходе контекстуального анализа установлено, что и в британских, и в немецких статьях как узальные, так и окказиональные синонимы способствуют вербализации положительного медиаобраза беженца, за исключением лексемы *Asylbewerber*, которая преимущественно употребляется для передачи отрицательного отношения к беженцам.

Синонимы	Английский язык	Немецкий язык
Положительные	7	11
Отрицательные	–	1

Среди *клишированных выражений*, участвующих в формировании экспрессионного образа беженца, были выявлены и проанализированы 11 случаев с отрицательной коннотацией, способствующих формированию положительного медиаобраза беженца, и 2 случая с отрицательной коннотацией (*foreign criminals, dangerous criminals*), способствующих актуализации отрицательного медиаобраза беженца. В немецком медиатексте были выявлены и проанализированы

2 группы клишированных выражений: первая, транслирующая политкорректность по отношению к беженцам (*abgelehnte Asylbewerber, politisch Verfolgter, der Schutzsuchende*), и вторая группа – сложные слова, где первый компонент *Flüchtlings*, а второй – *существительное*. Семантическая составляющая актуализируется за счет второго компонента с положительной или отрицательной коннотацией. В результате количественного анализа было выявлено 12 сложных лексем с положительной и 6 сложных лексем с отрицательной коннотацией.

Клише	Английский язык	Немецкий язык
Положительная	2	12
Отрицательная	11	6

Среди *фразеологических единиц*, участвующих в актуализации оценочного потенциала британского медиаобраза беженца были выявлены и проанализированы 12 единиц с положительной коннотацией и 18 единиц с отрицательной коннотацией. Количественный анализ фразеологических единиц, выявленных в ходе анализа немецких информационно-аналитических медиатекстов, позволил установить, что случаев с отрицательной коннотацией больше (16 ед.), чем случаев с положительной коннотацией (6 ед.).

Фразеологические единицы	Английский язык	Немецкий язык
Положительная	12	6
Отрицательная	18	16

На синтаксическом уровне средства оценочности и манипуляции выполняют второстепенную функцию: они усиливают воздействие лексического уровня на сознание адресата. На синтаксическом уровне характерной чертой является употребление большого числа описательных структур, типа *Adjective + Noun; Adverb + Adjective; Verb + Adverb* в английском языке и *Substantiv+ Substantiv, Adjektiv + Substantiv, Partizip I + Substantiv, Partizip II + Substantiv* в немецком языке.

Оценочная коннотация	<i>Adjective + Noun</i>	<i>Adverb + Adjective</i>	<i>Verb + Adverb</i>
Положительная	18	4	23
Отрицательная	23	37	10
Нейтральная	29	—	—

Количественный анализ позволил выявить, что в британском медиадискурсе при конструировании положительного медиаобраза беженца предпочтение отдается *Adjective + Noun*. Далее сочетание *Adverb + Adjective*, выполняющее функцию эмфазы, где наречная часть несет на себе дополнительный акцент, усиливая конечное восприятие. Наименее востребованной является модель *Verb + Adverb*.

В немецком медиапространстве на синтаксическом уровне при конструировании как положительного, так и отрицательного медиаобраза активно используются частеречные конструкции *Substantiv+ Substantiv, Adjektiv + Substantiv, Partizip I + Substantiv, Partizip II + Substantiv*.

Оценочная коннотация	<i>Substantiv+ Substantiv</i>	<i>Adjektiv + Substantiv</i>	<i>Partizip I + Substantiv</i>	<i>Partizip II + Substantiv</i>
Положительная	21	27	13	19
Отрицательная	7	42	13	15
Нейтральная	—	27	—	—

В ходе анализа было установлено, что в рассмотренных медиатекстах образ беженца подается не в форме характеристики отдельно взятого индивида, а как коллективный портрет, в котором обобщены черты, приписываемые целой социальной группе.

Экстраобраз беженца репрезентирует человека с трагичной судьбой, ставшего жертвой обстоятельств непреодолимой силы (военные конфликты, политические репрессии). Фокус внимания сосредоточен на уязвимости и страдании, что приводит к эмоциональному отклику со стороны читательской аудитории. В результате выстраивается положительный экстраобраз, который вызывает у аудитории сочувствие, сострадание, жалость.

Эмоциональная вовлеченность способствует достижению манипулятивного эффекта, вследствие чего складывается лояльное отношение к беженцам. Не менее важной особенностью исследуемого экстраобраза беженца – это взаимосвязь с другими медиаобразами: образ страны, образ политического деятеля, образ правительства, образ народа. Взаимодействие этих образов ведет к комплексному восприятию транслируемых сообщений.

Глава 3. ЛИНГВОМЕДИЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ОБРАЗА БЕЖЕНЦА В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

3.1 Лексико-стилистические особенности создания образа беженца в информационно-аналитическом тексте

Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, что эти нормы отвечали лучшим культурным традициям [Дорджиева 2017: 119]. Для усиления выразительности высказывания часто используются стилистические средства – особые зафиксированные стилистикой обороты речи [Кожина 1993: 14]. В данной главе диссертационного исследования рассматриваются лексико-стилистические и синтактико-стилистические средства, а именно изучение оценочного и манипулятивного эффекта, оказываемого ими в процессе представления образа беженца в англо- и немецкоязычных информационно-аналитических статьях.

Слова в языке реализуют два вида информации. С одной стороны, смысловая, или предметно-логическая, т.е. то, что составляет номинативное значение слова. С другой стороны, есть еще дополнительная, эстетическая, связанная с чувственным восприятием, т.е. информация, обладающая стилистической функцией. Употребление того или иного эпитета и любого стилистического приема зависит от целей, которые ставит перед собой автор. Именно так складывается стиль [Кузьмина 2017: 104] и создается оценка.

Особенность газетного стиля состоит в том, что он основывается на двух противоречивых установках: на облегчении восприятия при быстром однократном чтении и на эффективном воздействии на читателя. Последнее возможно посредством необычного стилистического приема, на котором читатель обязательно остановит свое внимание, но при восприятии этого приема читатель затратит больше времени, что приведет к задержке процесса декодирования сообщений. Поэтому, если автор хочет, чтобы его сообщение

было воспринято правильно, то он должен сделать так, чтобы важные элементы речевой цепи не ускользнули от читателя даже при самом поверхностном чтении [Кузьмина 2017: 104].

В печатных медийных текстах, касающихся жизни беженцев в Англии и Германии, часто прибегают к использованию стилистических средств, которые способствуют созданию образа беженца и выступают инструментом воздействия на потенциальную аудиторию, благодаря создаваемой оценке.

Эпитет

Атрибуция – неотъемлемое свойство слов, обладающих квалифицирующей или оценочной семантикой. Атрибуция реализуется в двух своих основных формах: определении и эпитеце. Эпитет отличается от логического определения, которое не содержит эмоциональности, оценочности или об разности [Мороховский и др. 1991: 177–178]. Различие эпитета и определения основывается на функциональных особенностях атрибутивного слова, которое связано с когнитивной, эмоционально-экспрессивной и эстетической функциями языка. Эпитет возникает в результате эстетического отношения личности к предмету, вырывая его из привычных, устойчивых связей. Главная задача эпитета заключается не в квалификации предмета, а в достижении суггестии, реализующейся при помощи эмоции и оценки. При этом свойство, названное в эпитеце, может имплицитно уже содержаться в имени или отсутствовать [Глушкива 2000: 8-9]. Благодаря эпитету окружающий человека мир объектов получает признаковое выражение, объективная реальность отражается не только концептуально и эмоционально, но и эстетически. В эпитеце бытийная стихия обретает свои завершенные формы и краски, получая их в результате когнитивной, эстетически опосредованной деятельности личности [Сорокина 2009: 127–128]. Эпитет вступает в самые разные отношения с определяемым именем существительным – от тавтологии до контраста. В результате этого формируются различные типы эпитетов [Глушкива 2000: 8–9]. По мнению Э.Ризель и Э.Шендельс, в качестве эпитета выступает каждое ха-

рактерное определение существительного, которое оценивается соответствующим понятием, логически объективно, конкретизировано или эмоционально. Достаточно часто в эпитете эти функции объединяются [Ризель, Шендельс 1975: 238]. Эпитет связан с темой и может интерпретироваться читателем в зависимости от ассоциаций и настроения [Dale 2008: 27].

Существуют многочисленные классификации эпитетов, основанные на различных принципах:

1. Морфо-сintаксический принцип (И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд и др.).
2. Семантический принцип (И.Р. Гальперин, А.Н. Веселовский, М.Д. Степанова, К.С. Горбачевич и др.).
3. Функциональный принцип (И.Р. Гальперин, В.П. Москвин и др.).

В данном диссертационном исследовании за основу берется классификация И.Р. Гальперина, так как она базируется на указанных трех принципах и отражает основные сущностные характеристики данного тропа.

Во второй главе данного диссертационного исследования нами были подробно рассмотрены модели *Adjective + Noun*, которые формируют аналитическую часть медиатекстов и представляют собой сочетание логического определения с определяемым словом, реализуя морфо-сintаксические принципы.

В отличие от вышеназванных сочетаний, эпитеты отличаются своей функциональной нагруженностью, а именно способностью оказывать манипулятивное воздействие не только за счет положительной или отрицательной оценки, предопределенной семантикой прилагательного и представленной в атрибутивной части модели. В подобного рода сочетаниях во взаимодействии представлены семантический и функциональный принципы.

В зависимости от отношений между эпитетом и словом, к которому он относится, их можно подразделить на языковые (*language epithets*) и речевые (*speech epithets*). К языковым (ассоциативным, изобразительным) относятся эпитеты, находящиеся в словосочетаниях, и эпитеты, ставшие литературными клише, которые в готовом виде воспроизводятся в речи: *appalling situation* (*levels of risk, scenes, human toll*); *austere measures*; *brutal and disgraceful*

treatment; bureaucratic mess (hurdle); crucial information (reality); a cruel and heartless decision; dangerous and desolate world; desperate tragedy; dangerous, horrendous situation (route); disastrous consequence; divisive and ugly campaign; dreadful intervention; evil human traffickers; hazardous journey; heavy price; horrific attack (act; abuse; circumstances); inhumane plane (approach; system; practice); a mean and nasty regime; nasty business of trafficking; severe cut (anxiety); shameful period; tough measure (control); tragic death; uncontrolled and unlimited immigration и др. (48 ед.).

Например:

*The way these rules are sometimes applied, coupled with the sceptical, anti-immigrant attitude they engender, can lead to **disastrous consequence** for migrants with legitimate cases* (June 20, 2017).

This appalling situation went unnoticed for far too long, partly because those who felt the worst of it were the people deemed not to matter by our political and media elites (January 14, 2020).

The UK is already a very hostile place for people seeking refuge: they are not allowed to work, are often housed in **dreadful conditions** and are forced to subsist on less than £5.50 a day (November 28, 2021).

В рассматриваемых медиатекстах при помощи языковых эпитетов с отрицательной коннотацией транслируются жесткие способы реагирования на нынешнюю ситуацию, связанную с миграционным кризисом и беженцами. Власти предпочитают массовую депортацию чартерными самолетами, которая зачастую приводит к разделению семей и лишению детей родителей. Помимо этого, в современных медиатекстах четко прослеживается политика негативного отношения к лицам, чей статус еще не подтвержден юридически: они зачастую подвергаются жесткой эксплуатации со стороны работодателей, становятся жертвами расистских и ксенофобских преступлений, являются целью пропагандистов, укореняющих стереотипы о беженцах как об угрозе и бремени, блокируют безопасные маршруты, что, в свою очередь, приводит к кriminalизации тех, кто прибывает в страну нелегальным путем. Во всех представ-

ленных выше мини-контекстах, описывающих положение беженцев, реализуется отрицательная оценка за счет семантики прилагательного.

В 250 английских информационно-аналитических статьях по изучаемой проблематике нами выявлены случаи использования языковых эпитетов с положительной коннотацией, способствующих созданию положительного образа беженца в текстах медиа: *a powerful sense of solidarity; a protective umbrella; brave journey; constructive solutions (proposals, plans); enormous potential; fairer and more humane response; fantastic welcome; fearful dispossessed; generous aid; handsome price; humane treatment; more generous system; more humanitarian approach; positive change (relationship; approach); priceless reward; tremendous and deeply touching journey; viable (safe) future* и др. (34 ед.).

Например: *He (migrant) dreams of becoming a politician so he can make a positive change in the world* (September 20, 2017).

The solidarity-based approach developed and demonstrated by the best of the independent volunteers has enormous potential to achieve this (December 29, 2018).

We received a fantastic welcome in Britain and were given great opportunities by a generous country (August 4, 2022).

В перечисленных выше примерах трансляция положительного отношения к лицам, ищущих убежище в Великобритании, осуществляется за счет семантики прилагательного. Аналитики призывают к более толерантному отношению к беженцам, к изменениям в лучшую сторону системы представления убежища тем, кто осмелился на смелое путешествие ради себя и своих близких.

В некоторых случаях прилагательные, использованные как языковые эпитеты, постепенно теряют свое предметно-логическое значение и все больше срашиваются с определяемым словом. Данный процесс может зайти так далеко, что получаются неразложимые фразеологические единицы. При этом устойчивые сочетания являются готовым арсеналом газетных стандартов и нередко переходят в штампы, порождая и культивируя фразеологию, наполненную новым содержанием, отличающуюся высокой частотностью в

медиином тексте по сравнению с речевыми эпитетами: *cushy life; dirty work; air fair process for resettlement; fair asylum system; happy times; hostile environment; safe passage; legal (safe) routes; dangerous journey* (9 ед.).

Например: *When it comes to asylum seekers and migrants, you choose to believe what May has spent years saying and pretend they are all over here for a **cushy life*** (April 11, 2017).

*Stakeholders, such as rough sleepers, trust charities to give them a voice – and to use that voice to criticize the government, not do its **dirty work** on migration* (March 10, 2017).

По сравнению с языковыми эпитетами, которые отличаются высокой частотностью в медиатекстах, речевые (неассоциативные, выразительные), созданные специально для данного сообщения, отличаются оригинальностью и имеют отрицательную коннотацию: *a grisly reality TV show; bitter division; bloody drive (collapse); bottomless misery; bureaucratic mayhem; draconian direction (policy); egregious attempt; fragile government; grim conditions; incoherent system; inflammatory politics; malign interference; mendacious inadequacy of the vision of events; performative cruelty; perilous journeys; savage turmoil; shameful determination (scene); unrealistic (unreasonable) demands; visceral terror; wretched and degrading conditions; etraumatic past* и др. (21 ед.)

Например: ***Draconian policy** of turning back boats and imprisoning migrants has slackened its flow* (March 18, 2016).

*This is a lie; there is no other way to describe **egregious attempt** to blame local authorities for a decision that has been wholly made in the Home Office, which has made no reasonable effort to examine what capacity there is in the system* (February 13, 2017).

***The shameful scene** at Manston will be repeated as long as asylum seekers are scapegoated by ministers avoiding scrutiny* (October 31, 2022).

Возможность интерпретации данных эпитетов как речевых обосновывается рядом факторов: единичные случаи их употребления в медиатекстах и ограниченная сочетаемость, реализуемая в определенном контексте. При по-

мощи речевых (неассоциативных) эпитетов с отрицательной оценкой в рассматриваемых газетных статьях происходит смещение фокуса внимания на трудности, с которыми сталкиваются беженцы: физические и бюрократические препятствия, чтобы сделать переход менее вероятным; а в случае, если и удается добраться до Великобритании, пережив ужас по дороге, то приходится жить в мрачных условиях.

В ходе исследования были также выявлены единичные случаи, где в качестве эпитета выступает причастие с отрицательной коннотацией. Приналежность данных лексем к группе причастий определялась нами по лексикографическим источникам, хотя их статус не всегда интерпретируется однозначно: *prowling smugglers and traffickers; distressing position; dehumanizing language; emboldened racism (xenophobes); gruelling process; worsening conditions; sidelining will; growing panic; shaming debate; detaining asylum seekers; invading force; declining living standards; marauding mob; undeserving drains; life-threatening circumstances; racialised border violence; exhausted healthcare workers; terrified migrants; ill-considered policy* (19 ед.).

Например: *Few people would ever choose to live in these conditions, but the emboldened racism of many Britons post-Brexit means that we will see more people happy to publicly campaign for people fleeing torture and war to not even be allowed poor, cramped housing* (July 15, 2016).

Those most affected by police violence are frightened of speaking out against officers who should be their protectors from the many threats, including the prowling smugglers and traffickers behind «camp violence» (August 4, 2016).

This week, our Home Secretary, Suella Braverman, described Britain as being under “invasion” from migrants, language that suggests we must redouble our efforts to repel some advancing evil (November 3, 2022).

Актуализация положительного медиаобраза беженца осуществляется посредством описания агрессивной риторики государства в отношении беженцев, у каждого из которых своя трагедия, которую пытаются пережить па-

ралльно с трудностями, встречающимися в новой стране. Аналитики также подчеркивают, что алгоритм предоставления убежища требует доработки.

В результате количественного анализа выявленных языковых и речевых эпитетов было установлено, что и положительные, и отрицательные направлены на формирование положительного медиаобраза беженца в современном британском медиапространстве.

Количественный анализ рассматриваемых газетных статей выявил, что при формировании положительного медиаобраза беженцев авторы прибегают к использованию как языковых, так и речевых эпитетов. В целом, как и ассоциативные эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией, так и индивидуально-авторские эпитеты с позитивной и негативной коннотацией направлены на формирование положительного медиаобраза беженца в современном британском медиапространстве.

В немецких информационно-аналитических медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис» эпитет реализуется преимущественно при помощи прилагательных, как и в английском языке. Отличительной особенностью является широкое использование в качестве эпитета сложных существительных, рассмотренных нами во второй главе данного диссертационного исследования. В проанализированных нами статьях можно выделить случаи с прилагательным и сложными словами, причастиями I и II.

Анализ немецких аналитических статей позволил выявить следующие случаи языковых эпитетов с отрицательной коннотацией: *absurdes Modell; beklagenswertes Demokratieverständnis; gefährliche Kräfte; dramatische und gruselige Auseinandersetzung; drastische Maßnahmen; dringende Hilfe; düstere Visionen; eine härtere Haltung in der Asylpolitik; enormer Kraftaufwand; grauerende Konsequenz; gewalttätige Fremdenfeindlichkeit; harte Zurückweisungen (Kritik, Wahrheit, Zurückweisungslinie); hässliche Seiten der Einwanderungsgesellschaft; laxen Verordnung; massenhafter Asylmissbrauch; massive Unregelmäßigkeiten; mörderisches Chaos; naiv menschenfreundlicher Umgang mit der Flüchtlingsfrage; reichliche Schaden; riesiges (grundsätzliches) Problem; riskantes Spiel;*

schwache Position; schwere Zeit; schwierige Problemlagen (Situation, Freiheit); sehr problematische Konsequenzen; skrupellose Gedanken; starke Vorbehalte; turbulente Zeit; unerträgliche oder schwer erträgliche Lebens- und Arbeitsbedingungen; ungeheuerliche Zumutung; unselige Kölner Silvesternacht; verzweifelte Suche; zynische Instrumentalisierung von Migranten; rasanter Anstieg der Flüchtlingszahlen и др. (34 ед.).

Например: *Die Neuen Einwanderer werden Deutschland merklich verändern. Das wird ein Vorbot, was die Kölner Silvesternacht auch ein schwieriger, unbequemer und harter Prozess wird* (Januar 30, 2016).

In kleinen, meist überfüllten Booten machen sich Flüchtlinge immer wieder zur gefährlichen Überfahrt über das Mittelmeer Richtung EU auf (July 6, 2021).

Es gibt naiv menschenfreundlichen Umgang mit der Flüchtlingsfrage, hinter dem sich oft Dummheit und utopische Uneinsichtigkeit verbergen (Januar 19, 2016).

В рассмотренных контекстах аналитики подвергают жесткой критике существующий алгоритм предоставления убежища в Германии: наивно-гуманный подход к решению проблемы беженцев, который ориентирован на моральное обязательство, приводит к серьезным практическим последствиям, таким как чрезмерное злоупотребление правом на убежище и массовые нарушения существующих норм. Авторы подчеркивают, что необходимы более жесткие и четко регулируемые меры в области миграционной политики страны, которые принимают во внимание не только гуманитарные аспекты, но и экономические, социальные и культурные реалии. В результате выстраивается сложный и противоречивый медиаобраз беженца: с одной стороны, беженец выступает жертвой войны, насилия и бедствия, отсутствия реальных возможностей для адаптации и интеграции в общество Германии. С другой стороны, беженец – угроза для экономической, социальной и культурной стабильности Германии, объект обвинений в массовом злоупотреблении системой предоставления убежища. В результате эти противоречия усугубляют отношения между беженцами и принимающим обществом.

Необходимо отметить, что в проанализированной нами выборке число языковых эпитетов с отрицательной коннотацией преобладает над эпитетами с положительной: *reine Moral; freundliche Helfer; ungebremster Optimismus; tolerante Gesellschaft; kreativer Beitrag* (5 ед.).

Например: *Überall, wo der junge Mann hinkommt, wird er von freundlichen Helfern in Empfang genommen, die ihn individuell und liebevoll betreuen* (August 25, 2015).

... eine geistige Dürre, die einen angesichts der Krise erschauern lässt, und das Beharren auf einer reinen Moral, die in der gegenwärtigen Lage nichts anderes als unmoralisch ist, weil ihre Folgen letztlich die Demokratie zerstören (Februar 14, 2017).

В приведенных случаях речь идет об активистах, волонтерах, добровольцах, которые принимают активное участие в расселении и оказании помощи беженцам в лагерях Германии.

В немецком аналитическом медиапространстве, также как и в английском, зачастую представляется возможным выделить примеры речевых эпитетов с отрицательной оценкой: *bandenmäßiger Verleitung; schwarzen Jahre; geistige Dürre; vulkanische Kraft; utopische Uneinsichtigkeit; funversöhnlichen Glaubenskriege; groteskes Missverhältnis* и др. (7 ед.).

Aber der Suche der alternden Gesellschaft nach Beitragszahlen hat manchmal auch naive Tendenz. Jede Gesellschaft, die an die Zukunft glaubt, wird auf die eigenen Kinder setzt (September 6, 2015).

Das ist so wenig zu fassen wie die Reaktionen jener, die meinen, die Kölner Exzesse seien Ausdruck männlicher, keinesfalls aber männlich-muslimischer Verrohung (Januar 19, 2016).

Ein Weg, auf diffuse Ängste angesichts der Flüchtlingsfrage zu antworten, besteht in restriktiver Politik (September 26, 2019).

В современном немецком аналитическом медиапространстве зачастую встречаются противоположные точки зрения относительно способов решения демографического кризиса: заполнить вакантные места беженцами или полагаться только на своих детей. Не менее важной темой является и какой

конфессии придерживаются беженцы. В сознании современного общества уже закрепился стереотип (ложный) ислам как терроризм.

Нами также выявлены случаи употребления причастия I и II, большую часть которых мы рассмотрели во второй главе: *unkontrollierter Migrationsstrom (Einwanderung, Zuwanderung); überlastete Staaten; tobende Menge; aufkommende Angst; weitgehende Abschiebung; gravierende Fehler; greifender Wandel; strömende Flüchtlinge; wachsende Kluft* и др. (9 ед.).

Например: *Ein unkontrollierter Migrationsstrom aus Afrika würde die ohnehin schon überforderte und politisch polarisierte EU vollends destabilisieren* (Februar 5, 2017).

Just an diesem Tag schreibt der Politologe Herfried Münkler in einem Zeitungsbeitrag von der aufkommenden Angst der Deutschen und behauptet, die Flüchtlingskrise sorge die Deutschen mehr als die Finanzkrise (September 10, 2020).

В результате контекстуального анализа вырисовывается образ беженца как угрозы для внутренней безопасности и источник неопределенности и нестабильности Германии, получающий незаслуженно защиту. Миграционный процесс воспринимается как стихийный и дестабилизирующий процесс, который не контролируется структурами.

Количественный анализ рассмотренных медиатекстов показал, что при конструировании медиаобраза беженца авторы статей предпочитают использовать языковые (ассоциативные) эпитеты, нежели речевые, которые способствуют актуализации как положительного, так и отрицательного экстраобраза беженца в современном немецком аналитическом медиатексте.

Метафора

Каждый человек в значительной мере формируется той культурой, в которой он живет, а своеобразие культуры получает свое завершение в культурной картине мира, то есть в совокупности кодов о ценностях, нормах, правилах, менталитете собственной культуры и культур других народов [Ефименко 2012: 189]. Одним из способов, с помощью которых раскрывается

менталитет того или иного культурного социума и ценностное содержание, картины мира, является метафора.

Метафора – универсальное явление в языке. Её универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех функциональных разновидностях. Всеобщий и частотный характер метафоры издавна привлекал к ней внимание наблюдателей и исследователей человеческой речи [Телия 1988:11]. На современном этапе изучением метафоры и различных ее аспектов занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты.

Как одно из наиболее ярких и действенных средств реализации воздействующей функции с элементами манипуляции метафора используется в междиадискурсе. Механизм оценочности метафоры состоит в том, что автор, употребляя слово в нехарактерном для него, метафорическом смысле, представляет свое видение ситуации не напрямую, а посредством определенных ассоциаций (позитивных либо негативных), которые влияют на оценку читателем предложенной информации [Ковалевская 2009: 83].

Метафоры направлены на привлечение и удержание внимания слушающего через повышение образности текста, внесение элементов языковой игры и непредсказуемости. Эта функция метафоры чрезвычайно важна для аргументативного дискурса, поскольку для убеждения аудитории необходимо привлечь ее внимание, чему и служат тропы, благодаря которым речь поражает своей новизной и необычностью и оказывается не только эмотивной, но и информативной. Употребление тропов помогает говорящему удержать внимание слушающего на теме разговора, привлечь его внимание к определенным аспектам дискуссии. Поскольку особенностью человеческого восприятия является рассеивание внимания с ходом времени, то употребление метафоры является тем моментом, который несет новизну, помогает вернуть восприимчивость.

Несмотря на тысячелетнюю историю изучения метафор, на данный момент не существует какой-либо определенности в вопросах классификации метафор. В свое время изучением данных проблем занимались такие исследователи, как В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф [1988], В.Н. Телия [1999], В.Ю. Апресян [1993], Н.Д. Арутюнова [1988], В.П. Москвин [2024], и др., которые выделяют следующие ее прагматические функции: информационную, воздействующую и характеризующую.

Исследование метафорических переносов в разных языках показало, что существуют регулярные типы метафор, имеющие универсальный характер. Чаще всего процесс метафоризации представлен следующими механизмами:

1. Антропоморфизм, или персонификация;
2. Перенос от конкретного к абстрактному, или реификация;
3. Синестезия, т.е. использование слова, значение которого связано с другим органом чувств [Ульман 1970: 277–279].

Антропоцентрический и когнитивный подходы к трактовке языковых явлений помогают лучше проникнуть в суть процесса метафорического переноса. Исследователи Дж.Лакофф и М. Джонсон в своем научном труде «Метафоры, которыми мы живем» объясняют механизм формирования метафоры следующим образом: в каждой метафоре существует донорская (именно тот важный компонент на базе которого осуществляется перенос значения, т.е. область источника концептуализации) и реципиентная (область мишени концептуальной метафоры) зоны. Донорская зона конкретна и антропоцентрична: для ее создания широко используется человек, в частности его тело, местоположение в пространстве и движение [Лакофф, Джонсон 2023].

Возможность передавать «уплотненный» смысл, «сгущать» информацию дает основание воспринимать метафору как некий код, позволяющий найти наиболее ценный в коммуникативно-прагматическом плане способ передачи фактуальной информации. Метафорический код медиатекста представляет собой вторичный вербальный код, порождающий многорядные смысловые эффекты, сигнализирующие о нестандартном мышлении автора и

настраивающие читателя на поиск имплицитных смыслов текста, которые нуждаются в декодировании. Поскольку отличительным признаком медиатекста является его множественная зашифрованность, текст предстает перед читателем многократно закодированной словесной структурой. Метафорический код медиатекста составляет основу образного кода – системы эстетически обусловленных, лингвистически выраженных сигналов, формирующих образы в сознании читателя в соответствии с авторской интенцией. Возникающий при этом образ представляет действительность в виде целостной ассоциативно-образной картины мира, фиксирующей многообразные семантико-эстетические трансформации языкового сознания автора.

Исследователь Е.М. Вольф, рассматривая соотношение «оценка – метафора», «метафора – оценка», предполагает, что возможность возникновения оценочного смысла при метафоризации связана с природой метафоры, а соотношение метафоры и оценки далеко не однозначны. В метафоре преобладает оценочный смысл как слова, имеющего оценочные коннотации в исходных значениях, так и слова, не имеющего их [Вольф 1985, 1988]. В.Н. Телия, анализируя экспрессивно-оценочную функцию метафоры, говорит о том, что оценочная деятельность также естественна для сознания, как и познавательная, и имеет pragматическую ориентацию: соотносясь с потребностями субъекта, воздействует на его деятельность. Функция оценки корректирует метафорический процесс, использующий одно и тоже имя, но в разных предметных областях [Телия 1996: 31].

С помощью метафор авторы информационно-аналитических медиатекстов создают картину мира, которая представляет собой систему как **языковых**, закрепившихся в узусе, так и **индивидуально-авторских** образов. Языковая метафора, являясь узуальной, достаточно хорошо изучена и может быть репрезентирована определенными кодами, которые укладываются в рамки персонификации и реификации. В.В. Красных отмечает универсальность феномена кодов культуры, так как они по природе свойственны человеку. Но их разнообразные проявления в определенной культуре в

виде метафор всегда обуславливаются этой культурой и национальным менталитетом. В.В. Красных выделяет 6 основных (базовых) культурных кодов: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный (артефактивно-вещный), биоморфный, духовный. Остальные, по мнению исследователя, являются разновидностями базовых культурных кодов [Красных 2003: 298]. Чаще всего метафорическому переносу подвергаются те слова, которые служат наименованиями наиболее важных для людей явлений и понятий: растений, животных, пищи, орудий труда, одежды и прочих артефактов [Вежбицкая 2000: 12].

Основываясь на исследованиях ученых В.В. Красных [2003] и А.П. Чудинова [2001], представляется возможность выделить следующие коды: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный (артефактивно-вещный), биоморфный, духовный, натуromорфный, антропоморфный, социоморфный.

Функционально-семантический анализ метафор с **соматическим кодом**, включающий в качестве составляющего компонента наименование внешнего органа (лицо, глаза, руки, ноги, голова), позволяет отметить, что некоторые соматизмы активно используются журналистами современных информационно-аналитических медиатекстов по проблематике «Миграционный кризис» для презентации ментального, эмоционального состояния человека, типов деятельности человека, его динамического взаимодействия с окружающим миром.

Отсутствие новизны при формировании метафоры компенсируется легкостью понимания и соответственно четкой узнаваемостью намерения автора. Легкость интерпретации обусловлена устойчивыми ассоциативными связями, обладающими однозначно маркированной оценкой, так что в этом случае возможно говорить об эксплицитном характере оценочного выражения [Солодилова 2014: 39].

В проанализированных информационно-аналитических статьях в качестве соматизмов, участвующих в формировании метафорического значения, преимущественно используются *face, hand*.

Согласно лексикографическим источникам *face – the front of the head or surface of an object* [Cambridge, URL]; *the front part of the head that in humans extends from the forehead to the chin and includes the mouth, nose, cheeks, and eyes* [Merriam-Webster, URL].

Лексема *face*, которая служит основой метафорического переосмыслиния, встречается в виде именных и глагольных сочетаний. Лицо как часть тела, на которой расположены основные органы чувств человека – глаза, уши, нос, рот – является наиболее информативной частью тела. Закономерно, что восприятие окружающего мира происходит преимущественно за счет данных органов. Лицо выступает как граница между внутренним и внешним миром, является свое-го рода щитом, защищающим человека от внешнего воздействия. В связи с этим вполне оправдано доминирующее функционирование данной лексемы в качестве глагольной, описывающей динамичность взаимодействия человека с окружающим миром, который находится в состоянии противостояния. По данным лексикографических источников, *to face – to confront impudently* [Merriam-Webster, URL]; *to accept that something unpleasant is true and start to deal with the situation* [Cambridge, URL]; *to be opposite* [Oxford, URL].

Исходя из данных определений, можно прогнозировать возможность негативной направленности сочетаний с данной лексической единицей, ее имплицитной отрицательной оценочности. В проанализированных медиатекстах беженец находится в конфронтации с условиями существования, государственными институтами, враждебностью местного населения.

Наиболее частотными метафорическими конструкциями, описывающими трудности, с которыми приходится сталкиваться беженцам, покидая свои дома и страны в поиске лучшей жизни для себя и, все чаще, для своих детей, являются те, соматическим компонентом которых выступает лексема *face*: *in the face of this inhumanity (callousness); in the face of a possible new surge of would be migrants; the dire conditions faced by many children; the nightmare faced by every displaced person; to face appalling levels of gender-based violence; to face endless challenges; to face enslavement; to face harass-*

ment or cruelty; to face harsh punishment; to face life-threatening circumstances; to face problems; to face sanctions; to face terrible hazards; to face the cynicism of officials and the hostility of local people; to face torture and rape; to face unimaginable horrors; to face up to the hidden corners of crime; to face widespread criticism; to face with a difficult choice; to face with the upheaval of a new beginning in a foreign country и др. (20 ед.).

Women and girls fleeing conflict and persecution face these terrifying risks every day, yet the issue has barely figured in the global response to the refugee crisis (December 7, 2016).

A few weeks ago, I came across so many devastated Afghans who were grappling with the trauma of being uprooted and now faced with the upheaval of a new beginning in a foreign country (June 21, 2022).

В результате использования данных метафор формируется отрицательная оценка не самого беженца, а окружающего его мира, с которым он находится в состоянии конфронтации. В данном случае журналистами конструируется медиаобраз беженца как жертвы, вызывающей сочувственное и сострадательное отношение у читательской аудитории и негативную реакцию окружающего мира.

Другим соматизмом, участвующим в конструировании медиаобраза беженца, является лексема *hand*, которая определяется в современных лексикографических источниках как *the part of the body at the end of the arm that is used for holding, moving, touching and feeling things* [Cambridge, URL], [Merriam-Webster, URL].

Лексема *hand* служит основой метафорического переосмыслиния и встречается в виде именных сочетаний. По данным лексикографических источников, *in hand – to be at one's possession or control; at one's disposal; personal possession (usually used in plural)*; [Merriam-Webster, URL]; *at the hands of someone – if you suffer at the hands of someone, they hurt you or treat you badly* [Cambridge, URL]; *in the hands of smb – being controlled by* [Oxford, URL].

Исходя из определений, можно сделать вывод об отрицательной оценочности данной единицы, так как отсутствие воли и постоянный внешний

контроль лишают человека свободы и соответственно отрицательно концептуализируются в любой культуре. Посредством приведенных выше метафорических конструкций авторы рассматриваемых газетных статей описывают тяжелые ситуации, в которые попадают беженцы: они безвольны, у них нет возможности принимать какие-либо решения относительно себя, своей жизни, жизни своих детей, они находятся под полным контролем, с одной стороны, бандитов, контрабандистов, а с другой стороны, чиновников, администрации, принимающей страны.

Среди метафорических конструкций, транслирующих безвольное положение, в котором находятся беженцы, можно выделить те, соматическим компонентом которых выступает лексема *hand*: *to be in the hands of human traffickers; to drive asylum seekers into the hands of people traffickers; to force migrants into the hands of smugglers; to place their lives in the hands of smugglers; to take journeys at the hands of smugglers; refugees' immediate fate lies in the hands of MPs; to be in the hands of a chaotic and unpredictable administration; his (refugee's) life was not in his hand; the hand that feeds* и др. (9 ед.)

She (a migrant) has taken a plunge, crossed borders and subjected herself to all the hazards of being in the hands of human traffickers to make her way to Britain (March 11, 2017).

Tougher controls push people to more dangerous routes, and to place their lives in the hands of smugglers who may be indifferent to their safety of actively looking to exploit them (October 23, 2021).

Медиаобраз беженца как жертвы формируется опосредованно, через пренебрежительное отношение к нему окружающих людей, которые часто вовлечены в преступные занятия. Журналистами отмечается, что причиной отрицательного отношения служит политика ужесточения контроля на границах страны, которая вынуждает беженцев выбирать более опасные маршруты и отдавать жизни в руки преступников, которые могут быть безразличны к их безопасности при том, что беженцы не контролируют ситуацию и не в состоянии нести ответственность за свою семью.

Природный код

В рассматриваемых статьях по проблематике «Миграционный кризис» встречаются метафорические конструкции, в которых сферой-источником является водная стихия. Лексемы *wave*, *tide*, *influx*, *flow*, *surge*, *stream*, *flood*, *swamp*, служащие основой метафорического переосмыслиния, в своем толковании в одном из лексико-семантических вариантов содержат указание на характер и отношение человека к метафоризируемым понятиям: *flood* – *overflowing, overwhelming quantity* [Merriam-Webster, URL]; *surge* – *a sudden increase in the amount or number* [Oxford, URL]; *to flow* – *to move steadily and continuously in one direction* [Oxford, URL]; *wave* – *a movement like that of an ocean wave* [Merriam-Webster, URL].

Во всех определениях мы встречаем компонент, описывающий масштабность и внезапность, что всегда трактуется человеком как нежелательное и опасное для себя. Применительно к процессу миграции беженцев данные лексемы могут указывать на одновременное непрерывное и неконтролируемое прибытие большого количества беженцев в Великобританию. В других случаях реализуется семантика, указывающая на избыточность и характеризующая масштаб бегства:

Wave: *a large wave of protests; a tidal wave that engulfs police and social services; a current wave of newcomers; waves of Syrians flee.*

Tide: *a tide of human misery sweeps westwards; a tide of wretchedness; a desperate human tide; an overwhelming tide of migration; to drive back the human tides.*

Influx: *an influx of cheap labour; the migrants influx into Europe; to manage an unprecedented influx of desperate men, women and children.*

Surge: *in the face of a possible new surge of would be migrants.*

Flow: *refugee flows could not be subject to some form of exploitation; stress that inflows from Africa and Asia; the inflow of migrants; to reduce the flow of migrants; to slacken its (migrants) flow; to limit the inflow (of migrants).*

Flood: *the flood of refugees; to be flooded by migrants; they (migrants) flooded in.*

Swamp: to swamp schools by non-English-speaking foreigners.

Stream: the stream of unaccompanied child refugees.

В представленных фрагментах (24 ед.) передается обеспокоенность британского общества перед лицом большого наплыва беженцев. Британцы испытывают беспомощность и неуверенность наряду с опасением по поводу собственной безопасности, неспособности интегрировать большое количество беженцев в свое общество, а также социальных и финансовых последствий неограниченного потока людей, что отрицательно транслируется в медиатекстах:

No one can underestimate the stress that inflows from Asia and Africa will place on European societies (March 18, 2016).

There may be fewer refugees coming here, but the optics of their arrival has been changed by government design, allowing the Tories to demonise a desperate human tide as an invasion (March 6, 2023).

В рассматриваемых выше предложениях большое количество беженцев ассоциируется с неконтролируемой, нерегулируемой волной, описывается ее сила, спонтанность, стихийность. Аналитики отмечают следующую тенденцию: в связи с наплывом большого количества людей в поисках лучшей жизни, уровень преступности в Великобритании значительно возраст, полиция и социальные службы не справляются. Британцы недовольны, что дети-беженцы заполоняют их школы. Многочисленные протесты показывают градус напряжения в обществе, что сопряжено с отрицательной оценкой событий реальности.

Артефактный код реализуется за счет архитектурной метафоры, примером которой может выступать *вместилище*, или *контейнер*. *Контейнер* представляет собой универсальную метафору, основанную на проекции пространственных отношений на непространственные области. Впервые понятие *контейнера* вводится М. Джонсоном, согласно которому, данная образная схема существует в обработке человеческого опыта и понимается подсознательно [Johnson 1987].

Будучи результатом осмыслиения пространства, когнитивная метафора контейнера постепенно редуцирует пространственную конкретику, превращаясь в инструмент упорядочивания самых разных проявлений познаваемой дей-

ствительности [Калиткина 2014: 22]. С помощью когнитивной метафоры *контейнера* можно описать любые множества, группировки, объединения, классы и категории, т.е. перенести на эти абстрактные понятия все представления, почерпнутые из наблюдений над контейнерными вещами [Кубрякова 2004: 489].

Конституирующими признаками *контейнера*, определяющими его как сущность, являются ограниченное внутреннее пространство, ориентация «внутри – снаружи» и возможность иметь содержимое. Такая структура образной схемы формируется в сознании человека в ходе его наблюдений за собственным телом и пространственного взаимодействия с физическими объектами [Милашевская 2017: 9].

Великобритания в сознании носителей английского языка уподобляется помещению, строению и его частям (*door, wall*), имеет внутреннее пространство, способное вмещать ограниченное содержимое. Это сходство является одной из предпосылок, которые позволяют частично структурировать Великобританию с помощью образной схемы *вместилище/ контейнер*.

В рассматриваемых статьях по проблематике «Миграционный кризис» встречаются метафорические конструкции, в которых сферой-источником служит дом (*home*). Согласно лексикографическим источникам, *home – the house, apartment where you live, especially with your family* [Cambridge, URL]; *one's place of residence* [Merriam-Webster, URL]. В переносном значении лексема *home* используется в следующем контексте: *a place where people or animals are cared for and where a person feels they belong; to make yourself at home – to relax and make yourself comfortable in someone else's home* [Cambridge, URL].

Исходя из данных определений, можно прогнозировать возможность положительной направленности как глагольных, так и именных сочетаний с данной лексической единицей, ее имплицитной положительной оценочности: *to build (to find) a home in England; to call the UK home; they (refugees) wanted England to be their new home; for all there children (refugees), the UK is their home; don't allow them (refugees) to make themselves at home; to make a home in a new land; to undo what Britain has offered down the generations: a permanent*

home for those fleeing persecution; making a home in a new land (Britain) is challenging и др. (9 ед.).

*And like so many before me (refugees), I used my time to study, build a life and **find a home in England** (March 11, 2017).*

*In broken English, they told me they (refugees) wanted **England to be their new home** (November 25, 2021).*

Исходя из контекстуального анализа рассматриваемых фрагментов, можно сделать вывод о том, что беженцы готовы называть Великобританию своим домом и стараться интегрироваться в общество: изучать язык, получать образование, работать. Несмотря на то, что страна на протяжении поколений успешно интегрировала беженцев в свое общество, современная власть прикладывает все усилия, чтобы отменить необходимые опции для просителей убежища.

Лексемы *door* и *wall*, служащие основой метафорического переосмысливания, в своем толковании содержат указание на характер и отношение человека к метафоризируемым понятиям.

Согласно лексикографическому источнику, *a door – a flat object that is used to close the entrance of something such as a room or building, or the entrance itself* [Cambridge, URL].

Лексема *door* служит основой метафорического переноса и встречается в составе глагольных сочетаний. В переносном значении лексема *door* используется как *a means of access or participation* [Merriam-Webster, URL]; *to shut/slam the door in somebody's face – to refuse to talk to somebody or meet them, in a rude way* [Oxford, URL]; *to shut/close the door on something – to make it impossible for something to happen, especially a plan or a solution to a problem* [Cambridge, URL].

В приведенных определениях лексемы *door* содержится указание на закрытие входа (доступа), что применительно к исследуемой проблеме можно рассматривать как наличие препятствия для миграционных потоков в Великобританию: *refugees come from next door; the door for refugees is already closing; the doors to the peaceful and prosperous country will be slammed shut; to*

close the door to vulnerable children on the doorstep; to keep the door locked shut; architects of smb's own prosperity feet on doorsteps; to camp out right on our (British) doorstep; to shut the door on child refugees; to slam the doors to the country (Britain); to protect borders; the key of our territory; a key to recovery and achieving positive changes (any social work process) и др. (12 ед.).

*We have not done our part if we **let them through the door**, but don't allow them to make themselves at home (March 1, 2017).*

*Theresa May can **shut the door on child refugees** and impose a hard Brexit because Jeremy Corbyn has **no clue how** to stop her (February 11, 2017).*

*They were fighting for a future, for their families, and lost their precious lives as **Britain firmly kept its doors locked shut** (October 30, 2019).*

*All the government had to do was **open the door** and stand aside (June 8, 2022).*

С одной стороны, в качестве нормы рассматривается контроль границ и легальные способы проникновения в страну, но с другой стороны, большое количество беженцев, в следствии чего ситуация интерпретируется иначе. В рассматриваемых фрагментах граница Великобритании метафоризируется как дверь, которая заперта от нежелательных гостей, как взрослых, так и маленьких. Для того чтобы контролировать угрозу в лице беженцев, защитить страну, необходимо контролировать границы Великобритании.

Журналисты призывают открыть легальные, безопасные пути для беженцев: *to open its borders to everyone fleeing war anywhere in the world; to open these roads to refuge; to open the door and stand aside; to prise them (walls) open to make the space to build something better; to open the way to radically different, flourishing future; to open up regular route for people; to open up a territory to shift the course of history for the better* и др. (7 ед.).

*It can't be beyond the wit of even this government to see the connection – and come up with a scheme that would **open up a regular route for people** who could help fill some of the 1.2 m UK jobs that remain stubbornly vacant (March 10, 2023).*

*In finding whatever cracks we can in the stifling, inhuman, beureaucratic walls, **prising them open to make space to build something better** (June 13, 2022).*

Британские власти прикладывают все усилия, чтобы перекрыть все безопасные законные способы въезда на территорию страны, принуждая тем самым беженцев выбирать ненадежные, нелегальные способы для себя и своих детей: *to close Britain's borders; to encounter only closed doors; to close doors; to shut borders; to shut the door on child refugees; the door to this peaceful and prosperous country will be slammed shut; to slam shut the door; to keep its (Britain's) doors locked shut; to lock down borders; to close down safe alternatives; to lock down the borders; to shut down all the legal routes to sanctuary to win the place on the earth* и др. (12 ед.).

*It isn't human rights lawyers and leftwing activists who have a problem with a government approach that **shuts down all legal routes** to sanctuary and then applies punitive sanctions to all who seek it by other means* (June 15, 2022).

With legal routes closed off, asylum seekers arriving on small boats are portrayed as a sinister invading force (October 31, 2022).

В рассмотренных выше миниконтекстах транслируется отношение Великобритании к беженцам. Государство ограничивает въезд в страну, ужесточает политику в отношении беженцев. Данный курс находит отражение в умах британского населения, что никак не способствует созданию благополучного адаптационного периода для беженцев и транслирует отрицательную оценочность всех действий правительства Великобритании.

Согласно лексикографическому источнику, лексема *a wall – a vertical structure, often made of stone or brick that divides or surrounds something* [Cambridge, URL]. В переносном значении лексема *wall* обозначает *a way of feeling or behaving that completely prevents two groups of people from communicating with or understanding each other* [Cambridge, URL]; *something that forms a barrier or stops you from making progress* [Oxford, URL].

В приведенных определениях лексемы *wall* содержится указание на преграду, которая обозначает внешний периметр Великобритании, отделяющий ее от миграционных потоков: *a crack in the stifling, inhuman, bureaucratic*

walls; retreat behind walls, real or imagined; these walls must fall; walls simply shifting migrants elsewhere и др. (4 ед.).

We should not close our hearts, retreat behind walls, real or imagined, or ignore the pressing moral imperative to provide assistance and sanctuary for some of the world's most desperate people (December 9, 2016).

In finding whatever cracks we can in the stifling, inhuman, bureaucratic walls, prising them open to make space to build something better (June 13, 2022).

Данная лексема в структуре метафорических конструкций, транслируя отрицательную оценку, представляет собой многочисленные трудности, с которыми беженцы не могут справиться в принимающей стране.

Нами также были выявленные составляющие *roof* и *shelter*, которые дополняют метафорическое описание *контейнера*. Согласно лексикографическим источникам, *a roof – the covering that forms the top of a building, vehicle, or other object* [Cambridge, URL]; *the cover of a building* [Merriam-Webster, URL]; *a shelter – a building designed to give protection from bad weather, danger or attack* [Cambridge, URL]; *something that covers or affords protection* [Merriam-Webster, URL].

Рассмотрим подробнее переносное значение каждой из лексем: *a roof over your head – a place to live* [Cambridge, URL], [Merriam-Webster, URL]; *to give a shelter – to give someone a secret hiding place so that they will not be caught by the army, police, etc.* [Cambridge, URL].

Лексемы *roof* и *shelter*, которые служат основой метафорического переосмыслиния, могут встречаться в составе глагольных сочетаний: *to deserve a roof over their head, to give shelter to the most vulnerable children, to offer shelter*. Крыша над головой, укрытие всегда спасали человека, поэтому они концептуализируются положительно. Вполне естественно, что в данном контексте они рассматриваются как положительно маркированные:

Preciousness about who does, and who does not, deserve a roof over their head extends beyond race, to single mothers and unemployed families, but is always particularly virulent when the people involved are not white (July 15, 2016).

It has resisted efforts to allow child refugees to be reunited with families in the UK, and delayed attempts to give shelter to the most vulnerable children travelling alone (December 9, 2018).

При помощи данных метафорических конструкций, в которых основой для метафоризации служат положительно маркированные лексемы *roof* и *shelter*, авторы рассматриваемых статей конструируют положительный медиаобраз беженцев. Журналисты призывают власти Великобритании открыть границы и не мешать лицам, ищущим убежище, получить свой статус беженца.

Поскольку Великобритания рассматривается как контейнер, то к ней применима и *ориентационная* метафора. Исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что такого рода пространственные отношения возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром [Лакофф, Джонсон 2021: 33].

Анализ рассматриваемых британских медиатекстов позволил выявить метафоры, транслирующие ориентационную информацию. Рассмотрим примеры метафор, которые имеют бинарную структуру: «*into-out*» и «*forth-back*». Ориентационные метафоры придают концепту пространственную направленность, которая основана на нашем физическом и культурном опыте. Так, физической основой предлога *into* является указание на движения вовнутрь или в середину пространства или контейнера и задает ориентацию вовнутрь для общего позитивного состояния, как в случаях *to be into music; to come into house*.

На основе анализа материала нами были выявлены следующие высказывания с *into*, которые символизируют все хорошее для беженцев (интеграция и забота со стороны государства): *to help migrants integrate people into community; to gain entry into the country; to be taken into the care of local authorities; to transfer them (migrants) quickly into local authority care; to be welcomed into communities across the UK; to help get refugees into jobs commensurate with their experience; to integrate newcomers into our society; to accept lone child refugees into the UK* и др. (8 ед.)

But it happened on Thursday in the wake of David Cameron's concession that up to 3,000 refugee children from Syria will now be allowed into Britain (May 5, 2016).

And a year since RefuAid mobilised the business consortium of 200-plus large companies to help get refugees into jobs commensurate with their experience – and fast (February 24, 2023).

Так как они стремятся попасть в страну, все действия, вовлекающие их в процесс проникновения, рассматриваются как положительные для беженцев. Журналисты призывают открыть границы и не препятствовать въезду в страну. Помимо этого, необходимо интегрировать людей в общество: записать детей в садики и школы, а взрослых пристроить на работу. В результате формируется положительный медиаобраз беженца.

Физическая основа предлога *out* является указанием на движение за пределы какого-либо пространства или контейнера. Если предлог *into* – положительно маркированный, то естественно предположить, что предлог, связанный с противоположный действием, будет отрицательным.

На основе анализа материала нами были выявлены следующие высказывания с *out*, которые передают прогноз плохого будущего беженцев (изгнание, исключение, недопущение, запрет, изоляция): *to be bundled out of a county; to be rushed out of a country; to be taken out of the scope for legal aid; not trying to keep out genuine refugees; to sort out small boat crossings; a strategy built solely on keeping people out; to shut out low-skilled workers from entering the country; immigration was out of control; to shut out the world's most helpless children* (9 ед.).

When the Legal Aid Sentencing and Punishment of Offenders Act came into force, huge areas of immigration law were taken out of the scope for legal aid (May 27, 2017).

The nature of the process means people can be bundled out of the country when they have not yet exhausted all their avenues of appeal and without due process (March 8, 2021).

В рассматриваемых контекстах аналитиками описываются стратегии, основная цель которых – не впускать беженцев в страну, а тем, которым удалось пробраться в Британию, не оказывается положенная юридическая помощь, их высылают без надлежащей правовой процедуры.

Физическая основа предлога *forth* связана с движением вперед, дальше. При концептуализации положительного медиаобраза данный предлог может символизировать развитие, прогресс. На основе анализа нами были выявлены следующие случаи с *forth*, при помощи которых транслируется призыв к государственным структурам позволить беженцам жить на территории Великобритании: *to allow refugees to move forward with their lives; other boats were setting forth; let our fellow human beings have the opportunity to live and work in the open – that is the only way forward* и др. (3 ед.).

*Let our fellow human beings have the opportunity to live and work in the open – that is the only way **forward*** (October 30, 2019).

*Instead of chasing eye-catching headlines, the urgent focus should be on clearing the backlog and allowing refugees to move **forward** with their lives and contribute to our society* (March 5, 2023).

Чтобы выйти из сложной ситуации, связанной с большим наплывом беженцев, Британии необходимо сместить курс антимигрантской политики в сторону более толерантного отношения к людям, ищущим защиты, дать им спокойно жить и работать открыто на своей территории.

Физическая основа прелога *back* связана с движением назад. В процессе метафорического переосмыслиния данный предлог может символизировать застой, регресс.

На основе анализа рассматриваемых медиатекстов нами были выявлены немногочисленные случаи с *backwards*, при помощи которых акцентируется внимание на том, что Великобритания предпринимает все попытки для уменьшения количества беженцев на своей территории: *a huge step **backwards** in the long and controversial history of UK immigration policy; the pushback policy; to drive back the human tides* и др.

We were all thrilled with the result, but the defeat of the pushback policy does not signal the end of the government's assault on refugees, or the consequences for our members tasked with the implementing these policies (May 5, 2022).

The rulers of a declining, grotesquely unequal global north will claim legitimacy by promising to drive back the human tides (March 6, 2023).

Журналистами отмечается, что по количественному соотношению беженцев в богатых странах Европы, Великобритания относится к тем, которые приютили у себя наименьшее количество беженцев. Помимо этого, государственные структуры прикладывают огромные усилия, чтобы развернуть лодки в противоположную сторону. В результате формируется положительный медиаобраз беженца как жертвы, которую британское правительство, пытаясь уклониться от своих обязанностей, старается выдворить в другую страну, например, в Руанду.

В соответствии с проведенным выше анализом информационно-аналитических медиатекстов, рассмотрим корпус немецкоязычных статей по проблематике «Миграционный кризис» и выявленную на их основе разные культурные коды метафоризации медиаобраза беженца.

Соматический код

Соматическая лексика помогает создать представление о миропонимании человека, богатстве выразительных средств языка, эмоциональной и ментальной жизни народа той или иной страны. В соответствии с данными Е.М. Рахштейна и М.А. Пеклера, наиболее частыми по употреблению соматизмами в немецком языке являются лексемы *Hand, Kopf, Auge, Herz, Ohr, Fuß, Hals, Mund, Bein, Nase, Finger, Boden*. Такая активность использования перечисленных компонентов объясняется очевидностью репрезентации функций этих частей тела в любом языке [Пеклер 1967], [Райхштейн 1980].

В данной части научного исследования нами рассмотрены и проанализированы коннотативные оттенки наиболее часто используемых соматизмов в немецких информационно-аналитических статьях, посвященных миграционному кризису.

Среди метафорических конструкций, описывающих статус беженцев в Германии, можно выделить те, соматическим компонентом которых выступает *Angesicht*. Согласно лексикографическим источникам, *das Angesicht – durch Augen, Nase und Mund geprägte Vorderseite des menschlichen Kopfes vom Kinn bis zum Haarsatz* [Duden, URL]; *Vorderseite des Kopfes, Gesicht, Antlitz* [DWDS, URL]; *Anblick* [wissen.de, URL]. Исходя из определений, можно сделать вывод о нейтральной коннотации соматизма, который не имеет ни положительного, ни отрицательного оттенка. Однако в рассмотренных информационно-аналитических статьях лексема *Angesicht*, относящаяся к возвышенному пласту лексики, является контекстнозависимой и служит основой метафорического переосмысления, которая встречается в сочетаниях с существительными отрицательной семантики для обозначения нахождения в сложных условиях или критических обстоятельствах, которые требуют особых усилий, актуализируя негативную оценку: *im Angesicht des Chaos*; *im Angesicht einer humanitären Katastrophe*; *im Angesicht dieser Kalamitäten*; *im Angesicht der Flüchtlingsflut*; *im Angesicht des Ansturms Hunderttausende Flüchtlinge auf Deutschland* и др. Данная тенденция объясняется тем, что в 2015 году канцлер Германии Ангела Меркель официально заявила о своем решении открыть двери страны для беженцев, заявив, что они (жители Германии) с этим справятся (*Wir schaffen das!*). Однако в Германии неоднократно проводились митинги против беженцев под лозунгом, что жители Германии не в состоянии справится с таким большим наплывом беженцев (*Wir schaffen das nicht!*). После этого немецкими политиками была предпринята попытка внести поправку: не всех беженцев приглашают в Германию.

Die Fehler waren viele: keine erkennungsdienstlichen Kontrollen, falsche Papiere, zu lange Bearbeitungszeiten bei den Asylanträgen, zu geringe Ablehnungs- und Rückführungsquoten bei Wirtschaftsflüchtlingen, überhaupt Antworten und Ziele im Angesicht dieser Kalamitäten (Oktober 12, 2021).

Dass Deutschland im Kreise der Europäischen Union mit gutem Beispiel vorangeht und schutzbedürftige Menschen aufnimmt, ist ein notwendiger Schritt

und ein Gebot der Menschlichkeit im Angesicht einer humanitären Katastrophe (September 20, 2022).

В результате использования данных персонифицированных сочетаний конструируется отрицательный медиаобраз беженца, который представляет собой угрозу и ассоциируется с множеством проблем, хаосом, нерегулируемостью, а также отсутствием четкого плана быстрой его интеграции в немецкое общество.

Следующим соматизмом, участвующим в создании медиаобраза беженца, является лексема *Hand*, которая определяется в современных лексикографических источниках как *von Handwurzel, Mittelhand und fünf Fingern gebildeter unterster Teil des Armes bei Menschen und Affen, der die Funktionen des Haltens, Greifens usw. hat* [Duden, URL], [DWDS, URL]. Лексема служит основой метафорического переосмыслиния и встречается в составе следующих глагольных сочетаний: *in jemandes Hand liegen – in jemandes Macht sein; in jemandes Hand sein – in jemandes Gewalt sein* [Duden, URL].

Исходя из определений, можно сделать вывод об отрицательной оценочности данной единицы. В связи с миграционным кризисом развился новый бизнес – контрабанда людей. Контрабандисты выступают с различными предложениями: от места в резиновой лодке до билета на самолет и поддельных паспортов. Журналисты призывают правительство организовывать переезд беженцев в Германию, так как, несмотря на все разговоры о справедливом распределении беженцев в Европе, именно Германии приходится принимать на себя основной удар: *alle von ihnen in den Händen von Menschenschmugglern landeten; die Hände sich reiben; in den Händen von Schleppern und Helfershelfern liegen; Flüchtlingslager quasi in der Hand der Islamisten sind* и др. (4 ед.).

Es ist eine Illusion zu glauben, man könnte der neuen Migrationsströme Herr werden, ohne sie die Hände schmutzig zu machen (Februar 5, 2017).

Aus manchen Flüchtlingslagern ist zu hören, dass sie quasi in der Hand der Islamisten sind und die das Gesetz machen (Dezember 23, 2021).

В рассматриваемых контекстах медиаобраз беженца многослойен: с одной стороны, беженцы являются жертвами, так как они брезвильны, находятся в руках контрабандистов, переправляющих их в Германию, а с другой стороны, лагеря для беженцев находятся во власти самих беженцев, которые вводят свой порядок и свои законы на территории лагеря. Журналистами также отмечается, что поведение беженцев представляет собой случаи морального шантажа: мало внимания, еды, денег, недостаточно хорошие условия для жилья.

Среди метафорических конструкций, описывающих ситуацию, связанную с миграционным кризисом, можно выделить те, соматическим компонентом которых выступает лексема *das Auge*. В современном лексикографическом источнике лексема *das Auge* трактуется как *Sehorgan des Menschen und vieler Tiere* [DWDS, URL].

Лексема *das Auge* является основой метафорического переосмыслиния и встречается в составе глагольных сочетаний. По данным лексикографического источника *die Augen verschließen – etwas nicht zur Kenntnis nehmen, nicht wahrhaben wollen; etwas ins Auge fassen – sich etwas vornehmen; unter jmds. Augen – in jmds. Anwesenheit* [Duden, URL].

Исходя из определений, можно сделать вывод об отрицательной оценочности данной единицы. В рассматриваемых немецких статьях предстоют живые свидетели того хаоса, который разворачивается на их глазах: *die Auge verschließen vor den Problem, die sie (Flüchtlinge) mitbringen; die große neue Weltunordnung stattfindet unter unseren Augen; die hässlichen Seiten der Einwanderungsgesellschaft ins Auge fassen; vor den Augen der Welt versagen; das Trauerspiel der Flüchtlingspolitik deutlich ins Auge fallen; die Eltern der Kinder, die jeden Tag aus großen traurigen Augen hilfesuchend ansehen* и др. (6 ед.)

Lange haben sie sich geweigert, die hässlichen Seiten der Einwanderungsgesellschaft ins Auge zu fassen (Die Welt, Januar 19, 2016).

Wir dürfen vor den Problemen nicht die Augen verschließen, sie nicht negieren (Die Welt, Dezember 23, 2022).

Журналисты напоминают, что беженец сам по себе не является благородным человеком и что иммиграция многих неженатых мусульман не обязательно обогащает общество. Выступая за ограничение въезда, журналисты говорят о существующем наивно-гуманном подходе к проблеме беженцев, за которым скрывается глупость. В такой стране, как Германия, которая имеет большой и не только положительный, опыт работы с иммигрантами, граждане больше не должны позволить себе такую наивность. Журналисты опасаются, что приток большого числа мусульман может дать толчок антисемитизму в Германии.

Природный код

В рассматриваемых статьях по проблематике «Миграционный кризис» встречаются метафорические конструкции, в которых сферой-источником служит водная стихия. Представление о стихии универсальное, и также, как и в английском, в немецком языке водная стихия воспринимается как негативное явление, приносящее человеку бедствие, что вполне естественно отражается и в немецком медиапространстве.

Лексемы *der Andrang, der Strom, der Ansturm, der Zustrom, die Flut, der Zug, die Welle*, служащие основой метафорического переосмыслиния, в своем толковании содержат указание на характер и отношение человека к метафоризуемым понятиям: *der Strom – in größeren Mengen fließende* [Duden, URL]; *die Welle – etwas, was in großem Ausmaß in mehr oder weniger dichter Folge in Erscheinung tritt* [Duden, URL]; *der Ansturm – stürmisches Andrängen* [Duden, URL]; *die Flut – eine plötzlich auftretende unerwartete große Menge von etwas* [Duden, URL].

Во всех определениях встречается компонент, который описывает масштабность, частотность и внезапность события, которые активно используются авторами рассматриваемых статей для описания процесса прибытия беженцев в Германию. В других случаях наблюдается аналогичная картина:

der Andrang: der Andrang von Flüchtlingen.

der Strom: der anhaltende Flüchtlingsstrom soll wirksam eingedämmt werden; der Flüchtlingsstrom den Kontinent konnte tiefgreifend verändern; den Flüchtlingszustrom (den Zustrom) unterbinden; die Bewältigung des Flüchtlingsstroms; die Migrationströme nehmen nun wieder deutlich zu; die neuen Migrationsströme; die Flüchtlinge strömen nach Deutschland; Flüchtlingsströme vermischen sich; der Zustrom der Flüchtlinge; die Flüchtlingsströme verkleinern.

Der Ansturm: der Ansturm an Migranten.

Die Flut: die Flüchtlingsflut kein Argument sein; Migranten «überfluten» die bisher angeblich homogene Gesellschaft.

Der Zuzug: der Zuzug von sehr vielen Muslimen (Flüchtlingen); der anhaltende Zuzug von Schutzsuchenden.

Die Welle: die größte Flüchtlingswelle erleben.

В рассматриваемых примерах (17 ед.) актуализируется негативная оценка, передающая обеспокоенность граждан Германии, испытывающих тревогу и бессилие перед лицом большого потока беженцев (особенно мусульман), который к тому же постоянно увеличивается. Журналисты отмечают необходимость сокращения числа беженцев:

Die Grenzen lassen sich tatsächlich nicht gänzlich abschotten, allerdings kann man für ein gewisses Maß an Abschreckung sorgen, um die Flüchtlingsströme zu verkleinern, zu kanalieren und die geringere Zahl der Ankommenden vernünftig zu integrieren, ohne die nicht abwegige Angst vor Überfremdung anzufachen (Oktober 19, 2015).

Aber der Ruf, es müsse Schluss sein mit dem Zustrom von Asylbewerbern, war viel lauter zu vernehmen als der Ruf, es müsse Schluss sein mit der xenophoben Raserei (Januar 30, 2022).

Журналистами отмечается, что продолжающийся приток беженцев вызывает серьезные инфраструктурные проблемы. Большой наплыв беженцев сильно изменит Германию: в ее культуре, составе, а также курсе внешней политики развития. В результате в сознании читательской аудитории формируется отрицательный медиаобраз наплыва беженцев как стихийного бедствия.

Артефактный код в исследуемых медиатекстах реализуется за счет архитектурной метафоры. В статьях по проблематике «Миграционный кризис» встречаются метафорические конструкции, в которых сферой-источником служит дом (*die Heimat*). Согласно лексикографическим источникам, *die Heimat* определяется как *der Ort, das Land, wo man geboren, wo man zu Hause ist, das Vaterland* [DWDS, URL].

В процессе метафорического переноса как *enge Verbundenheit gegenüber einer bestimmten Gegend* [Duden, URL], лексема *die Heimat* приобретает положительную оценочность, так как указывает на близость и взаимосвязь в духовном плане: *die Ankunft in fremder, kalter Heimat; sich Einwanderer vergleichsweise schnell an das generative Verhalten ihrer neuen Heimat anpassen; die Einwanderer gaben sich oft genug ebenfalls keine Mühe, ihre neue Heimat zu verstehen* и др. (3 ед.).

Wie umgekehrt die Einwanderer sich oft genug ebenfalls keine Mühe gaben, ihre neue Heimat zu verstehen, die Sprache des Landes zu lernen und sich der politischen Kultur Deutschlands anzuverwandeln.

*Manche reden gar von einer neuen „Flüchtlingsarchitektur“, die jetzt kreiert werden müsse. Das wird auch Thema des deutschen Beitrags für die 15. Architekturbiennale in Venedig im Sommer dieses Jahres – Arbeitstitel: „**Making Heimat**“.*

В рассматриваемых немецких медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис» встречаются метафорические конструкции, в которых Германия в сознании носителей немецкого языка уподобляется контейнеру и, в частности, с такой его составляющей, как дверь (*die Tür*). Согласно лексикографическому источнику, лексема *die Tür* определяется как *eine meist rechteckige Öffnung in einer vertikalen Fläche und der zum Verschließen dieser Öffnung bestimmte flächenförmige Bauteil, der an ihr beweglich angebracht ist, oder nur dieser Bauteil* [DWDS, URL].

В результате метафорического переноса лексема *die Tür* транслирует значение *доступ*, которое применительно к данным медиатекстам понимается как доступ к безопасности и лучшей жизни в новой стране, в данном слу-

чае, Германии. Однако германское общество разделено на два лагеря: к первому лагерю относятся те, которые поддерживают политику тогдашнего канцлера Германии Ангелы Меркель – политику «открытых дверей» (границ): *die Türen vor (für) Menschen öffnen*.

Ich habe für Angela Merkel die allergrößte Bewunderung und für ihre visionäre und mutige Entscheidung, Deutschlands Türen zu öffnen für Menschen, die vor Verfolgung, Armut und Konflikten von Westafrika bis zum Golf von Bengalen und vor allem vor dem Krieg in Syrien fliehen (Februar 26, 2016).

Auch unabhängig vom Branchenverband öffnen bundesweit immer mehr Hotels ihre Türen für Geflüchtete (Мärz 10, 2022).

В представленном фрагменте открытые двери олицетворяют гостеприимство жителей Германии и их желание успешно интегрировать беженцев в свое сообщество. В результате формируется положительный медиаобраз беженца, который проходит через двери, стремясь к новой жизни, свободной от преследований, пыток, насилия и войны.

Во втором лагере находятся те, кто критикуют данный политический курс. К последним относится политическое движение *PEGIDA* (европейские патриоты против исламизации Запада), зародившееся в Дрездене в 2015 году. Среди аналитиков качественного немецкого издания *Die Welt* есть противники данного движения, которые обвиняют его участников в ксенофобии и расистских лозунгах, акцентируя внимания на том, что свобода процветает в мире открытых дверей: *vor der Tür bleiben (liegen); hinter verschlossenen Türen*.

Wenn jeder siedelt, wo er will, geht der Reiz der ganzen Sache flöten. Auch für uns hätten „geordnete Ansiedlungen“ einen Vorteil. Wir könnten auf teure Fernreisen verzichten. Afrika läge vor unserer Tür (Juni 7, 2015).

В данном случае дверь ассоциируется с трудностями, с которыми беженцы сталкиваются при попытке найти путь к безопасности и убежищу в новой стране. В результате выстраивается положительный медиаобраз беженца, которому приходится сталкиваться или преодолевать барьеры для интеграции в новое общество без какой-либо поддержки.

Согласно определению, данному Дж. Лакоффом, схема *контейнер* состоит из границы, отделяющей внутреннее от внешнего [Lakoff 1987: 271]. В связи с данной схемой Германию можно рассматривать как контейнер, у которого есть границы, которые могут открываться и закрываться.

Журналисты, поддерживающие решение Ангелы Меркель, акцентируют внимание на том, что свобода процветает в мире открытых границ: *die Grenzen für Flüchtlinge öffnen; die Politik offener Grenzen; etwa 3000 „Schutzsuchende“ kommen jeden Tag über die offenen Grenzen nach Deutschland; die Welt offener Grenzen; maßvoll offene Grenzen; an dem Kurs der offenen Grenzen fest-halten* и др. (6 ед.)

Da der Zustrom der Flüchtlinge nachgelassen hat und nur noch etwa 3000 „Schutzsuchende“ jeden Tag über die offenen Grenzen nach Deutschland kommen, ist das Thema ein wenig in den Hintergrund gerückt (Dezember 26, 2015).

Schön wieder öffnet Deutschland seine Grenzen und nimmt 10.000 besonderes schutzbedürftige Flüchtlinge vor allem aus Libyen, Ägypten, Niger, Sudan, Tschad und Äthiopien auf (April 19, 2018).

В результате формируется положительный медиаобраз беженца, для которого открыты границы Германии.

Однако ряд журналистов подчеркивает, что уровень преступности в Германии значительно возрос с прибытием большого количества беженцев:

Denn die Anschläge wären ohne Deutschlands Politik der offenen Grenzen nicht möglich gewesen (September 8, 2021).

Aber in Deutschland taten Merkel, ihre Getreuen und die medialen Hilfs-truppen alles, um jeden Zusammenhang zwischen den offenen Grenzen und den Anschlägen zu verneinen (Oktober 17, 2021).

Heute ist die Öffnung der Grenzen die Ursache der Kalamität (Dezember 20, 2021).

В результате конструируется отрицательный медиаобраз беженца как преступника, агрессора, катастрофы, который наносит вред немецкому народу.

С 2023 года многими журналистами также отмечается, что Германия закрывает свои границы с Польшей, Чехией и Швейцарией, так как политика по интеграции мигрантов не сработала. Этот шаг обоснован ограничением нелегальной миграции и усилением борьбы с незаконным ввозом мигрантов на территорию Германии: *das Pappschwert der Grenzschließungen; Deutschland sollte seine Grenzen schließen; die Grenzen müssen geschlossen werden; mit der Grenzschließung kann das Problem überschaubar gemacht werden; eine Welt mit geschlossenen Grenzen ist ein Gefängnis* и др. (5 ед.)

*Deutschland sollte seine **Grenzen schließen** und an alle muslimischen Länder der Welt appellieren, Flüchtlinge aufzunehmen* (Januar 10, 2023).

*Mit der **Grenzschließung** und dem Verzicht auf Abschiebungen **könnte das Problem überschaubar gemacht werden*** (Februar 15, 2023).

В результате формируется отрицательный медиаобраз беженца как проблемы.

Нами также были выявлены единичные случаи метафоры с ключевой лексемой *das Dach*, которая дополняет метафорическое описание Германии как контейнера: *ein Dach über den Kopf verschaffen; ein Dach über dem Kopf bieten*.

*Derzeit tun Berlins Lokalpolitiker alles, um Flüchtlingen **ein Dach über den Kopf zu verschaffen*** (Die Welt, September 20, 2015).

*Viele Architekten machen sich Gedanken, wie man den Neuankömmlingen schnell und billig, aber dennoch menschenwürdig, **ein Dach über dem Kopf bieten kann**, mit Behelfsbauten oder Containern* (Die Welt, März 1, 2016).

В рассматриваемых фрагментах положительный медиаобраз беженца выстраивается опосредованно: фокус внимания на местных политиках и архитекторах, которые прикладывают все усилия для обеспечения беженцев жильем на территории Германии, тем самым показывая свою обеспокоенность, заботу в отношении беженцев.

Поскольку Германия рассматривается как контейнер, к ней применима *ориентационная метафора*, которая характеризуются наличием противоположных пространственных отношений. Как правило, положительные

понятия (любовь, здоровье, радость, счастье) ценностно ориентированы наверх. Отрицательные (грусть, печаль, болезнь, тоска) – ориентированы вниз. Основанием для образования таких метафор, по мнению исследователей, служит наш физический и культурный опыт.

Анализ рассматриваемой выборки позволил выявить случаи ориентационной метафоры, которая имеют следующую бинарную структуру: «*in – aus*». Физической основой предлога *in* является указание на движения вовнутрь или в середину пространства или контейнера.

На основе анализа материала нами были выявлены следующие высказывания с *in*, которые символизируют сложности, связанные с интеграцией беженцев в немецкое общество: *das Leben der Migranten in Gefahr bringen; schwer einen Weg ins westliche Werte- und Wirtschaftssystem finden; ihre nationale und kulturelle Identität radikal ändern müssen, um in den Club aufgenommen zu werden; die Integration von Flüchtlingen und Asylsuchenden in den deutschen Arbeitsmarkt* и др.

Die Integration von Flüchtlingen und Asylsuchenden in den deutschen Arbeitsmarkt kommt einer neuen Studie zufolge gut voran (September 22, 2020).

Und unbestritten gibt es ja auch Probleme mit vielen Flüchtlingen, die nur schwer einen Weg ins westliche Werte- und Wirtschaftssystem finden (September 11, 2023).

Аналитики опасаются демаркации немецкого общества от других, различия между иностранцами и местными, что может способствовать появлению антимиграционного настроения. Жители Германии смирились с фактической иммиграцией, но долгое время не учитывали, что их страна в результате тоже изменится и станет более разнообразной, со всеми преимуществами и недостатками. Прибытие миллионов людей из принципиально разных социальных систем, вероятно, является самой большой проблемой, стоящей перед Германией.

На основе анализа рассматриваемых медиатекстов нами были выявлены немногочисленные случаи с *aus*, при помощи которых акцентируется внимание на том, что Германия не готова принять и интегрировать нескончаемые мигра-

ционные потоки в свое общество. В рассматриваемых медиатекстах *aus* может быть и предлогом (*aus Angst um ihre Sicherheit; aus Deutschland vertriebene Flüchtlinge; ein Gemisch aus Gesinnungsethik und Angst vor dem eigenen Mut*), и приставкой (*Konflikte austragen; der Ausbruch der Flüchtlingskrise*):

Ähnlich lässt sich die Politik der gegenwärtigen Regierung beschreiben: ein Gemisch aus Gesinnungsethik und Angst vor dem eigenen Mut, ein bockiges „Wir schaffen das“ (Januar 21, 2016).

So bleibt es bei dem Phrasenschwall und dem hilflosen Blick auf den wackeren Josef Schuster, der sich nun sogar genötigt sieht, alle frommen Juden dazu aufzurufen, ihre Kopfbedeckung nur zu Hause oder in der Synagoge zu tragen – aus Angst um ihre Sicherheit (April 24, 2021).

В рассматриваемых статьях акцентируется внимание на еврейских студентах со стороны одноклассников-мусульман, и ничего не было сделано властями, чтобы систематически предотвращать такие нападения. Во многих мечетях до сих пор разрешено проповедовать антидемократическое мышление.

Сравнение

Наряду с метафорой, для создания образа беженца и его оценочной категоризации нами выявлены случаи образного сравнения. Н.Д. Арутюнова характеризует метафору через сравнение, где метафора позволяет сравнивать несопоставимое – элементы разной природы – конкретное и абстрактное, время и пространство. Различие между двумя тропами можно увидеть в следующем – метафора сокращает речь, сравнение ее распространяет [Арутюнова 1998: 354–367].

Не существует единого мнения по поводу структуры сравнения. Ряд ученых, рассматривающих вопрос структуры сравнения, с одной стороны, предлагают трехэлементную структуру, а с другой – говорят о четырех элементах.

Представители первого подхода указывают на три основных компонента, давая им разные наименования. Первый компонент квалифицируется как субъект сравнения (детерминируемый член, позитивный компонент), то есть то, что сравнивается. Второй компонент именуется как объект сравнения (квалифика-

тор, компаративный компонент). Третий компонент – это основание сравнения, модуль сравнения [Черемисина 1976, Паршукова 2018, Нухов 2022].

Некоторые исследователи, например И.Р.Гальперин [1958], В.М. Огольцов [1978], В.Н. Телия [1988], И.В. Арнольд [2012], О.В. Уарова [2014] к трем названным компонентам сравнительной ситуации добавляют четвертый элемент: компаративный формант.

Впервые четко и последовательно описывает логическую структуру языкового сравнения В.М. Огольцов. Исследователь подчеркивает, что модель образного сравнения имеет следующий вид: А – С – f – В, где А – референт сравнений (то, что сравнивается), В – агент сравнения (то, с чем сравнивается), С – основание (признак), f – связка подобия [Огольцов 1978: 95],

В зависимости от агента сравнения данное стилистическое средство подразделяется на три типа:

1. Сравнение, в котором семантический уровень агента ниже, чем референта. Такой тип способствует деградации качеств описываемого объекта и носит сатирический, иронический или шутливый характер.

2. Сравнение, в котором семантический уровень агента выше, чем референта. Такой тип способствует элевации качеств описываемого объекта и транслирует положительное отношение автора.

3. Сравнение, в котором семантические уровни агента и референта примерно равны. Такой тип сравнения используется в тех случаях, когда автор хочет подчеркнуть объективность описания [Гак, Телия 1988: 85].

Известно, что если рассматривать сравнение с формальной точки зрения, т.е. как предложения, в которых что-либо с чем-то сравнивается при помощи стандартных связок, то сравнение несет в себе, как правило, конкретную информацию без стилистической или эмоциональной нагрузки [Ковалевская 2009: 85], но в газетных статьях оно, главным образом, используется авторами для более наглядного и детального описания той или иной ситуации, а также для выделения в данной ситуации какой-то специфической индивидуальной особенности, которую автор намеренно усиливает за счёт об-

разного сравнения. Иногда сравнения носят гротескный характер, тем самым усиливая субъективную позицию и оценку автора.

Сравнение в информационно-аналитических медитекстах может выполнять и пояснительную функцию, придавая мысли определенную образную форму текста, воздействующую на восприятие, закладывает определенный стереотип в оценке событий.

Исследователи Д.У. Ашурова [1970], И.З. Искандерова [1982], М.М. Паршукова [2018], С.Ж. Нухов [2022] подразделяют сравнение на следующие группы: логические, которые выражают только логическую информацию, сообщающие факты объективной реальности, и образные, содержащие субъективную интерпретацию объективных навыков. По степени устойчивости образные сравнения подразделяются на традиционные и окказиональные, и те, и другие, в свою очередь, могут быть реальными и гипотетическими.

В данном научном исследовании мы придерживаемся подхода Д.Н. Фельдман, представляющего собой результат анализа и систематизации многочисленных классификаций, не исключая при этом возможность отнесения отдельного сравнения одновременно к различным группам:

1. По авторству: *традиционные* и *индивидуальные*. Традиционные сравнения придают большую эмоциональную выразительность, которая исходит со стороны автора. В отличие от индивидуальных, традиционные сравнения входят как устойчивые словосочетания в словарный состав языка.

2. По объему: *краткие, расширенные и развернутые*.

3. По логическим отношениям между сопоставляемыми в сравнении понятиями выделяются *настоящие* и *мнимые* сравнения. К мнимым сравнениям относятся те, при которых одно и то же понятие в одной и той же ситуации сопоставляется само с собой, что является довольно редким явлением в языке. Вся основная масса сравнений относится к настоящим, где сходство соблюдается по одному признаку.

4. По основной функции различаются *объективные* и *субъективные* сравнения. Объективное сравнение служит для передачи объективной оценки

реально существующих фактов. Основной функцией субъективного сравнения является эмоциональное воздействия на адресата.

5. По наличию или отсутвию базы сравнения в теме выделяются *положительные* или *отрицательные* сравнения [Фельдман 1968: 25].

Основная масса образных сравнений, выявленных в ходе анализа эмпирического материала, может быть охарактеризована как индивидуальные сравнения. Отсутствие традиционных сравнений объясняется тем, что автор стремится изложить свое оценочное отношение к ситуации, проявляя при этом свое видение ситуации. В свою очередь индивидуальный характер данных стилистических конструкций определяет их объем. Названные выше характеристики сравнения не исключают возможность распределения их по онтологическим категориям предметности, признаковости и процессуальности. В языке это находит отражение в виде семантических типов сравнений, когда в качестве сравниваемых выступают одушевленные и неодушевленные объекты действительности.

С опорой на предложенные выше группы сравнения нами были проанализированы данные эмпирического материала британского медиадискурса. Анализ информационно-аналитических медиатекстов, посвященных миграционному кризису, позволил выявить случаи сравнения, участвующие в конструировании исключительно отрицательного медиаобраза беженца, где семантический уровень агента ниже, чем референта:

Yet David Cameron, was just one politician to use inflammatory, dehumanizing language, describing migrants coming to Britain as a «swarm» (August 3, 2016).

Are we a nation that would stoop to treating the vulnerable human beings we would purport to help as livestock, to be collated and verified by their individual body parts? (October 19, 2016).

I felt sad and as if I (refugee) was not being treated like a human being (October 25, 2017).

The illusion our politicians perpetuate, or buy into, is that migration can be switched on and off like a tap, according to the wishes of voters or the demands of the economy (October 23, 2019).

В приведенных выше примерах в качестве референта сравнения выступают как сами беженцы (*the vulnerable human beings, destitute people, the people, these children, migrants, immigrants, victims*), так и миграционный процесс (*migration*). Семантический уровень агента ниже, чем референт сравнения, так как беженцев сравнивают с животными (*animals, livestock, swarm*), предметами (*tokens in the trade talks; a tap; to be kicked around a suburban street like a deflated football; dud units of economic drag*), а миграционный процесс с театром (*a farce; a tragedy in the making; theatre or film-making*), игрой (*a gargantuan game of musical chairs*), тюрьмой (*a prison, just without walls*), чистилищем (*limbo*), где они не могут принять никакого решения относительно своего будущего.

В некоторых случаях имеет место сдвиг манипулятивного эффекта в противоположную сторону: *But the people (refugees) who have settled in the UK – just like Britons who have moved to continental Europe – should not be treated as tokens in the trade talks over future relations between the United Kingdom and the EU* (July 4, 2016).

Should we be herding destitute people like animals? (March 10, 2017).

Как мы видим, использование отрицательного медиаобраза в риторических вопросах, конструкциях с сослагательным и условным наклонениями, предложениях с определенной модальностью способствует созданию противоположного манипулятивного эффекта.

При анализе немецких информационно-аналитических медиатекстов, посвященных проблематике «Миграционный кризис», мы придерживаемся той же схемы, что при анализе британских газетных статей.

В немецкой лингвистике исследованием функционально-стилистических особенностей, вопросов типологизации и структуры, pragматического потенциала, когнитивных механизмов образного сравнения занимались В.Е. Куленко [1976], И.З. Искандерова [1982], Н.С. Федосеева [1997], Е.А. Левина [2006], С.В. Постникова [2009, 2013], Г.Л. Денисова [2013], А.В. Смирнова [2016] и др.

Исследователь Е.А. Левина выделяет лексические средства, при помощи которых осуществляется актуализация образного сравнения, и распределяет их в следующие группы:

1. Союзы: *wie, als, als ob, je-desto, ie-um so, je-je, denn*
2. Имена прилагательные: *ähnlich, gleich, identisch, seidig, gleibach, verschieden, barisch, mädchenhaft, furstlich*.
3. Родственные или производные от имен прилагательных глаголы: *ähneln, entsprechen, gleichen, gleichsetzen, identifizieren, vergleichen, differenzieren, verkrümeln, tropfen*.
4. Наречия: *gleichsam, anders* [Левина 2006].

Анализ фактологического материала позволил выявить только отрицательные случаи сравнения, участвующие в конструировании медиаобраза беженца, где семантический уровень агента ниже, чем референта:

Flüchtlingsströme lassen sich ebenso wenig umleiten wie Flüsse zur Zeit der Schneeschmelze (September 2, 2015).

Unbemerkt von der Mehrheit der Deutsche, die nur auf die Flüchtlingsströme starren wie das Kaninchen auf die Schlange, hat sich ein neues Business entwickelt: der Schlepper (März 20, 2016).

Das Innenministerium behandle Geflüchtete wie eine ansteckende Krankheit, die man sich vom Hals halten wolle (November 6, 2022).

В приведенных выше примерах в качестве референта сравнения выступают как сами беженцы (*Geflüchtete, Flüchtlingsströme, die heute Fliehenden*), так и миграционный процесс (*die neue Einwanderung, der Flüchtlingsbewegung*). Семантический уровень агента ниже, чем референта сравнения, так как беженцев сравнивают с животными (*wie das Kaninchen auf die Schlange*), болезнью (*eine ansteckende Krankheit*), явлением природы (*wie Flüsse zur Zeit der Schneeschmelze*), а миграционный процесс с преступным миром (*ein kriminelles Netz, eine Unterwelt, die weltweite Drogenmafia*).

В отличие от английского языка, в немецких информационно-аналитических медиатекстах по изучаемой проблематике не наблюдается сдвиг манипулятивного эффекта в противоположную сторону.

Антитеза

К стилистическим средствам, которые точно и наглядно описывают положение беженцев в Англии и Германии, относится и антитеза. Исследованием стилистического потенциала антитезы, ее признаков, типологии, моделей, функциональной нагрузки, языковых способов репрезентации, дискурсивных параметров, семантических и структурных аспектов и национально-культурных особенностей занимались такие исследователи, как И.В. Арнольд [2002], Е.Б. Плаксина [2007], Е.В. Фурсова [2008], Л.А. Корнилова [2008, 2011], О.В. Морозова [2015], Э.С. Михальцова [2016] и др.

Согласно И.В. Арнольд, антитеза – стилистическая фигура, которая усиливает выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий [Арнольд 2002: 51].

С формальной точки зрения, антитеза представляет собой противопоставление на лексическом и грамматическом уровнях. И.М. Наер выделяет *логическую* (logische Antithese) и *сомнительную* антитезу (schiefe/ falsche Antithese). К *логической* относятся лексическая и грамматическая антитезы. Лексическая антитеза базируется на общеязыковых или контекстуальных антонимах, в то время как *грамматическая* – построена на оппозиции сем двух или более словоформ. *Логическая* антитеза встречается довольно часто в информационно-аналитических медиатекстах в противоположность *сомнительной*, которую автор определяет как фигуру, при которой между противопоставляемыми понятиями отсутствует общий элемент. Использование подобной антитезы типично для юмористических или сатирических произведений [Наер 2006: 189–190].

В рамках антитезы могут быть рассмотрены в том числе и случаи противопоставления нейтральных, на первый взгляд, лексем. Они приобретают антагонистический характер в пределах категории «свой – чужой». Данная оппозиция может оказывать сильное эмоциональное воздействие на адресата и влиять на его социальные представления, формируя, таким образом, необходимое адресанту восприятие сообщения [Морозова 2015: 34].

Оппозиция *свой – чужой* проявляется себя во многих отношениях: кровнородственных (свой – чужой род, семья, клан), этнических (свое – чужое племя, народ, нация), языковых (свой/родной – чужой/иностранный язык, говор, диалект), конфессиональных (своя – чужая вера, религия), социальных (свое – чужое сословие, коллектив, сообщество) и т.д. Каждый человек, находясь в каком-либо обществе, всегда пытается причислить себя к группе *своих и чужих*. С одной стороны, это выглядит как объединение, тождественность, общность, а с другой, – отделение, противопоставление, конфронтация [Кригер 2020: 125–126].

В рассматриваемых медиатекстах оппозиция *свой – чужой* является одной из базовых категорий. Наиболее ярко это проявляется в следующих контекстах: возбуждение розни между беженцами и гражданами Великобритании и Германии (социальной, расовой, национальной, религиозной), пропаганда исключительности, превосходства британцев и немцев или неполнценности беженцев по признаку его принадлежности к определенной расе, национальности или его отношения к религии и призывы, провоцирующую рознь.

В английском языке рассматриваемая антитеза реализуется за счет пар типа *some – others; one of them – another; on one side – on the other side; we – they*; в немецком – *einerseits – andererseits; das Eine – das Andere; eine Sache – eine andere; manche – andere; wir – sie*, выполняющих функцию объединения и отчуждения. Необходимо также отметить, что за счет грамматической категории множественности местоимения эксплицируют признаки многочисленности и единства. В рассматриваемых контекстах местоимения *we/wir* служат для номинации граждан Великобритании и Германии, а местоимения *they/sie* служат для номинации беженцев. Семантика дистанцирования, реализованная при объективации дихотомии *свой/чужой*, реализуется при характеристике миграционного кризиса. При этом сохраняется негативная коннотация образа чужого, обусловленная лингвокультурой и закрепленная в лексикографических источниках. *Свой* определяется по национальной, территориальной, религиозной и культурной принадлежности.

Например: *Some of us came to this country from other countries of birth; others, such as me, have families that have been British for many generations* (September 12, 2016).

Some have attempted suicide, others are back again jumping lorries in the dark to try to get to Britain (February 9, 2017).

Many want to reach Britain as their final destination – some because they have family there; while others have fought with the British army in Afghanistan (March 3, 2017).

Since they (refugees) are not allowed to work, most barely survive. If at the end of six months their claim has still not been heard, they can apply to work but only in specially designated jobs (May 17, 2017).

A large number will stay in central and eastern Europe: some will be able to lodge with relatives, others will be dependent on the kindness of strangers (February 28, 2022).

Willkommensfeste zu organisieren und Kleiderspenden zu verteilen ist eine Sache, auf die Dauer Verantwortung zu übernehmen eine andere (September 2, 2015).

Einerseits sollen sie besser integriert, andererseits schneller abgeschoben werden (Februar 13, 2016).

Dass er für real gehalten wird, liegt einfach daran, dass wir dazu neigen, schwierige Problemlagen einerseits drastisch zu vereinfachen und andererseits kräftig zu dramatisieren (Januar 17, 2017).

В медиатекстах авторы используют антитезу для информирования читателя о существовании дилемм: выбора и вариативности поведенческой реакции человека, мотивированных национальным своеобразием культуры ее носителей. Антитеза служит для выражения наглядности и логической последовательности. С помощью антитезы автор задает тон повествованию, превращая его в спор, противостояние, сопротивление, противопоставление и даже выбор [Михальцова 2016: 104–105].

С данной классификацией коррелирует деление антитезы исследователя Л.А. Корниловой по внешней (грамматическая антитеза) и внутренней

(лексическая антитеза) структуре. Так, по внутренней структуре, предполагающей семантико-морфологический анализ противоположных пар, антитеза бывает однокорневой (словообразовательной), разнокорневой (лексической) и безморфемной (смысловой).

По внешней структуре, которая связана с грамматическим представлением, антитеза может быть подразделена на три группы: с одной парой противопоставления слов, двумя парами, тремя парами [Корнилова 2008: 260–261].

They (migrants) may, or may not have made peer relationships that have substituted for family relationships (October 21, 2016).

Alles mag stimmen (oder auch nicht), und auch die Entwicklungshilfe darf verzehnfacht werden (Februar 14, 2017).

Данный тип антитезы не рассматривается в рамках нашего исследования, поскольку она практически не встречается в информационно-аналитических медиатекстах, в противоположность лексической антитезе, на которой мы остановимся подробно.

Основным средством выражения противоположности однокорневой антитезы являются образования с приставками: *in-*, *dis-*, *mis-*. Т.Г. Бочина считает, что однокорневые антитезы обладают меньшей экспрессивностью и выразительностью по сравнению с разнокорневыми, образуя неострый контраст [Бочина 1992: 7–8]. Л.А. Корнилова, в свою очередь, подчеркивает, что слабость в определенных контекстах становится силой однокорневой антитезы. Повторяемость слов в обеих частях фигуры противопоставления делает антитезу более доходчивой для восприятия и, образуя определенное аллитерационное и смысловое нагнетание, усиливает выразительность контраста и благоприятно влияет на необходимое впечатление [Корнилова 2008: 261], являясь качественно-количественным повтором, создавая смысловые и стилистические ритмы.

В проанализированных английских информационно-аналитических статьях по изучаемой проблематике выявлены единичные случаи однокорневой антитезы: *deserving – undeserving; protagonist – antagonist; deserves – deserves not*.

Key protagonists such as Ukip, who promoted and played on fears of migration, including the infamous poster, are also antagonistic toward renewable energy and action on climate change (August 3, 2016).

К разнокорневой антитезе относятся прямо противоположные слова, имеющие различные корни. Она более колоритна, разнообразна, эффективна и эффективна, что придает всему высказыванию эффект новизны, создаваемый нетрадиционностью оппозиций, обеспечивает особую выразительность антитезы [Бочина 1992: 9].

В информационно-аналитических медиатекстах по изучаемой проблематике нами были выявлены случаи антитезы, реализованные посредством антонимов. Для привлечения внимания и формирования оценки преимущественно употребляются **узуальные** лексемы, которые продолжают оставаться антонимами и вне текста:

to block – to open; to shout – to be silent; to seem – to become; to survive – to thrive; to reduce (numbers) – to rise (numbers); to arrive (about migrants) – to leave (about migrants); to go up – to go down;

a naive, optimistic – cynical; tolerable – unacceptable; at best – at worst; sad (times) – happy (times); good migrants – bad migrants; simple – complex; open – closed;

similarities – differences; rise – fall; the present – the past;

back – forth; before «migration» – after «migration»;

sooner – later; и др. (20 ед.).

Например: ***To block the refugees would fail – but to open Europe's door without limit is reckless*** (November 2, 2015).

В рассматриваемом предложении актуализация двойственной оценки осуществляется как за счет самой антонимичной пары *to block – to open*, так и за счет ее окружения (*fail, reckless*). Антитезность данного отрывка акцентирует внимание на важности постепенной миграции, которая пополняет британское общество. Принятие единовременного притока беженцев – это сострадание. Утверждение, что двери Великобритании открыты для мигрантов и беженцев

без ограничений, – это безрассудство, а не сострадание. Ни одно общество с высоким доходом не может распахнуть свои двери для всех заинтересованных гостей: натиск человечества на Европу был бы по сути неограниченным.

*The drowned little Syrian boy gave a face to statelessness, loss and fear. Ordinary people sat up, took heed, protested. In a matter of moments, a situation that had seemed **tolerable** became **unacceptable**. Campaigns were launched, reports commissioned, promises made to provide better help for those who made it to Europe's shores* (May 17, 2017).

В рассматриваемом фрагменте антитетичный план создается при помощи контраста прилагательных *tolerable* – *unacceptable*, которые содержат полярные оценочные оттенки. Данная антонимичная пара употребляется для выражения отношения к детям-беженцам, которые находятся в наиболее уязвимом положении и подвергаются жестокому обращению и тяжелым формам насилия в процессе транзита и по прибытии в новую страну.

Фотография Алана Курди, трехлетнего сирийского мальчика, чье тело выбросило на пляж в сентябре 2015 года, стала вирусной в британском медиадискурсе. Фотография стала символом безразличия мира к тем, кого запугивали и заставляли бежать из своих домов, рискуя жизнью. Были запущены кампании, заказаны отчеты, даны обещания оказать лучшую помощь тем, кто добрался до берегов Европы. Восемнадцать месяцев спустя большая часть этой добродой воли не была подкреплена официальными действиями. Журналистами отмечается, что такие дети, как Алан Курди, умирают в Средиземном море регулярно.

Результаты контекстуального анализа позволили выявить случаи узульской антитезы, способствующие созданию положительного медиаобраза беженца. Авторы призывают свою читательскую аудиторию к состраданию в отношении беженцев, не препятствовать доступ к убежищу, обеспечить соблюдение их прав и уважения их достоинства.

К **окказиональным** относятся только те лексемы, которые эксплицируют противоположное значение в представленном контексте:

a key – a barrier; migrants – refugees; fear – favour; passive victims – individuals; docs – cops; the comfort of home – the danger of the sea; money – value; facts – choices;

to flare up – to float away; to be lifted – to be reimposed; to strengthen – to defeat; to hurt – to irritate; to amplify – to mute; to join – to watch; to allow – to detain; to earn – to be given away like alms; to handle – to stop;

the first – the second; visible – unseen;

illegal work – modern slavery; wishful thinking – downright mendacious; a personal choice – a last resort; deserving young asylum seekers – economic migrants и др. (21ед.).

В рассматриваемых контекстах оценка формируется как за счет самих ключевых оценочномаркированных лексем, так и за счет контекста, который сужает значение входящих в него языковых единиц:

*While **outrage** over the conditions of this refugee camp has sporadically **flared up**, the **responsibility** of the two governments has **floated away** (August 4, 2016).*

Соглашение между Францией и Великобританией подчеркивает обязательство правительств Великобритании и Франции предоставлять лагеря для содействия перемещению беженцев в безопасное место, где они могут просить убежища. Однако сами лагеря не являются официальными лагерями беженцев, управляемыми Верховным комиссаром ООН по делам беженцев, и поэтому стандартные меры защиты и санитарии не подпадают под действие международных норм. Вместо этого политика правительства была сосредоточена на том, чтобы избегать создания постоянных лагерей и отговаривать людей от проживания там, а не на обеспечении защиты основных прав тех, кому больше некуда идти.

*Migrants and refugees are two separate categories of people – **the first** choosing to leave home and **able to return** there; **the second** the victims of violence, loss and fear, driven from home they **cannot return to** (May 17, 2017).*

Некоторые журналисты проводят параллели между мигрантами и беженцами: если у мигрантов есть контроль над ситуацией, так как переезд –

это их собственный выбор, и они могут вернуться к себе домой при желании, то у беженцев нет пути назад по многочисленным причинам: преследование в своей стране, военные действия, отсутствие дома и др.

Анализ немецких информационно-аналитических медиатекстов позволил определить средства оценочной антитетичной категоризации, аналогичные английским статьям.

В немецкой лингвистике анализом стилистических особенностей антитезы, ее структурно-функциональных характеристик, манипулятивного потенциала занимались такие исследователи, как Л.В. Балахонская [1987], М.С. Торосян [2005], И.М. Наэр [2006], Ю.В. Вознесенская [2010], Ф.Г. Самигулина [2013], М.А. Кондратьева [2015], А.В. Сафина [2017], С.Г. Вишленкова, О.П. Бурканова [2018].

В проанализированных немецких информационно-аналитических статьях по изучаемой проблематике выявлены единичные случаи однокорневой антитезы: *Recht – Unrecht; wahr – unwahr*.

Alle haben Recht und alle haben Unrecht: Das macht die gegenwärtige politische Auseinandersetzung mit der kontinuierlichen Zuwanderung nach Europa so kraft- und perspektivlos (November 3, 2015).

Основным средством формирования антитетичной оценочности выступает **узуальная** антитеза: *richtig – falsch; positiv – negativ; klein – groß; nah – fern; damals – heute; die Fremdenfreunde – die Fremdefeinde; exportieren – importieren* и др. (7 ед.).

Damals waren die Europäer die armen Schweine, und das gelobte Land hieß Amerika. Heute heißt das gelobte Land Deutschland, und die armen Schweine kommen aus Syrien, Libyen und anderen von Krieg und Notstand geplagten Ländern (September 21, 2015).

В связи с многочисленными потоками беженцев в Германии из стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, в анализируемых медиатекстах Германия неоднократно рассматривается как Земля Обетованная.

В рассматриваемом выше фрагменте журналист проводит параллель с Америкой и Германией, акцентируя внимание на том, что в тот период в Америке не было культуры гостеприимства, и людей, прибывших на остров Эллис, не встречали радушными высказываниями. Совсем наоборот, те, у кого не было родственников в стране, оставались на произвол судьбы. Иммиграция происходила не в социальной системе, а на нерегулируемом рынке труда, без минимальной заработной платы, пятидневной недели и медицинского страхования, как в Германии.

*Auch darum finde ich die aktuelle Polarisierung in Deutschland bei der Flüchtlingsfrage so absurd: in hie **Fremdenfreunde** und da **Fremdenfeinde** (Dezember 23, 2016).*

Антитеза, основанная на контрасте *Fremdenfreunde – Fremdenfeinde*, актуализирует позицию автора статьи в отношение образа беженцев и образа Германии в немецком медиадискурсе. В рассматриваемом фрагменте автор подчеркивает, что помимо морального долга, в истории германского общества также присутствует факт ущемления женщин в своих правах (до появления женского движения в Германии). И автор категорически несогласен с выстраиваемым положительным образом Германии, подчеркивая, что есть проблемы внутри страны, на которые они не должны закрывать глаза. Автор подчеркивает, что для успешной интеграции беженцев в немецкое общество, необходима работа со стороны жителей Германии.

В рассматриваемых немецких медиатекстах антитетическое противопоставление актуализируется не только при помощи антонимов. В статьях два понятия могут противопоставляться друг другу, хотя вне контекста не образуют антонимичную пару **окказиональной** антитезы:

die Deutschen – die Einwanderer; die Flüchtlinge – sich selbst; die Wüste – das Gefängnis; Recht, Gesetz – Gewohnheiten; die ungehinderte Einreise – Begrenzung; Harmonie, Austausch und Bereicherung – Reibung, Hass und Gewalt; Last – Chance; Kompliment – Problem; Grenze – Freiheit;

helfen – wegischen; integrieren – abgeschoben werden; im Not sein – um Materielles gehen; dankbar sein – enttäuscht sein; gestaucht werden – gedehnt werden; vereinfachen – dramatisieren; mit den Füßen ankommen – mit Herz und Verstand ankommen;

freundlich – autoritativ; wenig – mehr; freundlich – unerbittlich; uns – andere и др. (21 ед.).

*...und weil all das nicht reicht, lassen die Medien immer öfter **Migranten** zu Wort kommen, die **nicht dankbar, sondern enttäuscht sind** (25 August, 2015).*

*Flüchtlinge sind **keine Last, sondern eine große Chance** vor allem für schrumpfende Städte (2 September, 2015)*

*Der Flüchtlingsdruck auf Europa ist ein großes **Kompliment** – und ein großes **Problem** (15 September, 2015).*

*Es ist in der Tat schön, dass die Menschen in Altena, wie überall in Deutschland, helfen wollen. Die Frage ist nur: Wem wollen sie helfen? **Den Flüchtlingen oder sich selbst?** (Februar 15, 2016).*

*Deutschland soll auch weiterhin denen **helfen**, die wirklich **in Not sind** – und muss dazu jene **wegschenken**, die illegal kamen und denen es nur **um Materielles geht** (April 19, 2018).*

Eine Welt ohne Grenzen ist eine Wüste; eine Welt mit geschlossenen Grenzen ist ein Gefängnis; die Freiheit gedeiht in einer Welt offener Grenzen (Februar 15, 2021).

Аналитики отмечают, что, несмотря на справедливое распределение, именно Германии придется принять большую часть беженцев. Данная тенденция объясняется тем, что у страны есть тот самый мультикультурный опыт, в отличие от Польши, которая всегда относилась враждебно к беженцам. Германия, с другой стороны, рассматривает проблему беженцев как возможность реабилитироваться морально и экономически. Необходимо отметить, что сама Германия тоже нуждается в мигрантах, чтобы обеспечить процветание и пенсии. Однако экономика требует более квалифицированной рабочей силы, и для обеспечения процветания своего общества немцам необходимо

ходимо принимать (зависимости от расчетов) до полумиллиона иммигрантов в год. Интеграция большого количества просителей убежища также является неизбежным обращением к собственному историческому опыту, подкрепленному странными сравнениями – «мы также приняли миллионы переселенцев с Востока!»

Многообразие языковых способов передачи исследуемого стилистического явления отражает как полифункциональность самой фигуры, так и силу её воздействия на создание контраста, экспрессивность и эмоциональность высказывания. Антитеза способствует передаче актуальных идей и оригинальных мыслей в кратких формулах, построенных по определенным канонам.

Аллюзия

Аллюзия является косвенным указанием на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт. Аллюзивный источник обычно не дается, потому что предполагает, что его читатель обладает такими же знаниями и опытом, как и он сам [Гальперин 1971: 136–137]. Аллюзия воспринимается читателем в процессе когнитивного, структурно-семантического и распредмечивающего понимания, читатель постигает смысл и воспринимает аллюзию [Новохачева 2005: 15–16].

В роли источников аллюзии выступают прецедентные тексты – это тексты, известные большому количеству людей и являющиеся неотъемлемой частью культуры. В роли прецедентных текстов могут выступать произведения фольклора, классическая литература, библейские тексты, мифы, пословицы и поговорки, крылатые фразы и афоризмы, исторические события и т.д. Случаи аллюзии не должны быть рассчитаны на определенные группы людей, они должны быть общедоступны пониманию большинства. Многие используемые аллюзии становятся клише, поэтому читатель может и не быть знаком с прецедентным текстом, но все же правильно интерпретировать аллюзию [Онищенко 2010: 60].

В отношении медиатекста можно отметить, что информационно-аналитическое содержание статьи предъявляет читателю не просто факты, но и рассматривает их в широком социально-историческом контексте, при этом неотъемлемыми компонентами подобного материала являются сопоставление, оценка, аргументация, что обуславливает частое обращение авторов информационно-аналитических медиатекстов к другим текстам. С помощью интертекстуальных включений возможно проведение аналогий с возникновением подобных ситуаций в прошлом, отсылка к мнению авторитетных людей, опора на достоверные источники и т.д. Все эти факты дают основания предположить, что информационно-аналитический медиатекст интертекстуально насыщен [Абанина 2009: 68].

Использование аллюзии всегда сопровождается интенцией автора того или иного медиатекста, а интерпретация этого замысла читательской аудиторией происходит в результате его декодирования. Для газетного стиля наиболее важным является реализация именно этого уровня мыследеятельности, так как главная цель автора – не отнесение читателя к какому-либо конкретному прецеденту, а создание образа, характеристики, вызов ассоциации, привлечение внимание, акцентирование.

Аллюзия играет важную роль в создании текстовой импликации благодаря особому способу формирования. Процесс понимания текста включает диалог автора и читателя и диалог каждого из них со своей предшествующей и современной культурой.

Кодирование информации представляет собой процесс построения сообщения на основе знания определенных кодовых комбинаций, объединяющих стилистические тропы и фигуры. На создателя медиатекста действует окружающая действительность, из которой он черпает информацию, перерабатывает и воссоздает в медиаобразах.

Декодирование аллюзивной информации представляет собой процесс распознавания языковых кодов реципиентом, направленный не только на привлечение образных ассоциаций, но и обширных знаний о мире искусства, литературы, культурной и социальной жизни общества.

Аллюзия как стилистический прием часто соотносится с явлением интертекстуальности, или свойства текстов многими разнообразными способами явно или неявно ссыльяться друг на друга. Интертекстуальность – включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов, имеющих вид маркированных и немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий и реминисценций. Формально аллюзия является немаркированным включением, так как источник ее не указан в тексте и читатель должен сам распознать имплицитную образность [Киосе 2002: 92–94].

С точки зрения структуры, аллюзивная единица может быть представлена словом, сочетанием слов, а также более крупными словесными образованиями. М.Д. Тухарели выделяет аллюзии-свехфразовые единства, аллюзии-абзацы, аллюзии-stroфы, аллюзии-прозаические stroфы, аллюзии-главы и аллюзии-художественные произведения [Тухарели 1984: 18].

По данным функционирования языка в рассматриваемых информационно-аналитических медиатекстах выявлены слова, сочетания слов, предложения и аллюзии-абзацы. Высокая ассоциативная нагруженность аллюзивных элементов обусловливает их способность выступать в качестве экспрессивно насыщенных элементов текста.

М.Д. Тухарели вывела следующую классификацию аллюзивных единиц по семантике:

1. Антропонимы (имена собственные); топонимы (географические названия); теонимы (имена богов, демонов, мифологических персонажей и т.д.).
2. Реалии (библейские, мифологические, литературные, исторические и др.), которые могут рассматриваться как событийные аллюзии.
3. Отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции [Тухарели 1984: 18].

В данном диссертационном исследовании нами были выделены и проанализированы семантические классы аллюзивных единиц, отражающие имплицитную оценку образа беженца в английских и немецких языках. Представленные ниже случаи аллюзии могут быть одновременно и антропонимом, и реалией, и цитатой.

Анализ рассмотренных газетных статей позволил выявить только случаи *аллюзивных антропонимов*, под которыми рассматриваются языковые единицы, используемые автором в тексте с целью раскрытия экспрессивного обозначения с помощью использования имен известных людей. Эти имена сначала используются в прямом номинативном значении, когда же теряется связь имени собственного с носителем имени, оно начинает использоваться для характеристики другой личности, которая имеет те же самые черты, что и денотат имени. По мнению Э.А. Исмаиловой, после того, как имя становится независимым и у него появляются дополнительные значения, оно становится аллюзивным и направлено на трансляцию определенной оценки. На первое место выходит вторичная номинация, тогда как прямое значение имени теряет свою значимость [Исмаилова 2017: 104].

В рассмотренном корпусе британских информационно-аналитических медиатекстов по изучаемой проблематике выявлены и проанализированы фрагменты с именами реальных лиц, которые оставили след как в мировой истории, так и в истории Великобритании: *Adolf Hitler, Saddam Hussein, Idi Amin, Colonel Caddafi* и др.

These are children (refugee), for God's sake. And they are in need. We need to act now, like we did with the Asian families expelled by Idi Amin from Uganda (April 27, 2016).

Иди Амин – президент Уганды, диктатор, создатель одного из самых жестоких авторитарных режимов в Африке. Аллюзивное имя собственное *Idi Amin* содержит в себе весь прецедентный текст в свернутом виде: в августе 1972 года Амин объявил курс на «угандизацию», в следствии чего вся собственность выходцев из Азии (ранее составлявших экономическую и деловую элиту страны) на территории Уганды была реквизирована, а сами были высланы из страны. Это распоряжение вызвало серьезный кризис беженцев, поскольку 80 тысяч выходцев из Южной Азии пытались найти страны, готовые представить им убежище. Среди них была Великобритания. Автор проводит параллель между этой ситуацией и современным миграционным кризисом и

призывает правительство Великобритании открыть двери беженцам. В результате конструируется положительный медиаобраз беженца.

В ходе анализа статей были выявлены и проанализированы немногочисленные случаи имен реальных лиц, передающие положительную оценку: *Nicky Winton, Karel Reisz, Nadhim Zahawi, Alf Dubs*.

Karel Reisz was given refugee from Hitler and later celebrated for his films. When considering our duty to refugees, think of him (March 23, 2022).

Карел Рейш – один из 669 еврейских беженцев, спасенный сэром Николасом Уинтоном из оккупированной гитлеровцами Чехословакии (*Kindertransport*), ставший впоследствии классиком британского кино. В представленном примере аллюзивное имя собственное служит экономии языковых средств: автор статьи акцентирует внимание на историческом случае успешной интеграции беженца в британское общество. Журналисты прибегают к тактике контрастного анализа с целью добиться обратного эффекта: ссылаясь на кровавых диктаторов (Адольф Гитлер, Саддам Хусейн, Иди Амин, Муаммар Каддафи), авторы вызывают сочувствие и сострадание, формируя положительный медиаобраз беженца в сознании читательской аудитории.

При декодировании информации, передаваемой аллюзиями-реалиями, оценочность определяется прецедентными ситуациями, связывающими текст публикаций с далекими событиями, которые заставляют читателя погрузиться вглубь истории. Эффективное проведение различных параллелей, сравнений выявляет умелое использование авторами основного принципа построения информационно-аналитических медиатекстов. Адекватное соотнесение предложенных в публикации событий идентифицирует степень ориентации читателя в культурно-историческом пространстве, определяя адресата и адресанта как носителей единого культурно-языкового наследия. В информационно-аналитических статьях по изучаемой проблематике обнаружены следующие аллюзии событийного характера, транслирующие, как показал анализ, отрицательную оценку: *a biblical twist; apocalyptic prophesies; an Adam's apple; a sword of Damocles; religious persecution; World War II; Nazi; barbaric invasions threatening culture and civilization; the Great Ice Age; Huguenot weavers; the 1917 Russian*

Revolution; Nazi Germany; Advocatus Diaboli; they (refugees) move into limbo; to be stuck in limbo unable to continue education, wasting their lives; to choose a life in limbo; to be forced into limbo; to be trapped in a legal limbo и др. (17 ед.).

Например: *Yet even if they (refugees) escape – even if they make the long and dangerous journey through Italy and France, and finally make it to Britain – they cannot now know that they will have found a permanent sanctuary. To suggest that the Home Office regulations are heartless doesn't even come close. They are a sword of Damocles hanging over the heads of the most vulnerable members of our community* (March 11, 2017).

При помощи событийной аллюзии *Дамоклов меч* проводится параллель между греческим преданием и регламентом Министерства внутренних дел Великобритании. В результате в сознании аудитории формируется ассоциативный ряд: меч без ножен над головой беженца, т.е. при видимом благополучии (беженцы добрались до Великобритании в поисках защиты) нависшая над ними постоянная угроза никуда не делась (беженцы не могут быть уверены, что это их последний пункт назначения и их не вышлют обратно). В результате формируется положительный медиаобраз беженца.

*There is nothing special about my (refugee's) story. ... How many others (refugees) would have had similar feelings – whether they were **Huguenot weavers** fleeing religious persecution in 17th century France, **German Jews** in the 20th century or **Eritreans** today? (March 20, 2017)*

В представленном фрагменте задействованы три случая событийной аллюзии, конкретизирующие оценочный потенциал положительного медиаобраза беженца: автор статьи, рассказывая о своем опыте в качестве беженца, проводит параллель с историческим опытом человека. Ткачи-гугеноты, евреи и эритрецы спасались бегством в Великобританию от религиозных и расовых преследований.

В подвешенном состоянии находятся и ученые, которые прожили и проработали в университетах Великобритании по шесть и более лет. Исследователи получают письма, в которых говорится, что им отказали в визе и возможна их депортация:

Naturally, I (refugee) have been living in limbo ever since, pressing pause on my life and career while I seek a resolution (November 25, 2019).

Следующую группу составляют, по мнению М.Д. Тухарели, отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции. Анализ рассматриваемых газетных статей позволил выявить цитаты. Для того чтобы разграничить понятия аллюзии и цитаты, рассмотрим предлагаемое Ш.Нодье определение: аллюзия – это хитрый способ соотнеси известное высказывание со своим. По этой причине аллюзия отличается от цитации отсутствием необходимости в опоре на и так известного всем автора. Аллюзивное высказывание, в отличие от цитирования, не столько отсылает к первоисточнику, сколько обращается к памяти реципиента [Цит. по: Геворгян 2020: 87].

В вопросе разграничения понятий цитаты и аллюзии И.Р.Гальперин опирается на критерий дословности как ключевой для данной проблемы. По его мнению, цитата является дословным элементом прецедентного текста, в то время как аллюзия служит лишь упоминанием или отсылкой [Гальперин 1977: 332].

В качестве наиболее ярких примеров цитат можно перечислить: *tragedy of epic proportions; they all say their dads are dead; these people; send them back; go home; camp violence; citizen violence; never felt safe; stop the boats; end hotel us; how many is too many; go home; his depression is now severe; never felt safe; unBritish; we want our country back; no papers, no hospitals* и др. (17 ед.)

Например:

Henry said, “that in the 1930s there was a plan conceived by the Nazis to send Jewish refugees to Madagascar. So there you are. It is horrendous. It is simply not the right thing to do.” (June 8, 2022).

Soundbites like “Stop the boats” or “End hotel use” won’t fix things (March 29, 2023).

При помощи прямого цитирования авторы подчеркивают, что лица, ищащие убежища, не отправляются в опасные путешествия и не втискиваются в переполненные лодки, чтобы просто переночевать в отеле. На самом деле, реальность отелей, в которые их помещают, скорее всего, будет полна грызунов,

плесени и еды, настолько плохой, что дети теряют вес. Но для лиц, ищущих убежища, безопасность превыше условий жизни, какими бы мрачными они не были. В результате конструируется положительный медиаобраз беженца как жертвы, которая живет в ужасных условиях, тяжелом психическом состоянии, враждебной обстановке, бесправном положении и с туманными перспективами.

В немецких информационно-аналитических медиатекстах, посвященных миграционному кризису, нами были выявлены и проанализированы немногочисленные случаи *аллюзивных антропонимов*, т.е. имена реальных исторических лиц: *Marx, Hitler, Napoleon, Josef Stalin, Konrad Adenauer, Golo Mann, Herman Hesse* и др.

Was wir derzeit importieren, sind nicht nur ethnische, also kulturelle und religiöse Konflikte, sondern, um mit Marx zu reden, auch eine industrielle Reservearmee, für die es keine Beschäftigung gibt ... (August 25, 2015)

Nie wieder wollte es (Deutschland) versuchen, Napoleon oder Hitler zu spielen, sprich, den Kontinent zu beherrschen und ihm seinen Willen aufzudrücken (Januar, 21, 2023).

Аналитиками неоднократно поднимается вопрос относительно интеграции беженцев в германское общество через трудоустройство сразу после прибытия в Федеративную Республику. В противовес данной теории выступают бюрократы, которые усложняют процесс устройства беженцев на работу, подчеркивая, что немецкое общество не доверится врачу, с которым не может общаться на языке, понятном им обоим, чтобы продемонстрировать свое дружелюбие. В связи с этим в рассматриваемом выше фрагменте автор ссылается на Карла Маркса, который в своей экономической теории выделил такое понятие, как промышленная резервная армия труда, т.е. относительный избыток рабочей силы при капитализме. Безработные, число которых постоянно обновляется, создают конкуренцию в отношении рабочих мест, помогают снижать заработную плату, согласно марксизму, вплоть до уровня пропитания.

В немецких информационно-аналитических медиатекстах были выделены и проанализированы следующие случаи **аллюзии–реалии**, участвую-

щие в актуализации медиаобраза беженца: *Kreuzzüge; die Hexenverfolgung; Proletariat; Sozialismus; Lumpenproletariat; Tischleindeckdich; Herkulesaufgabe; den gordischen Knoten durschlagen; Pfingsten; die Judenfrage; Feigenblatt; die Schatzschatulle; bayerischer Löwe; und Gott schuf den Menschen; der Kodex babylonischen Königs Hammurabi; die siebten Gebote Noahs; die Zehn Gebote, die Moses am Sinai empfangen hat; der Teufel hat den Disput, den Krach und den Zusammenprall gesetzt; ein Geist aus der Flasche; Hitler-Stalin-Pakt; die Julikrise von 1914; der erste Weltkrieg; Mare Nostrum; Auschwitz; ein Paradies/das Gelobte Land, in dem Milch und Honig fließen; dass ihre Odyssee ein Ende hat, dämmt Rajisa nur langsam.* и др. (27 ед.).

Например: *Wenn wir das Schlimme, das woanders passiert, bekämpfen wollen, dann bitte mit Anstand, Augenmaß und der gebotenen Zurückhaltung, damit uns die Kreuzzüge, die Hexenverfolgung und Auschwitz nicht um die Ohren fliegen* (September 15, 2015).

С наплывом большого количества беженцев мусульман в немецком обществе периодически происходит эскалация напряженности религиозного противостояния. Журналисты просят граждан Германии оставаться порядочными и призывают к чувству меры и сдержанности во избежание повтора негативного опыта. Апелляция к историческому опыту массовых преследований, яростной борьбы против людей, которые воспринимались как угроза обществу, власти и определенной идеологии носит эмоциональный оттенок и акцентирует внимание на масштабах возможной трагедии. В результате транслируется отрицательная оценка происходящего: сравнение с гонениями, преследованиями, репрессиями указывает на осуждение нынешней власти и ее действий.

Trotz der zuletzt niedrigen Flüchtlingszahlen liegt in den kommenden Jahren eine Herkulesaufgabe vor uns: die Integration der Geflüchteten in unseren Arbeitsmarkt (August 8, 2016).

В контексте проблематике миграционного кризиса, апелляция к аллюзии *eine Herkulesaufgabe* дает возможность автору высказывания кратко изложить видение ситуации относительно интеграции беженцев в немецкое общество. Автор сравнивает подвиги Геркулеса с задачей, стоящей перед

германским обществом, так как интеграция беженцев – это крайне сложный процесс, требующий много усилий, времени и финансовых затрат.

Немаловажную роль в конструировании медиаобраза беженца в немецком информационно-аналитическом медиатексте играют цитаты: *Willkommenskultur; wir schaffen das; besonders schutzbedürftige; unsere Pflicht; faire Verteilung; zur Sicherung unseres Wohlstandes und unserer Renten; herzlich willkommen; die Nerven blank liegen; was will Angela Merkel? Nicht Ausländer, sondern Arschlöcher belästigen Frauen; wir sind eine Einwanderergesellschaft; Merkel allein zu Hause; Deutschland ellein gegen alle; Merkel – help, help; kein Mensch ist illegal! Bleiberecht für alle!* (16 ед.).

Das von ihr mit den drei Worten „Wir schaffen das!“ eingeleitete Sommermärchen war nach nur einer Woche vorbei (September 15, 2015).

Заявление, сделанное Ангой Меркель на федеральной пресс-конференции, состоявшейся 31 августа 2015 года после визита в лагерь беженцев в Дрездене. Данный лозунг закрепился в медиадискурсе как основной лозунг немецкой концепции *Willkommenskultur* и стал символом политики Ангелы Меркель в отношении беженцев, используемой как сторонниками, так и противниками.

В представленном ниже фрагменте при помощи прямых отсылок четко видно, что германское правительство разделено на два лагеря: те, кто поддерживают политику открытых дверей и гостеприимной культуры, и те, кто за закрытие границ и сохранение европейской и германской идентичности.

Schon wieder öffnet Deutschland seine Grenzen und nimmt 10.000 „besonders schutzbedürftige“ Flüchtlinge vor allem aus Libyen, Ägypten, Niger, Sudan, Tschad und Äthiopien auf. Unmut kocht hoch, und der AfD-Politiker Thomas Seitz übersetzt das hinter der Aktion steckende EU-Umsiedlungsprogramm so: „Auf deutsch: Vernichtung Deutschlands und Europas durch Umvolkung.“ (April 19, 2018).

Исследование аллюзивных единиц в немецких информационно-аналитических медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис» показало, что аллюзия как средство компрессии информации активно принимает участие в конструировании положительного медиаобраза беженца.

3.2 Стилистическая конвергенция как способ выражения имплицитной оценки в медиатексте

Авторам информационно-аналитических медиатекстов зачастую необходимо не только передать информацию, но и настроить реципиента на нужный лад, внушить целевой аудитории свою точку зрения, в результате получить его безоговорочную поддержку. Для этой цели используется выразительный потенциал, которым обладают взаимодействующие стилистические элементы языка. В результате схождения стилистических средств в пределах одного высказывания или в объеме смежных высказываний осуществляется передача единого мотива, намерения, интенции автора благодаря высокой степени суммарного эмоционального влияния на реципиента [Бондаренко 2019: 207]. Данное явление известно в лингвистике как стилистическая конвергенция, которая в данном исследовании рассматривается как концентрация стилистических приемов в газетной статье на достаточно небольшом участке текста. Наряду с этой функцией стилистическая конвергенция обеспечивает связность и цельность текста, выдвигает на передний план особенно важные черты сообщения, образует эстетический контекст и выполняет оценочно-экспрессивную функцию [Нилькенбаум 2016: 137].

Функция, выполняемая стилистической конвергенцией, определяется ее типом. Опираясь на работы А.П. Сквородникова [1981], Г.А. Копниной [2001], С.А. Кузьменко [2006], Н.Д. Белоножко [2012], В.М. Нилькенбаум [2016], И.В. Бондаренко [2019], И.В. Пекарской, В.Е. Лютенко [2020], представляется возможным выделить следующие типы конвергенции стилистических средств:

- 1) по характеру расположения взаимодействующих стилистических средств в тексте: сосредоточенная, рассредоточенная, текстовая;
- 2) по количеству взаимодействующих стилистических средств: двухкомпонентная и многокомпонентная;
- 3) по критерию однородности/неоднородности стилистических средств, вступающих во взаимодействие: гомогенная и гетерогенная.

Для информационно-аналитических медиатекстов характерно использование в конвергенции разноуровневых стилистических средств – фонетических, морфологических, лексических и синтаксических, создавая гетерогенный тип конвергенции. Умело комбинируя стилистические приемы, автор статьи имеет возможность ярко и убедительно транслировать свою мысль, повысить эмоционально-экспрессивный накал описания, выделить наиболее значимые элементы медиатекста.

Количественный и качественный анализ случаев стилистической конвергенции в рассматриваемых информационно-аналитических медиатекстах, посвященных миграционному кризису, позволил установить, что при создании медийного образа беженца доминируют определенные синтаксические средства. Остановимся подробнее на каждом из них.

Обособление

Существуют различные синтаксические процессы, связанные либо с преобразованиями структуры синтаксического элемента в направлении сокращения его внутренней строевой и семантической сложности, либо с его распространением. Одним из процессов усложнения структуры предложения является прием обособления членов предложения.

Обособление – это эксплицитный, с точки зрения графического выражения (знаки пунктуации), и имплицитный, с точки зрения содержания, маркер актуальности информации, передаваемой обособленным второстепенным членом. Данное качество обособления способствует осуществлению коммуникации между участниками речевого акта: информация, передаваемая обособленным членом, участвует в выражении рематичности отрезка текста (диктемы или ее части), в которую включен данный обособленный член. Обособление является вспомогательным средством идентификации рематического элемента высказывания. В качестве такового обособление может быть использовано реципиентом при декодировании информационной структуры текста [Агельярова 2017: 50].

В результате, особенно в случае с распространенными обособленными конструкциями, предложение распадается на две части: главную, включающую основное смысловое содержание предложения, и периферийную. В итоге происходит наложение смыслов: основного и дополнительного, причем именно дополнительный план может стать более значимым, а все предложение – более информативным и выразительным.

В рассмотренных британских информационно-аналитических статьях, посвященных проблематике «Миграционный кризис», обособлению подвергаются как отдельные слова и словосочетания, так и целые высказывания, предложения, которые вне состава сложного синтаксического целого могут быть самостоятельными предложениями:

*Sectors such as construction, where 14% of the existing labour force is said to be non-UK (the figure is 54% in London) face a real hit unless the boundary between skilled (**good**) and unskilled (**bad**) migrants is better managed than the government plan implies* (February 19, 2020).

*Refugees arrive in the UK for a variety of reasons. But these reasons can be summarised in two words: **seeking safety*** (March 29, 2023).

*It cannot be said often enough: **no one wants to be a refugee*** (May 11, 2023).

Как мы видим, в данном контексте при изучении обстоятельства в логико-смысловом и коммуникативном аспектах выявляется уточняющая и поясняющая функции данных членов предложения, а также их высокая коммуникативная нагрузка. При этом обособленный отрезок внутри предложения актуализируется, приобретает относительную смысловую самостоятельность или несёт в себе оттенок дополнительного сообщения [Житниковская 2012: 15]:

Анализ фактологического материала позволил выявить случаи обособления, которые технически обеспечиваются при помощи специальных пунктуационных графических средств – запятой, тире, точки с запятой, скобок, двоеточия. Выбор того или иного знака препинания связан со смыслом предложения.

Самым частотным знаком по употреблению, используемым авторами информационно-аналитических медиатекстов для графического выделения обособления, является двойная запятая, которая выполняет, прежде всего, грамматическую функцию, отделяя обособленный член от основы предложения. Однако функция разделения в данном контексте совмещается с более сложной функцией выделения, что позволяет двойной запятой как знаку решать более важную задачу – сигнализировать о границах блоков, выделять более коммуникативно нагруженные и аксиологически значимые:

The government's new immigration plan, which aims to move away from relying on influxes of cheap labour by closing Britain's borders to “non-skilled” workers, is based on a flawed understanding of how the economy works (February 20, 2020).

Her nationality and borders bill, which is being pushed through parliament in the face of fierce opposition from refugee and migrants' rights organisations, will introduce a punitive system of refugee protection in which people will face harsh punishment if they do not do as they are told (March 12, 2022).

В представленных примерах имеет место декодирование оценки за счет ее развертывания в придаточной конструкции. Очевидно, что синтаксические средства являются вспомогательным способом, а не основным, реализуемым за счет эпитетов “non-skilled” (workers), *fierce* (opposition) и метафор *influxes of cheap labour; to close Britain's borders; in the face of fierce opposition*.

Очевидно, что беженцы сталкиваются с опасными для жизни обстоятельствами, и многие из них, возможно, никогда не смогут вернуться в свою страну, но это не означает, что их следует эксплуатировать в Великобритании или демонизировать дома как покинувших страну своего рождения. В результате в сознании читательской аудитории формируется положительный медиаобраз, вызывающий сочувствие у реципиента.

В рассмотренных выше фрагментах наблюдается как гомогенная, так и гетерогенная конвергенция стилистических средств, где для создания положительного медиаобраза беженца переплетаются обособленные конструкции с метафорой и эпитетом, усложняя образ.

Знак тире, активно использующийся в последнее десятилетие на месте нормативной запятой, особенно в газетных статьях, обладает большой выделительной силой и применяется для графического обозначения в тексте вводных и вставных конструкций. В отличие от запятой, тире имеет большую экспрессивно-грамматическую функцию и возможность использования в целях повышения выразительности, наглядности и эмоциональности медиатекста: *Europe's inhumane approach to this crisis has rendered thousands – who are desperately seeking escape from war – vulnerable to exploitation and enslavement* (February 14, 2017).

Отрицательный оценочный потенциал данного фрагмента концептуализируется за счет лексического наполнения *inhumane approach; desperately seeking escape from war; vulnerable to exploitation and enslavement*, акцентирующее внимание на безответственном отношении европейских стран и Великобритании, в частности, к попыткам решения миграционного кризиса. Положительный медиаобраз формируется опосредованно, за счет критики решения британских политиков о закрытии схемы Дубса, которая является фактором притяжения для детей-беженцев в Великобританию. Аналитиками подчеркивается, что отсутствие вариантов безопасной миграции для уязвимых людей, спасающихся от войны, стало единственным важнейшим фактором, увеличившим риск торговли людьми в Европе. Журналисты настаивают на разработке Великобританией ответа на этот вызов, который включает безопасную миграцию из зоны боевых действий и экономическую помощь для обеспечения возможностей трудоустройства для беженцев в регионе, а также базовое управление лагерями, здравоохранение и питание для беженцев.

Across the world, trafficking and smuggling gangs are flogging promises and dreams and then using fear – of pain, of the authorities, of their debts, of their failure – to make vast amounts of money in the knowledge that they're unlikely to get caught, and in the certainty that their victims are expendable (October 29, 2019).

В рассматриваемом фрагменте автор, описывая состояние беженцев, обращается к приему гомогенной стилистической конвергенции, где наблюдается наслаждение таких приемов, как *перечисление, асиндекон, градация*.

Across the UK, thousands end up being exploited and unpaid in our restaurants, car washes, agricultural fields, care homes, hotels and nail bars – visible but unseen (November 2, 2022).

Зачастую в аналитических статьях присутствуют фрагменты сторителлинга, в которых журналисты рассказывают истории детей, единственной возможностью которых является взять на себя ответственность по обеспечению своих родителей – это последовать обещанию работы в Великобритании. Отправившись в путешествие, где его переправляют из одного убежища в другое, ребенок попадает под контроль преступных группировок, может быть изнасилован, избит и подвергнут жестокому обращению. Когда он добирается до Великобритании, ему выставляется счет в размере 20 000 фунтов стерлингов – сумма, которую он даже не может понять. Ему начинают угрожать, что его родители пострадают, если он не вернет им долг. Пути назад нет: его единственное будущее – это будущее, где единственной причиной его выживания является выплата долгов.

Прибегая к подобной тактике иллюстрирования и указания на перспективу, пытаясь дать прогноз развития событий в будущем, а именно, что власти Великобритании не видят или не собираются удалять бреши в системе управления, автор использует бинарную гетерогенную стилистическую конвергенцию. Сочетание *обособление* + *антитеза* способствует формированию положительного медиаобраза беженца как реакции на отрицательный медиаобраз власти.

Наиболее выраженной выделительной силой из двойных знаков обладают скобки – они фактически изолируют заключенный в них текст от предложения. Причин этому несколько. Во-первых, скобки не заключают в себе общей функции связи. Во-вторых, в отличие от запятой и тире, скобки не относятся с одиночными знаками препинания и всегда двухкомпонентны. В-третьих, скобки не теряют выделительной силы в зависимости от позиции и не могут быть поглощены другим знаком препинания. Как и тире, скобки используются для введения в текст вводных и вставных конструкций, несущих различного рода поясняющую и сопутствующую информацию. Традиционно

считается, что в скобки заключаются элементы, наименее или даже вовсе не связанные грамматически с другими членами предложения, – авторские конструкции, самостоятельные предложения как дополнительные сообщения, авторские пояснения:

... they used their own power to change the very laws that allowed their own existence in the first place (Javid and Patel should be grateful that the world doesn't work like picture of Marty McFly's family in Back to the Future, or they would currently be fading from existence, having eliminated the conditions of their own birth) (February 24, 2020).

В данном примере наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции, где на обособление накладываются аллюзия и образное сравнение. При этом образное сравнение выступает средством организации текста, а аллюзия, вливаясь в его структуру, – источником имплицитной информации. В представленном выше фрагменте наблюдается аллюзивная референция к американскому научно-фантастическому фильму «Назад в будущее».

Еще одним средством актуализации обособленных конструкций в рассматриваемых газетных статьях является двоеточие, которое находит практическое применение при оформлении сложных бессоюзных структур в газетных статьях, если вторая часть сложного синтаксического единства относится к первой как поясняющая к поясняемой. Последняя предполагает несколько разновидностей: раскрывает содержание первой; дополняет, уточняет какой-либо член первой части; содержит в себе указание на причину или основание того, о чем говорится в первой части; является следствием, результатом или выводом к первой части.

She sent vans bearing the slogan “Go home” into areas of high immigration: her explicit policy objective was to create a hostile environment for supposedly illegal migrants (April 11, 2017).

В рассматриваемых медиатекстах зачастую критикуется политический курс Терезы Мэй в адрес беженцев. В представленном выше примере при помощи гетерогенной конвергенции эпитет+обособление автор подчеркива-

ет, что она сделала больше, чем любой другой высокопоставленный политик для формирования общественной нетерпимости к просителям убежища.

*We have a politics increasingly polarised between **tough** and **soft** solutions: control versus compassion* (February 18, 2023).

В представленном фрагменте при помощи гетерогенной стилистической конвергенции *антитеза+обособление+метафора+эпитет* отмечается, что обещания британского премьер-министра Риши Сунака «остановить лодки» обречено на провал без реформы предоставления убежища. Отрицательный оценочный потенциал данного фрагмента транслируется при помощи антитезы *tough – soft (solutions); control – compassion*, а за счет обособление осуществляется фокус внимания на основной мысли статьи. Новая гуманитарная виза, открывающая безопасный путь в Великобританию, должна стать частью ответа на кризис беженцев. Однако более 100 000 человек держат свои жизни на паузе, большинство из которых ждут решения более года. Эти задержки обходятся налогоплательщикам в миллионы долларов, деньги направлены на содержание беженцев в гостиницах, которые не подходят для тех, кто там размещен, и которые могут стать точкой сосредоточения крайне правого насилия. В результате формируется положительный медиаобраз беженца, вызывающий у читательской аудитории чувство эмпатии и переживания горя и бед беженцев как своего несчастья.

Точка с запятой как знак обособления – явление редкое и, как правило, стилистически маркированное и использующееся для более наглядной дифференциации структурных блоков предложения. При этом он становится, несомненно, комплексным, многофункциональным знаком. Благоприятными факторами появления точки с запятой на месте нормативной запятой являются увеличения объема группы обособления, структурная сложность и насыщенность, что делает необходимость внесения ясности и точности и служит разделению смысловых блоков. Точка с запятой не привносит в предложение дополнительных семантических оттенков. В целях усиления позиции авторы информационно-аналитических медиатекстов по изучаемой проблематике

предпочитают использовать более экспрессивные знаки – скобки и тире: *More than 8 million people were forced from their homes, and while this initiative was crucial, if we really want to support refugees in this country we cannot just offer shelter; we need to offer jobs, too* (February 24, 2020).

При помощи гетерогенной стилистической конвергенции *параллелизм + анафора + антитеза + обособление* подчеркивается жесткая нехватка специалистов в Великобритании. Реализация положительного оценочного потенциала происходит посредством лексического наполнения: глагольных сочетаний *to support refugees, to offer shelter; to offer jobs; to be forced from home*, которая интенсифицируется за счет модальности *can* и *need* и отрицательной частицы *not*. Функциональная нагрузка стилистических средств синтаксического ряда заключается в интенсификации того факта, что, когда люди с хорошими навыками приезжают в страну, для них практически невозможно заниматься тем, что они умеют делать. В результате конструируется положительный медиаобраз беженца как человека, которому британское правительство должно предоставлять не только убежище, но и способствовать его успешной интеграции в британское общество, в том числе и устройству на работу.

Независимо от образования и опыта, устроиться на работу беженцу в Великобритании сложно. Доступ к наиболее квалифицированным должностям требует обучения английскому языку и переквалификацию, стоимость которых непомерно высока. В результате нейрохирурги работают помощниками по уходу, морские инженеры – таксистами, юристы заполняют полки супермаркетов. Великобритания нуждается во врачах, медсестрах, фармацевтах и ветеринарах, но, когда беженцы с такими навыками приезжают в страну, им невозможно найти ту работу, которую они умеют делать.

Such approaches and the accompanying rhetoric do not merely respond to political pressures; they fuel anti-migrant feeling (November 17, 2021).

В представленом примере наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции *обособление + метафора*, оценочный потенциал которой осуществляется путем метафоризации отрицательного отношения британского

правительства в отношении беженцев. А за счет обособления метафоры *to fuel anti-migrant feeling* критикуется враждебный политический курс Великобритании – предоставление сотрудникам Пограничной службы иммунитет от судебного преследования, если мигранты погибнут. В результате конструируется положительный медиаобраз беженца как жертвы сотрудников и военнослужащих Пограничной службы, превышающих свои должностные полномочия.

В рассматриваемых медиатекстах обособленные конструкции несут дополнительную семантическую нагрузку: при помощи обособленных конструкций журналисты акцентируют внимание на следующих аспектах миграционного кризиса: права беженцев (*education, shelter and support*), список проблем, с которыми приходится сталкиваться беженцам в процедуре представления убежища (*being asked to respond to a lengthy questionnaire that is only available in English; to replace some interviews with questionnaires in English; the trafficking of children from hotels; huge delays in processing asylum claims*), проблемы, с которыми сталкиваются беженцы в случае отказа (*to lose the entitlement to housing and financial support; to be at even greater risk of exploitation and destitution*), причины, из-за которых людям приходится бежать из своих стран (*from the teenager whose relatives have been killed, to the young man who is at risk for joining an opposition party, to the mother whose city has been bombed, or the journalist who has received death threats from a new regime*), отношение британского общества к беженцам (*to meet people with dignity and compassion, rather than criminalisation and hostility*), подход британского правительства к системе предоставления убежища (*one that shows neither the compassion nor the welcome to which Rishi Sunak laid claim this week; people whose lives are directly harmed by this government here and now; to forcibly fly people who have escaped trauma and horror to another continent*).

Анализ рассмотренных британских газетных статей, освещающих проблематику миграционного кризиса, позволил выявить устойчивые модели стилистической конвергенции с главным компонентом *обособление*, функционирующие в структуре положительной оценки медиаобраза беженца:

- 1) *обособление+антитеза;*
- 2) *обособление+аллитерация;*
- 3) *обособление +эпитет;*
- 4) *обособление+анафора;*
- 5) *обособление+метафора;*
- 6) *обособление+метафора+дисфемизм;*
- 7) *обособление+метафора+эпитет;*
- 8) *обособление+перечисление+асиндтон+градация;*
- 9) *обособление+сравнение+аллюзия +метафора;*
- 10) *обособление+параллелизм+анафора+антитеза.*

Среди выявленных моделей стилистической конвергенции представлены как гомогенные (*обособление + анафора*), так и гетерогенные (*обособление + сравнение + аллюзия + метафора*) случаи. Конвергентные структуры варьируются по количественному составу. В корпусе медиатекстов представлены как двухкомпонентные (*обособление + антитеза*), так и многокомпонентные (*обособление + параллелизм + анафора + антитеза*), обладающие более высоким экспрессивным потенциалом и стилистической сложностью, особенно в случаях гетерогенного типа.

В немецком языке, как и в английском, структурное разнообразие предложений создается за счет вариативности использования необходимых и возможных компонентов предложения, способы выражения этих компонентов, синтаксических связей между ними, порядка их расположения и интонирование самого предложения. Структурные разновидности предложений координируют с их содержанием, так как определенная структура предложения является носителем определенного денотативного и коммуникативного содержания [Фадеева 2011: 110].

В грамматике немецкого языка члены предложения могут быть подразделены на обособленные и необособленные. Обособление членов предложения – распространенное явление в синтаксисе современного немецкого языка. Исследованием данного явления занимались Т.А. Свиблова [1966], И.К.

Денисова [1967], Л.П. Нестерова [1969], Г.Н. Эйхбаум [1974], Н.Н. Саночкина [2003], И.В.Шишкина [2004], Л.В. Фадеева [2011], которые рассматривали обособление с различных позиций: с точки зрения коммуникации, связи дeterminантов с опорным предложением, в плане структурного членения предложения, с фонетической позиции.

В немецкой лингвистике вопрос об обособлении как особом явлении обычно не рассматривается. Немецкие языковеды не оперируют обобщенным понятием обособления, а отмечают как особые по тем или иным свойствам некоторые виды компонентов, именуемых обособленными. Прежде отсутствовал даже термин *обособление*, теперь иногда употребляется термин *die Absordetung*, чаще *der Nachtrag* [Duden 2006: 1344]

В рассматриваемых немецких информационно-аналитических статьях, посвященных миграционному кризису, обособлению подвергаются как отдельные слова и словосочетания, так и целые высказывания, предложения:

Die Flüchtlinge sind (Menschen) wie du und ich (September 2, 2015).

Und schon gar nicht, sage ich, dass Flüchtlinge ein größeres Recht hätten, zu stehlen (oder andere Straftaten zu begehen) als andere (Februar, 6, 2016).

Einzelne unfähige oder mutmaßlich kriminelle Beamte – in Bremen ermittelt der Staatsanwalt gegen Mitarbeiter der Außenstelle des BAMF wegen bandenmäßiger Verleitung zur missbräuchlichen Asylantragstellung – und ein enormer Zeitdruck erschweren oder verhindern die ordentliche Bearbeitung von Asylanträgen (Juni 5, 2018).

Как и в английском медиадискурсе, в немецких информационно-аналитических статьях выявлены случаи обособления, которые технически обеспечены при помощи следующих пунктуационно-графических средств: запятая, тире, точка с запятой, скобка, двоеточие. Аналогичным образом выявленные случаи обособления сопровождаются разнообразными стилистическими средствами лексического, лексико-синтаксического и синтаксического уровней, актуализируя такое языковое явление, как стилистическая конвергенция (гомогенная и гетерогенная).

Посредством гетерогенной стилистической конвергенции, которая реализуется за счет микширования *обособления* + *метафоры* + *эпитета* + *перечисления*, можно проследить, как выстраивается положительный медиаобраз беженца в немецких СМИ:

Ein echter Neustart – mit klarem Wertekompass und illusionslosem Blick für das Gebotene, Machbare und Notwendige – ist längst überfällig! (September 20, 2022)

Формирование положительного медиаобраза происходит и опосредованно, путем акцентирования внимания на недостатках интеграционной политики Германии и необходимости ее модификации: *ein echter Neustart; mit klarem Wertekompass; mit illusionslosem Blick; Gebotene; Machbare; Notwendige*. Будучи действующим председателем Совета ЕС, Германия несет особую ответственность и должна прикладывать все усилия для достижения успеха в предстоящих реформах.

В представленных ниже примерах наблюдается случаи гетерогенной стилистической конвергенции *обособление* + *метафора*, при помощи которой выстраивается как положительный, так и отрицательный медиаобраз беженца:

Die Kehrseite der Medaille: Knapp die Hälfte der rund einer Million Syrer in Deutschland bezieht Bürgergeld, der Großteil ununterbrochen über viele Jahre. Unter dem Strich lebt der überwiegende Teil der Syrer nach wie vor von staatlichen Leistungen: Auch, weil der Zuzug in den vergangenen Jahren anhielt und viele erst seit Kurzem im Land sind (November 13, 2024).

Tausende Syrer sind eine wichtige Stütze des Gesundheitssystems geworden. Würden 100 Prozent dieser Gruppe zurückkehren – und diese Wahrscheinlichkeit geht gegen null – wäre das ein empfindlicher Schlag für die Branche (December 19, 2024).

Экономические аналитики отмечают, что германское общество не меньше должно быть заинтересовано в беженцах, так как зачастую ими предсказывается крах немецкого рынка труда, если на родину возвратятся еще больше беженцев. Но, с другой стороны, все прибывшие в Германию беженцы живут на государственные пособия, что составляет солидную часть государственных расходов.

Анализ фактологического материала позволил выявить случаи трехкомпонентной гетерогенной стилистической конвергенции, где первые два компонента это – *обособление + метафора*, а третий компонент – переменный (*антитеза, олицетворение, инверсия, риторический вопрос*).

Zwei Lager scheint es bei uns in der Flüchtlingspolitik zu geben: Die einen plädieren für eine Willkommenskultur, die anderen fordern eine Obergrenze beim Zuzug (Januar 12, 2017).

В рассматриваемом фрагменте при помощи метафоры *zwei Lager in der Flüchtlingspolitik* осуществляется акцент на том факте, что в федеральном правительстве Германии наблюдается раскол в отношении курса иммиграционной политики, а при помощи антитезы *eine Willkommenskultur – eine Obergrenze* осуществляется спецификация.

Grenzen schützen: Das ist heute die Parole derer, die in der Einwanderung vor allem eine Gefahr sehen, eine Kraft, die alle Sicherheiten zunichthemachen könnte (September 26, 2016).

Актуализация отрицательного оценочного потенциала медиаобраза беженца осуществляется стилистическими средствами лексического ряда: *метафорой* (*in der Einwanderung eine Gefahr sehen*) и *олицетворением* (*eine Kraft, die alle Sicherheiten zunichthemachen könnte*). Средство экспрессивного уровня (*обособление*) усиливает мысль о том, что в немецком обществе есть люди, объединенные одним лозунгом (паролем) *Grenzen schützen*, которые видят в миграции опасность.

Eine andere Frage, die ebenso aufregend ist, schwebt im Raum: Warum kommen noch immer jeden Tag Tausende von Flüchtlingen – oder wie man inzwischen sagt «Schutzsuchende» – nach Deutschland, obwohl sie eigentlich wissen müssten, was sie hier erwartet? (October 15, 2015).

В представленном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*обособление + метафора + риторический вопрос*), участвующей в трансляции отрицательного медиаобраза беженца. Концептуализация отрицательной оценки осуществляется за счет лексического наполне-

ния: *eine andere Frage schwebt im Raum; Schutzsuchende; Tausende von Flüchtlingen*, которая интенсифицируется за счет модальности глагола *müssen*. При помощи средств экспрессивного синтаксиса – *обособления и риторического вопроса* – усиливается авторский посыл и создается драматический эффект.

В представленном ниже фрагменте для актуализации отрицательного медиаобраза беженца гетерогенная конвергенция актуализируется за счет насложения *обособления + метафоры + повтора + асиндемона*:

Aus manchen dieser Beschwörungen klingt fast triumphierend: Endlich wird Schluss sein mit der ungehinderten Einreise von Asylbewerbern – stattdessen: Begrenzung, Begrenzung, Begrenzung (Januar 19, 2016).

В представленном примере отрицательный медиаобраз беженца реализуется за счет метафорической конструкции с отрицательной коннотацией *aus manchen dieser Beschwörungen klingt fast triumphierend* и лексического повтора лексемы с отрицательной коннотацией *Begrenzung*. Средствами экспрессивного синтаксиса – *обособления и асиндемона* – усиливается оценочная составляющая фрагмента. Аналитиками подчеркивается, что приветствуя мигрантов, немецкое общество упускает из виду тот факт, что беженец сам по себе не является благородным человеком и что иммиграция многих молодых неженатых мусульман не обязательно обогащает общество.

Sie haben – erst aus Ignoranz, dann aus falscher Fremdenliebe – wenig getan, um den Einwanderern freundlich, aber unerbittlich und autoritativ das Ge-füge der deutschen Gesellschaft zu erklären sowie sie zur Akzeptanz der hier gel-tenden Regeln aufzufordern und auch zu zwingen (Februar 15, 2020).

Посредством гетерогенной стилистической конвергенции *обособление + параллелизм + эпитет + антитеза* вербализуется положительный медиаобраз беженца. Комбинация *эпитета* с отрицательной коннотацией *falscher Fremdenliebe*, а также *антитезы* *freundlich – unerbittlich und autoritativ, aufzufordern – zu zwingen* передают отрицательное отношение немецкого общества к беженцам. С помощью экспрессивного синтаксиса выделяется важная задача немецкого общества – реформы в иммиграционной политике Германии.

В представленном ниже случае гетерогенной стилистической конвергенции (*обособление + параллелизм + антитеза + эпитет*) косвенно актуализируется положительный медиаобраз беженца:

Alle haben Recht und alle haben Unrecht: Das macht die gegenwärtige politische Auseinandersetzung mit der kontinuierlichen Zuwanderung nach Deutschland so kraft- und perspektivlos.

Отрицательный оценочный потенциал данного фрагмента реализуется при помощи лексического наполнения *kraft- und perspektivlose Zuwanderung; die gegenwärtige politische Auseinandersetzung; Recht – Unrecht*, а интенсификация авторского отношения к описываемой проблеме осуществляется с помощью средств экспрессивного синтаксиса. Аналитик отмечает, что Германия не справляется с большим наплывом беженцев, и беженцам следует учитывать выбор страны для своей миграции.

Was wir derzeit importieren, sind nicht nur ethnische, also kulturelle und religiöse Konflikte, sondern, um mit Marx zu reden, auch eine „industrielle Reservearmee“, für die es keine Beschäftigung gibt und keine geben wird, das Lumpenproletariat von morgen und übermorgen (August 25, 2015).

В представленном выше фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*обособление + метафора + аллюзия*), участвующей в концептуализации отрицательного медиаобраза беженца. Оценочная составляющая фрагмента формируется за счет лексического наполнения с отрицательной коннотацией *ethnische, kulturelle, religiöse Konflikte importieren; industrielle Reservearmee; das Lumpenproletariat von morgen und übermorgen*, перечисляются проблемы, возникающие из-за беженцев, и описываются беженцы как экономически деклассированные слои населения.

В примере гомогенной стилистической конвергенции (*обособление + перечисление + риторический вопрос+эпитет*) вербализация положительной оценки медиаобраза беженца осуществляется лексическим наполнением:

Die das Geschehen so lange eigenwillig interpretierten, fleißig kontextualisierten und radikal relativierten, dass man sich am Ende fragen musste: Wozu die

ganze Aufregung? Passiert so etwas nicht überall und immerzu? Was war denn an Köln so besonders? (Januar 28, 2016).

Оценочность медиаобраза актуализируется посредством эпитетов *eingenwillig interpretierten, fleißig kontextualisierten, radikal relativierten*, при помощи которых отмечается нивелирование негативных фактов, связанных с беженцами. Интенсификация авторской мысли – сглаживание недовольства аудитории проблемами, связанными с беженцами, выполняется стилистическими средствами синтаксического уровня.

В рассматриваемых немецких медиатекстах обособленные конструкции несут дополнительную семантическую нагрузку: при помощи обособленных конструкций журналисты акцентируют внимание на следующих аспектах миграционного кризиса: преступлениях, совершенных беженцами и проблемах, возникающих из-за них (*stehlen oder andere Straftaten begehen; ethnische, kulturelle, religiöse Konflikte importieren; industrielle Reservearmee; das Lumpenproletariat von morgen und übermorgen*), влиянии беженцев на идентичность и суверенитет (*Einwanderung wird Deutschland merklich verändern*), решении проблем, связанных с демографическим кризисом (*Tausende Syrer sind eine wichtige Stütze des Gesundheitssystems geworden*), больших финансовых потерях из-за наплыва беженцев (*Million Syrer in Deutschland bezieht Bürgergeld; der überwiegende Teil der Syrer nach wie vor leben von staatlichen Leistungen*), интеграции беженцев в немецкое общество (*eine Willkommenskultur plädieren*), установлении верхнего предела (*eine Obergrenze beim Zuzug fordern*) и др.

Анализ немецких информационно-аналитических медиатекстов позволил идентифицировать различные модели стилистической конвергенции, которые играют важную роль в актуализации как положительного, так и отрицательного потенциала медиаобраза беженца:

- 1) обособление + метафора;
- 2) обособление + метафора + антитеза / олицетворение / инверсия / риторический вопрос / аллюзия;

- 3) обособление + метафора + эпитет + перечисление;
- 4) обособление + метафора + повтора + асиндектона;
- 5) обособление + параллелизм + эпитет + антитеза;
- 6) обособление + параллелизм + антитеза + эпитет.
- 7) обособление + перечисление + риторический вопрос + эпитет.

В ходе анализа были выявлены и проанализированы исключительно случаи гетерогенной стилистической конвергенции, характеризующиеся наслоением стилистических средств разных уровней. В зависимости от количества взаимодействующих стилистических средств, выявленные модели стилистической конвергенции могут быть распределены по следующим группам: двухкомпонентные (*обособление + метафора*), трехкомпонентные (*обособление + метафора + антитеза*), четырехкомпонентные (*обособление + метафора + эпитет + перечисление*), варьирующие степень сложности манипулятивного воздействия на читателя.

Параллелизм

Среди стилистических средств синтаксического ряда, активно участвующих в актуализации оценочного потенциала медиаобраза беженца в рассматриваемых информационно-аналитических медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис», нами были выявлены и проанализированы многочисленные случаи параллельных конструкций в качестве доминирующего стилистического средства.

Синтаксический параллелизм считается одной из наиболее эффективных в плане экспрессии фигур, поскольку отличается особой эмоциональностью, обусловленной симметричной организацией какой-либо части текста. Прежде всего, параллелизм выступает как средство раскрытия многообразных свойств анализируемого явления или как способ показать аналогию фактов [Ляпун 2008: 134].

Параллельные конструкции, реализованные как на *микроуровне*, так и на *макроуровне*, выполняют следующие функции в информационно-аналитичес-

ких медиатекстах: усиление коммуникативной и экспрессивной значимости предложения, выделение главной мысли высказывания, убеждение адресата, подталкивание его к принятию точки зрения автора [Никонова 2018: 436].

Опираясь на исследования И.А. Лонгиненко [2007], Н.В. Баниной, М.В. Мельничук, В.М. Осиповой [2017], Катяян Ришика [2017], В.Ю. Яготинцевой [2020], А.К. Прокопьевой, А.А. Архиповой [2022], представляется возможным отметить, что по составу конструкций параллелизм может быть *полным* и *частичным*. Под *полным* параллелизмом понимаются конструкции, имеющие тождественное грамматическое строение [Прокопьева, Архипова 2022: 859]. Анализ фактологического материала из британских медиатекстов позволил выявить единичные случаи *полного параллелизма*:

Stop evil human traffickers; Stop international criminal networks (October 30, 2019).

Основную массу составляют случаи частичного параллелизма, под которым понимается повторение некоторых частей следующих одного за другим предложений или частей предложений [Банина, Мельничук, Осипова 2017: 83]. Данная тенденция объясняется особенностью стиля газетной статьи:

The police must use force only when it's necessary and proportionate. The state must ensure that the most vulnerable, including children, are properly protected (August 4, 2016).

В рассмотренных нами британских информационно-аналитических статьях были выявлены и проанализированы случаи *частичного параллелизма* в сочетании с *анафорой*, которая легко может быть подстроена под коммуникативные интенции и цели автора медиатекста и помогает сконцентрировать внимание реципиента на необходимом для автора фрагменте, факте, событии:

I would fight. I would do whatever it takes to stay alive. I would walk for a really long time. I would get on a boat in the middle of the night and set off for an unknown destination so my children could finally get to school. I would give away my life's savings for the promise of a better future (February 18, 2017).

В представленном выше сверхфразовом единстве наблюдается случай гомогенной стилистической конвергенции, которая реализуется при помощи *частичного параллелизма+анафоры*. Положительный оценочный потенциал стилистической конвергенции передается при помощи лексического наполнения фрагмента *to stay alive, a better future*, который интенсифицируется за счет модальности *would*. Анафорический параллелизм подчеркивает равную значимость действий, которые автор данного фрагмента готов совершить, чтобы остаться в живых и получить лучшую жизнь. Вносимая стилистической конвергенцией ритмическая организация фрагмента способствует усилению экспрессивности авторской точки зрения, ее выделению на фоне ритмической неупорядоченности газетной статьи.

В представленном ниже фрагменте сначала дается обобщенный зacin с положительной коннотацией *I fell in love*, который затем конкретизируется автором в последующих конструкциях анафорического параллелизма:

I had no idea what I was getting into but I fell in love. With the young South Sudanese refugees who, without fail, at every single community meeting, asked us to build a secondary school and help them go to university because they needed a better education for when they went back home to an independent South Sudan. With the Somali women who were the antithesis of the stereotyped, subjugated Muslim female – strong, proud, fighters to the end. With the Ethiopian university students and journalists, engaged in intense debates, over endless rounds of coffee, who knew much more about realpolitik than ever would with my fancy Oxford education (April 11, 2017).

Положительная оценка данного фрагмента актуализируется за счет лексического наполнения *a better education; to know much more about realpolitik than ever would with my fancy Oxford education; strong, proud, fighters; the Somali women who were the antithesis of the stereotyped*. Экспрессивный потенциал интенсифицируется за счет анафорического параллелизма, благодаря которому достигается манипулятивный эффект.

Положительный медиаобраз беженцев также реализуется при помощи гомогенной стилистической конвергенции, которая представлена наслоением *частичного параллелизма + анафоры + полисиндектона*:

It will allow schools to racially profile pupils and hospitals their patients and landlords their tenants. It will refuse traumatised children fleeing war sanctuary. It will detain those seeking asylum, continue to bar them from being able to work or even seek shelter when they are at their lowest ebb (March 10, 2017).

При помощи отрицательно-коннотативных глаголов *to refuse, to detain, to bar*, частеречной модели *racially profile*, прилагательного *traumatised*, клише *children fleeing war* и идиомы *at a lowest ebb* передается сочувственное отношение автора медиатекста к беженцам в Великобритании. Нарастание отрицательного экспрессивного потенциала данного фрагмента осуществляется при помощи анафорического параллелизма *It will allow / It will refuse / It will detain*, при помощи которого подчеркивается мысль о том, что британское правительство способствует созданию враждебной среды для беженцев.

В приведенных ниже примерах гетерогенная стилистическая конвергенция *параллелизм + анафора + антитеза* транслирует отрицательное отношение журналистов к современному подходу принятия и интеграции беженцев в британское общество. Журналистами подчеркивается, что необходим радикальный сдвиг в самой иммиграционной политике Великобритании: подход, основанный на солидарности, разработанный и продемонстрированный лучшими из независимых волонтеров:

These changes would be neither expensive nor impossibly complex. These moves should not be controversial (September 12, 2016).

We should oppose it just as we should oppose the Saudi assault on Yemen. We should support the people of Ukraine just as we should the people of Syria (March 6, 2022).

В данных случаях антитеза реализуется как на грамматическом уровне за счет отрицательной частицы *not*, так и при помощи лексического противопоставления *oppose – support*. Оценочный потенциал медиаобраза транслиру-

ется при помощи лексического окружения *expensive, impossibly complex, controversial*, которые в сочетании с отрицательной частицей *not* транслируют мысль о том, что алгоритм улучшения качества системы предоставления убежища реален. Антитезность данных примеров усиливает аргументированную базу, а анафорический параллелизм, интенсифицированный модальными глаголами *should* и *would*, усиливает коммуникативную и экспрессивную значимость данных высказываний, выделяя авторскую мысль: поддерживать людей, ищущих убежища, справедливо относиться к ним вне зависимости от того, из какой страны они спасаются бегством.

В представленном ниже фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции, которая реализуется при помощи *параллелизма + анафоры + риторического вопроса + метафоры + гиперболы + эпитета*:

What kind of government breaks a promise to give shelter to 3,000 of the most desperate people on Earth, children fleeing war and devastation? What kind of government sneaks out an announcement that the 3,000 places it had reserved for child refugees will be shrunk to 350 and, after that, the doors to this peaceful and prosperous country will be slammed shut? (February 11, 2017)

Отрицательное отношение автора к британскому правительству передается при помощи случаев метафоры с отрицательной коннотацией *break a promise, sneak out an announcement, to shrink places to, slam shut the doors*. Положительное отношение к беженцам передается при помощи случая метафоры *to give shelter*, гиперболы *the most desperate people on Earth*, клише *children fleeing war*. Экспрессивный потенциал интенсифицируется при помощи стилистических средств синтаксического уровня *параллелизма + анафоры + риторического вопроса*. При помощи анафорического повтора *What kind of government* формируется и закрепляется мысль о том, что британское правительство в лице Терезы Мэй не сдержало свое обещание относительно размещении детей-беженцев, которые прибыли в Великобританию без сопровождения родителей. Риторические вопросы, являясь интенсификатором проблемы, поднятой в статье, мобилизуют внимание реципиента, заставляют внимательно следить за развитием темы.

В представленном ниже фрагменте при помощи гомогенной стилистической конвергенции *параллелизм* + *анафора* + *перечисление* + *обособление* транслируются случаи успешной интеграции беженцев в британское общество:

They (refugees) pick up a British accent, adapt to British cultural peculiarities, and become fully integrated members of British society. They settle here, make friends, start their own businesses, employ people, buy houses and start families – often with Britons (July 4, 2016).

Положительный оценочный потенциал вербализуется при помощи лексического наполнения *adapt to British cultural peculiarities, become fully integrated members of British society, make friends*. Экспрессивность данного фрагмента интенсифицируется за счет перечислительных рядов, представленных в параллельных конструкциях с анафорическим повтором. Данное наслаждение стилистических средств способствует реализации механизмов манипулятивного воздействия: принять точку зрения автора медиатекста.

Для успешной интеграции беженцев в британскую культуру необходима работа с двух сторон: желание беженцев придерживаться социальных правил общества, изучать культуру и основной язык страны, а со стороны британского населения и государства должны быть созданы условия для успешной экономической, культурной, социальной интеграции беженцев.

As it can with any public service, the government can decide if it wants the asylum system to be efficient, effective and high quality – or if it wants to neglect the system and leave it to crumble in mismanagement (February 24, 2023).

В данном контексте при помощи гетерогенной стилистической конвергенции *параллелизм* + *анафора* + *перечисление* + *обособление* + *антитеза* + *метафора* акцентируется мысль о том, что существует четкий алгоритм принятия беженцев. Оценочный потенциал данного фрагмента передается при помощи противопоставления лексем с положительной (*efficient, effective and high quality*) и отрицательной (*to neglect the system*) коннотацией, метафоры *to crumble in mismanagement*. При помощи стилистических средств синтаксического ряда происходит интенсификация мысли о том, что если придержи-

ваться его, то это может привести к более эффективному использованию ресурсов Министерства внутренних дел. Автор подчеркивает, что система предоставления убежища может хорошо работать, и правительству Великобритании важно сделать это прямо сейчас – ради беженцев, ради налогоплательщиков и ради общественного доверия.

But their wars are no less unthinkable, their uprootedness no less traumatic, their civilization no less valid, than the thousands now leaving Ukraine (March 1, 2022).

В представленном выше фрагменте положительный медиаобраз беженца реализуется за счет гомогенной стилистической конвергенции (*параллизм + анафора + перечисление + асиндемон*). Положительная оценочная составляющая передается при помощи лексического наполнения: прилагательных *unthinkable, traumatic, valid*, описывающих нынешнее состояние беженцев, а посредством *частичного параллизма* интенсифицируется мысль о необходимости реформы иммиграционной политики. Аналитики утверждают, что беженцы выбирают «путешествовать» опасными маршрутами, когда не могут приехать в страну легальным путем. Следовательно, пока нет изменений, количество погибших в грузовиках, рефрижераторах будет расти.

В результате анализа британских информационно-аналитических статей были выявлены модели стилистической конвергенции с главным компонентом параллизм, актуализирующие положительную оценку экстраобраза беженца:

1. *Частичный параллизм + анафора.*
2. *Частичный параллизм + анафора + полисиндемон / антитеза.*
3. *Параллизм + анафора + перечисление + обособление.*
4. *Параллизм + анафора + метафора + гипербола.*
5. *Параллизм + анафора + риторический вопрос + метафора + гипербола + эпитет*
6. *Параллизм + анафора + перечисление + обособление + антитеза + метафора.*

Среди выявленных моделей представлены как гомогенные (*частичный параллелизм + анафора + полисиндeton*), так и гетерогенные (*параллелизм + анафора + метафора + гипербола*) случаи стилистической конвергенции. По количественному составу модели варьируются от двухкомпонентной (*частичный параллелизм + анафора*) до шестикомпонентной (*параллелизм + анафора + перечисление + обособление + антитеза + метафора*).

В отечественной лингвистике исследованием особенностей функционирования параллелизма, его смыслоформирующего, эмоционального и экспрессивного потенциала в немецком языке занимались И.М. Астафьева [1964], В.Г. Адмони [1973], Г.Н. Червакова [1977], Д.М. Дреева [2012], Н.Наэр [2015], И.В. Шитикова [2013, 2015, 2021], И.Ю.Моисеева, А.С. Калиева [2019], Н.Н. Чайко [2020], О.И. Таюпова [2014, 2018, 2024] и др.

В немецких информационно-аналитических медиатекстах по проблематике «Миграционный кризис», также как и в британских медиатекстах, параллелизм может актуализироваться как на *микро-*, так и на *макроуровнях*. Анализ фактологического материала позволил выявить как случаи полного, так и случаи частичного параллелизма. Однако необходимо отметить, что при конструировании медиаобраза беженца авторы в основном прибегают к использованию *частичного параллелизма*:

Zweierlei müsste getan werden, sofort. Erstens: Die Grenzen müssten geschlossen werden. Wer drin ist, darf bleiben, wer draußen ist, bleibt draußen (April 15, 2023).

2015 wurden die Herausforderungen nicht offen angesprochen, Sorgen nicht aufgegriffen, und es wurde eben nicht konsequent gehandelt (Februar 8, 2023).

В проанализированных информационно-аналитических статьях нами были выявлены случаи многокомпонентной гетерогенной стилистической конвергенции, в которой первые два компонента – это *частичный параллелизм* в сочетании с *ананфорой*.

Bei einigen Teilnehmern ist die Aufenthaltserlaubnis begrenzt, bei anderen unbefristet (Oktober 9, 2024).

В представленном выше примере наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции, которая реализуется посредством микширования *параллелизма* + *анафоры* + *антитезы*. Вербализация оценочного потенциала данного примера осуществляется за счет антитезы *einigen – anderen, begrenzt – unbefristet*, а за счет *анафорического параллелизма* усиливается экспрессивный потенциал фрагмента. Важную роль в успешной интеграции беженцев в немецкое общество играет география страны: интеграция беженцев в больших мультикультурных городах осуществляется намного легче, чем в деревнях, где не особо их принимают с распластанными руками.

Wir wollen, wir müssen, wir werden Hunderttausende, vielleicht sogar Millionen von Flüchtlingen aufnehmen (April 5, 2016).

Посредством комбинации *параллелизма* + *анафоры* + *асиндектона* + *gradationi* реализуется положительный медиаобраз беженца. Интенсификация глагола с положительной коннотацией *aufnehmen* осуществляется модальностью глаголов *wollen, müssen*. В рассматриваемом фрагменте аналитик отмечает, что Германия столкнулась с самым большим вызовом со временен воссоединения: страна строит им жилье, обучает немецкому языку и старается обеспечить интеграцию в трудовой процесс. Средства экспрессивного синтаксиса выделяют основную авторскую мысль (*Hunderttausende, Millionen von Flüchtlingen aufnehmen*) и усиливают коммуникативную значимость предложения.

Wer die Aufnahmefähigkeit für zwingend geboten hält, hat ebenso Recht wie der, der auf Institutionen hinweist, die an die Grenzen ihrer Möglichkeiten gekommen sind. Wer das Grundrecht auf Asyl für unverhandelbar hält, hat ebenso Recht wie der, der unkontrollierte Einwanderung unterbinden will. Wer Europa für fähig hält, noch sehr viel Flüchtlinge aufzunehmen und zu verkaufen, hat nicht minder Recht als der, der die sogenannten Fluchtursachen in den Heimatländern der Fliehenden angegangen sehen will (November 3, 2015).

В представленном выше фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции *параллелизм* + *антитеза* + *метафора* + *эпитет*, участвующей в актуализации положительного медиаобраза беженца.

Аналитиком отмечается, что странам Евросоюза придется принять беженцев и отказаться от части своего суверенитета. При помощи окказиональных случаев *антитезы die Aufnahmebereitschaft – Institutionen, die an die Grenzen ihrer Möglichkeiten gekommen sind; das Grundrecht auf Asyl für unverhandelbar – die unkontrollierte Einwanderung unterbinden; noch sehr viel Flüchtlinge aufzunehmen – die sogenannten Fluchtursachen in den Heimatländern der Fliehenden angegangen* отмечается раскол немецкого общества на две части: те, кто за открытие границ, принятие беженцев и интеграцию их в немецкое общество, и те, кто за закрытие границ, установление верхнего предела и устранение проблем в странах, откуда бегут беженцы. При помощи экспрессивного синтаксиса акцентируется равная значимость фактов, которые автор данного фрагмента перечисляет при анализе нынешней ситуации, связанной с беженцами.

В рассматриваемом ниже фрагменте осуществляется вербализация гомогенной стилистической конвергенции за счет наслоения *частичного параллелизма + эпифоры + инверсии*:

Organisiert haben das Freiwillige, um die Flüchtlinge kümmern sich Freiwillige, um Unterkünfte kümmern sich Freiwillige.

Актуализация положительного медиаобраза беженца осуществляется опосредованно, за счет описания отношения жителей Германии к беженцам. При помощи глагольных лексем *organisieren, kümmern* и *повтора Freiwillige* подчеркивается тот факт, что большую роль в размещении и помощи беженцев играют волонтеры. В рамках данного примера при помощи средств экспрессивного синтаксиса осуществляется интенсификация авторского посыла и выделяется главная мысль высказывания.

Wer angesichts solcher Bilder kein Mitleid empfindet, der hat kein Herz, wer aber nur Mitleid empfindet, von dem er sich mit einer Spende befreit, der hat keinen Verstand.

В представленном выше фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*частичный параллелизм + повтор + метафора + антитеза*), транслирующий авторское сострадательное отношение нем-

цев к лицам, ищущим убежище, описывая их как жертв, выстраивая тем самым положительный медиаобраз беженца. Оценочная составляющая передается за счет лексического наполнения: *антитезы* *der hat kein Herz – der hat keinen Verstand*, при помощи которой критикуется отношение немецкого сообщества к проблемам, бедам и трудностям беженцев. За счет стилистических средств синтаксического ряда усиливается коммуникативная значимость предложения и предпринимаются попытки убеждения реципиента в авторской точке зрения.

Reden, verhandeln, reden, streiten, verhandeln, reden und am Ende einander vielleicht näherkommen. Ist das schwach, ist das unwahrscheinlich?

В рассматриваемом фрагменте при помощи гомогенной стилистической конвергенции, которая реализуется наслоением *полного параллелизма на риторический вопрос*, конструируется положительный медиаобраз беженца. Автор подчеркивает, что Европа, в общем, и Германия, в частности, терпят сокрушительную неудачу в вопросе интеграции беженцев. И именно поэтому необходимо прикладывать усилия как можно большего числа людей для решения этой проблемы. За счет средств экспрессивного синтаксиса осуществляется убеждение адресата, подталкивания его к налаживанию контактов с беженцами.

В результате анализа нами были выявлены наиболее распространенные модели стилистической конвергенции, участвующие в актуализации оценочного потенциала экстраобраза беженца:

1. *Полный параллелизм + риторический вопрос.*
2. *Параллелизм + анафора + антитеза.*
3. *Частичный параллелизм + эпифора + инверсия.*
4. *Частичный параллелизм + анафора + асиндeton + градация.*
5. *Частичный параллелизм + антитеза + метафора + эпитет.*
6. *Частичный параллелизм + повтор + метафора + антитеза.*

Среди рассмотренных моделей представлены случаи гомогенной (частичный параллелизм + эпифора + инверсия) и гетерогенной (частичный па-

раллизм + антитеза + метафора + эпитет) стилистической конвергенции. По количественному составу модели стилистической конвергенции варьируются от двухкомпонентных (*полный параллизм + риторический вопрос*) до четырехкомпонентных (*частичный параллизм + повтор + метафора + антитеза*). Использование стилистических средств разного уровня в рамках одного предложения помогает не только транслировать информацию, но и вызвать у читательской аудитории сильный эмоциональный отклик, со-страдание и создать поддержку со стороны немецкого общества.

Риторический вопрос

Диалогический тип построения текста в аналитической газетной статье проявляется в основном в небольшом наборе речевых действий, таких как запрос мнения, подтверждения с положительной и отрицательной реакцией, что с синтаксической точки зрения может быть реализовано в виде риторического вопроса, под которым понимается стилистический элемент, имеющий амбивалентный характер: структуру вопросительного предложения, но функционирует как утверждение. Обладая ярким потенциалом экспрессивности, риторический вопрос вносит в текстовое пространство элемент неожиданности. Данная стратегия косвенно вовлекает потенциальную аудиторию в образную эмоциональную интеракцию [Закиева, Рамазанова 2016: 74–75].

Согласно исследователям С.А. Белоколоцкой [2005], Э.А. Зойдзе [2014], Д.С. Дробот [2018], ведущими функциями риторического вопроса являются: функция акцентирования внимания, усиительная функция, манипулятивная функция, создание комического и драматического эффекта.

В данном разделе рассматриваются случаи стилистической конвергенции, где ведущим компонентом выступает риторический вопрос.

Размещение риторического вопроса в начале газетной статьи направлено на акцентирование внимания читательской аудитории и содействие ее участию в дальнейшем развитии темы:

What leads someone down the route where they find themselves locked into the back of a lorry, a beating heart in a metal box? What choices – or lack of them – have led someone to be reduced to a piece of human cargo? Can anyone who read the story of the 39 bodies found in the back of a lorry last week not feel the visceral terror of that cold, dark death and wonder at how we live in a world where a business model exists that thrives off this level of human desperation? (October 29, 2019).

В представленном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + синекдоха + обособление + метафора + эпитет*), при помощи которой описывается безвыходное положение беженцев. Существенное место в экспрессивной презентации отрицательной точки зрения автора занимают риторические вопросы, эмфатичность которых усиlena комбинацией таких стилистических средств, как синекдоха (*a beating heart in a metal box*), метафора (*someone to be reduced to a piece of human cargo*), эпитет (*the visceral terror*). Автор подчеркивает, что пока система правосудия сосредоточена на миграционном статусе беженца, а не на прекращении современного рабства, лица, ищащие убежища, будут страдать. Судебная система требует, чтобы жертвы выступили и дали показания, но их иммиграционный статус часто считается более приоритетным, чем их эксплуатация. Зафиксированы многочисленные случаи, когда жертвы были арестованы и отправлены в иммиграционные центры содержания под стражей. В результате формируется положительный медиаобраз беженца, вызывающий сочувствие и сострадание у читательской аудитории.

Риторический вопрос, завершающий статью, нацеливает реципиента на дальнейшее размышление по проблеме и заставляет вновь обратиться к тексту информационно-аналитической статьи:

Do you think that the deaths of the 39 frozen migrants, the detention of tens of thousands held in the most degrading of conditions, the deportation of people to persecution and deaths, the denial of rights to its own citizens, is a price worth paying for Britain's immigration policy? (November 17, 2019).

В рассматриваемом фрагменте при помощи случая гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + параллелизм + перечисление + фонетический повтор + эпитет + метафора*) интенсифицируется критика политического курса, выбранного британским правительством в отношении беженцев. Посредством *эпитета* (*most degrading of conditions*), *перечисления* (*the deportation of people to persecution and deaths, the denial of rights*), *метафоры* (*a price worth paying for Britain's immigration policy*) осуществляется фокус внимания на нынешней миграционной политике, которая поспособствовала тюремному заключению десятков тысяч людей на неопределенные сроки, депортации по необоснованным причинам, возвращению людей на путь преследования, насилия, смерти. При помощи средств экспрессивного синтаксиса создается драматический эффект, способствующий формированию в сознании реципиента положительного медиаобраза беженца, вызывающего сострадание, жалость и благосклонность в адрес лиц, ищущих убежища.

Рассмотренным информационно-аналитическим статьям также свойственна диалогичность, в рамках которой прямое обращение к реципиенту всегда экспрессивно:

Who values you? Who knows, loves and cares for you? Who seeks your company, who would miss it, whose lives would be poorer for your absence? (November 29, 2021).

Прямое обращение к читательской аудитории интенсифицируется за счет гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + метафора + анафора + перечисление*). Для достижения драматического эффекта автор создает ситуацию, в которой реципиент, в данном случае британское население, становится на место беженцев. Положительный оценочный потенциал данного примера реализуется при помощи лексического наполнения *to value; to love; to care; to seek company; to miss*. Экспрессивный потенциал данного контекста усиливается стилистическими средствами синтаксического ряда. В результате формируется положительный медиаобраз беженца.

Have you earned that place? Did you, at any point, have to go through a series of obstacles, near-death experiences, homelessness and loyalty tests to win your place at the top of the human food chain? Did you, when you conducted that exercise to figure out your worth in the market of lives, believe that you have worked hard to win the affection and dedication of those to whom you are important, or that you are simply owed it because that's what people do – love and take care of each other? (November 29, 2021).

В рассматриваемом сверхфразовом единстве наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + анафора + метафора + эпитет + перечисление + обособление*). Положительный оценочный потенциал формируется за счет лексического наполнения: *to go through a series of obstacles, near-death experiences, homelessness and loyalty tests; to win your place at the top of the human food chain; to figure out your worth in the market of lives; to win the affection and dedication*. Средства экспрессивного синтаксиса способствуют усилинию авторской точки зрения и созданию ситуации, предполагающей обсуждение проблемы.

Употребляя местоимение *We*, авторы аналитических комментариев пытаются разделить общество на две группы: британское общество и беженцы:

Why wouldn't we want to live in a country that supports people to rebuild their lives and live free from persecution and violence? (May 9, 2022)

What other group of people do we allow to be routinely imprisoned without charge or trial? Why do we presume asylum seekers to be a risk so high as to be locked up with our most dangerous criminals until proven innocent? (May 5, 2022).

What if rather than locking people up transformed the original conditions to which policing and prisons are a response? What if people were given the resource they need to live flourishing lives, rather than responding to harm with more harm? (July 26, 2022).

В представленных выше примерах наблюдаются случаи гетерогенной стилистической конвергенции: *риторический вопрос + аллитерация + метафора* – в первом; *риторический вопрос + метафора + эпитет* – во втором.

ром; *риторический вопрос + анафора + метафора + эпитет + антитеза* – в третьем. Актуализация оценочного потенциала данных контекстов осуществляется за счет глагольных конструкций с положительной коннотацией *to rebuild lives; to live free; to live flourishing life* и слов, словосочетаний с отрицательной коннотацией *persecution, violence, harm, most dangerous criminals; to be routinely imprisoned, asylum seekers are a risk so high; to be locked up*. Интенсификация внутреннего состояния авторов осуществляется за счет риторических вопросов. Авторы рассматриваемых аналитических газетных статей приписывают себя к первой группе людей, четко и ясно давая понять, что устали страдать и терпеть несправедливость по отношению к беженцу.

Why did both see a deadly boat journey as their only option to follow these everyday family relationship? And what would it take for our society to see such international connection as these as a strength, rather than a threat? (November 30, 2021).

В представленном примере наблюдается случай стилистической конвергенции *риторический вопрос + эпитет + антитеза*. Положительный оценочный потенциал данного фрагмента актуализируется за счет эпитета с отрицательной коннотацией *a deadly boat journey* и случая окказиональной антитезы *strength – threat*, а за счет риторического вопроса создается ситуация, предполагающая обсуждение проблемы.

В представленном ниже предложении гетерогенная стилистическая конвергенция актуализируется путем наслложения на *риторический вопрос антитезы и параллелизма*:

Did they enter the container willingly or under duress? Who was responsible for loading them into the container? By what route did they reach Essex? Were they being trafficked or were they migrant entering the country illegally? (October 24, 2019).

Актуализация положительного оценочного потенциала осуществляется за счет лексического наполнения: *willingly – under duress; to be trafficked – to be migrant entering the country illegally*. В рассматриваемом фрагменте описывается случай гибели 39 человек в грузовике в Эссексе. Все они были взрослыми и прибыли в Великобританию из Бельгии морем в рефрижераторном

контейнере. Создание драматического эффекта и ситуации, предполагающей обсуждение осуществляется за счет средств экспрессивного синтаксиса.

Who cares about their human needs and desires for family, for work, for hope? Who cares if they are forced to live in a camp in perilous conditions for months on end, or spend years unable to work, subsisting on pitiful allowance in the UK? (Januar 16, 2019).

В представленном выше фрагменте реализация гетерогенной стилистической конвергенции осуществляется за счет *риторического вопроса + анафоры + перечисления + эпитета + гиперболы*. Положительный оценочный потенциал данного фрагмента реализуется за счет эпитетов *perilous conditions, pitiful allowance*, транслирующих условия, в которых находятся беженцы, а за счет случаев гиперболы *months, years* подчеркивается неопределенность их жизни. При помощи стилистических средств синтаксического ряда осуществляется интенсификация данного фрагмента.

Are we a nation that would stoop to treating the vulnerable human beings we would purport to help as livestock, to be collated, corralled and verified by their individual body parts? Are we willing to put those we should be rescuing from peril at further risk with a procedure that would produce no guaranteed benefit? (October 19, 2016).

В рассматриваемом выше фрагменте гетерогенная стилистическая конвергенция реализуется за счет комбинирования следующих стилистических средств: *риторический вопрос + анафора + сравнение + перечисление + антитеза*. Отрицательный оценочный потенциал транслируется за счет сравнения *the vulnerable human beings as livestock*, перечислительного ряда *to be collated, corralled and verified by their individual body parts*, антитезы *to put at further risk – to rescue from peril*. Эмфаза данного фрагмента актуализируется за счет модальности глаголов *would, should* и стилистических средств синтаксического уровня: риторический вопрос и анафора, при помощи которых передается внутреннее состояние автора статьи.

Анализ рассматриваемых информационно-аналитических медиатекстов по проблематике «Миграционный кризис» позволил выявить следующие модели гомогенной и гетерогенной стилистической конвергенции, участвующие в актуализации положительного медиаобраза беженца в британском медиапространстве:

1. *Риторический вопрос + фонетический повтор + метафора.*
2. *Риторический вопрос + метафора + эпитет.*
3. *Риторический вопрос + эпитет + антитеза.*
4. *Риторического вопрос + антитезы + частичного параллелизма.*
5. *Риторический вопрос + перечисление + эпитет + метафора.*
6. *Риторический вопрос + метафора + анафора + перечисление.*
7. *Риторический вопрос + анафора + метафора + эпитет + антитеза.*
8. *Риторический вопрос + анафора + метафора + перечисление + обособление.*
9. *Риторический вопрос + анафора + перечисление + эпитет + гипербола.*
10. *Риторический вопрос + анафора + сравнение + перечисление + антитеза.*
11. *Риторический вопрос + синекдоха + обособление + метафора + эпитет.*

По количеству взаимодействующих стилистических средств модели стилистической конвергенции варьируются от трехкомпонентных до пятикомпонентных. Трехкомпонентные модели (*риторический вопрос + метафора + эпитет*) являются более простыми, в отличие от пятикомпонентных (*риторический вопрос + анафора + метафора + эпитет + антитеза*), которые способствуют актуализации многоуровневого экстраобраза беженца, усиливая манипулятивный эффект, вызывая более глубокие размышления и эмпатические реакции.

В рассматриваемых немецких информационно-аналитических медиатекстах, посвященных миграционному кризису, также как и в британских статьях, активное участие в конструировании медиаобраза беженца играет риторический вопрос.

Исследованием языковых особенностей риторического вопроса, его типов, эмоционального потенциала, дискурсивных характеристик в немецком языке занимались Т.А. Сергеева [1993], Л.В. Шишкова, Т.Ю. Смирнова [2003], К.А. Огородова, М.В. Максимова [2012], В.В. Ловянникова, И.Г. Колиева, Е.С. Демидова [2020], И.Т. Санишвили [2021, 2022] и др.

Риторический вопрос, размещенный в начале информационно-аналитической статьи, фокусирует внимание читательской аудитории на главной мысли статьи, которая находит свой анализ в статье:

Was muten *wir* eigentlich den Flüchtlingen zu, nur damit wir uns damit brüsten können, ***Weltmeister der Herzen zu sein?*** (Februar 15, 2023).

В представленном выше фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + метафора*), при помощи которой автор статьи критикует нынешний курс Германии в отношении миграционной политики. Автор подчеркивает, что Германии необходимо закрыть свои границы и работать с теми беженцами, которые уже в стране, стараясь интегрировать их в свое общество. Оценочный потенциал данного примера формируется за счет метафорической конструкции *wir ... Weltmeister der Herzen*, при помощи которой автор подчеркивает, что Германия рассматривает и использует беженцев как средство формирования своего положительного медиаобраза. Употребляя местоимение *Wir*, аналитик разделяет общество на две группы: немецкое общество и беженцы. За счет риторического вопроса усиливается авторский посыл и создается драматический эффект.

Риторический вопрос, расположенный в конце статьи, нацеливает реципиента на дальнейшее размышление относительно проблемы, поднятой в ней:

Warum muten Sie Ihren Brüdern und Schwestern die weite und gefährliche Reise nach Europa zu, statt ihnen eine Zuflucht zu bieten? (Februar 15, 2024).

В приведенном ниже фрагменте при помощи случая гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + аллюзия + эпитет*), выстраивается положительный медиаобраз беженца. Оценочная составляющая формируется за счет аллюзии *Brüdern und Schwestern* и эпитета с отрицатель-

ной коннотацией *die gefährliche Reise*. Немецким информационно-аналитическим статьям, также как и британским, свойственна диалогичность, в рамках которой экспрессивность авторского посыла усиливается за счет прямого обращения к реципиенту. Автор статьи критически относится к предложению Саудовской Аравии профинансировать строительство мечетей в Германии, не считая это надлежащим вкладом в разрешение кризиса беженцев. Взамен он призывает исламский мир к исламской солидарности.

Анализ фактологического материала позволил выявить многочисленные случаи дубитации:

Wem wollen sie helfen? Den Flüchtlingen oder sich selbst? Können Flüchtlinge eine Art Frischzellenkur für darbende Gemeinden sein? Geht es um Mitgefühl, um praktizierte Nächstenliebe oder um eine philanthropisch verbrämte Geschäftsidee? (August 14, 2022).

В приведенном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции *риторический вопрос + антитеза + метафора + перечисление*, при помощи которой выстраивается положительный медиаобраз беженца. Оценочная составляющая формируется за счет случая метафоры *eine Art Frischzellenkur; Mitgefühl, praktizierte Nächstenliebe oder eine philanthropisch verbrämte Geschäftsidee*. При помощи случая окказиональной антитезы *den Flüchtlingen oder sich selbst* автор подчеркивает, что современный мир подразделен на два лагеря: беженцы и все остальные. Экспрессивная составляющая усиливается стилистическими средствами синтаксического ряда: *риторического вопроса и перечисления*, при помощи которых усиливается авторский посыл, создается драматический и достигается манипулятивный эффект.

Eine andere Frage, die ebenso aufregend ist, schwebt im Raum: Warum kommen noch immer jeden Tag Tausende von Flüchtlingen – oder wir man inzwischen sagt «Schutzsuchende» – nach Deutschland, obwohl sie eigentlich wissen müssten, was sie hier erwartet? (Oktober 15, 2015).

В данном фрагменте представляется возможным выделить случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + метафора + обособление*), при помощи которой выстраивается положительный медиаоб-

раз беженца. Автор отмечает, что причины выбора Германии в качестве конченого пункта не ясны, так как беженцы обмениваются информацией между собой и тщательно выбирают маршруты своих путешествий, а условия, в которых размещают беженцев, нельзя назвать гуманными.

В приведенном ниже фрагменте представляется возможным выявить и проанализировать случай гетерогенной стилистической конвергенции, которая актуализируется за счет *риторического вопроса + метафоры + эпитета*.

Wieso ist es angesichts des Flüchtlingsdrucks eigentlich nicht möglich, die deutschen Grenzen effektiv zu sichern? Warum versagt der Willkommensstaat auf seinem originären Feld? (November 18, 2023).

Оценочный потенциал данного фрагмента реализуется за счет лексического наполнения *der Flüchtlingsdruck; die deutschen Grenzen effektiv sichern; der Willkommensstaat; auf seinem originären Feld*. Экспрессивный потенциал усиливается за счет *риторического вопроса*, акцентируя внимание на том, что Германии необходимо установить верхний предел по приему беженцев. В результате выстраивается отрицательный медиаобраз беженца.

Warum also hört der Flüchtlingsstrom nicht auf zu fließen? Weil die Kanzlerin erklärt hat, man könne die deutschen Grenzen nicht dichtmachen? Dieselbe Kanzlerin, die gesagt hat, man müsse schneller und entschlossener abschieben? (Oktober 15, 2015).

В приведенном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + метафора + антитеза*), которая участвует в конструировании отрицательного медиаобраза беженца. Оценочная составляющая передается за счет лексического наполнения *hört der Flüchtlingsstrom nicht auf zu fließen; die deutschen Grenzen nicht dichtmachen; schneller und entschlossener abschieben*. Экспрессивный потенциал фрагмента усиливается за счет модальности глаголов *können, müssen* и риторических вопросов. При помощи случая окказиональной антитезы *die deutschen Grenzen nicht dichtmachen können – schneller und entschlossener abschieben müssen* отмечается непоследовательность, нелогичность и противоречивость заявлений канцлера Германии относительно миграционной политики.

Ist es eine freudsche Fehlleistung, dass linke wie rechte Politiker mit übersteigerter Rhetorik eine sachgerechte Lösung der Migrationsfrage verhindern? (Juli 3, 2018).

В данном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + аллюзия + эпитет + метафора*), в рамках которой конструируется медиаобраз беженца. Оценочная составляющая формируется за счет лексического наполнения: *eine freudsche Fehlleistung; mit übersteigerter Rhetorik; eine sachgerechte Lösung der Migrationsfrage verhindern*, экспрессивность которой усиливается риторическим вопросом: *Woher dieser Hass? Woher die Rohheit? Woher die sprachliche Enthemmung* (Februar 5, 2016).

В представленном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции, которая актуализируется путем наслоения *на риторический вопрос анафоры и метафоры*. В рассматриваемом контексте анализатор акцентирует внимание на изменениях риторики сообщества Германии, которая основывалась на умеренности. Однако намечена тенденция изменения тона в сторону грубости, примитивности, плаксивости. При помощи анафорического повтора *Woher?* и метафоры *die sprachliche Enthemmung*.

Wie dann, ist man versucht zu fragen, wie dann? Ein Paradies, in dem Milch und Honig fließen, die Menschen ihr Geld im Schlaf verdienen und nur darauf warten, ihren Wohlstand mit Millionen von Flüchtlingen zu teilen? (März 25, 2023).

В данном фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции, которая актуализируется комбинацией *риторического вопроса + повтора + аллюзии + метафоры*. В анализируемом фрагменте представляется возможным выделить случай *аллюзии*, при помощи которой автор иллюстрирует ошибочное представление беженцев о Германии, как о Рае. Автор подчеркивает, что беженцы вместо того, чтобы поблагодарить жителей Германии, выражают свое разочарование в ней.

В приведенном ниже фрагменте наблюдается случай гетерогенной стилистической конвергенции (*риторический вопрос + параллелизм + анафора + метафора*), в рамках которой реализуется положительный медиаобраз беженца:

Wo sind die Unternehmen, die nicht nur um Arbeitskräfte bangen, sondern sich selbstbewusst und aktiv in die große Integrationsdebatte einmischen? Wo sind die Unternehmer, die etwas zur Integration von Einwanderern jenseits der Fabrikture und Bürotüren beitragen wollen? (Januar 30, 2024).

Вербализация положительного медиаобраза осуществляется опосредованно: при помощи *метафоры jenseits der Fabrikture und Bürotüren beitragen* аналитик подчеркивает, что предпринимателям и компаниям Германии необходимо принимать активное участие в интеграции беженцев в немецкое общество не только в рамках рабочего дня, но и в жизни беженцев в целом.

Анализ рассмотренных информационно-аналитических медиатекстов по проблематике «Миграционный кризис» позволил выявить следующие случаи гетерогенной стилистической конвергенции, которые принимают участие в актуализации как положительной, так и отрицательной оценки при формировании медиаобраза беженца:

1. *Риторический вопрос + метафора.*
2. *Риторический вопрос + метафора + обособление.*
3. *Риторический вопрос + метафора + эпитет.*
4. *Риторический вопрос + метафора + антитеза.*
5. *Риторический вопрос + аллюзия + эпитет.*
6. *Риторический вопрос + анафора + метафора.*
7. *Риторический вопрос + антитеза + метафора + перечисление.*
8. *Риторический вопрос + аллюзия + эпитет + метафора.*
9. *Риторический вопрос + повтор + аллюзия + метафора.*
10. *Риторический вопрос + параллелизм + анафора + метафора.*

По количеству взаимодействующих средств модели стилистической конвергенции варьируются от двухкомпонентных (*риторический вопрос + метафора*) до четырехкомпонентных (*риторический вопрос + повтор + аллюзия + метафора*).

Выводы по третьей главе

В результате анализа информационно-аналитических статей онлайн версии качественного британского и немецкого изданий *The Guardian* и *Die Welt*, освещавших проблематику «Миграционный кризис», установлено, что медиатексты изобилуют стилистическими средствами, которые принимают активное участие в вербализации положительной и отрицательной оценки медиаобраза беженца. Выбор данных средств манипуляции зависит в разных пропорциях от точки зрения автора, издания, в котором опубликован материал (целевая аудитория, степень ангажированности), а также политических интересов правящей элиты страны, в которой выходит газета и общей ситуации в регионе.

Понятие оценки для информационно-аналитического текста является основополагающим, стержневым. При помощи оценки выражается позиция автора, присущая ему система ценностей, мнение о происходящем и формируется мнение в определенно задаваемом ракурсе. В жанре «информационно-аналитическая статья» можно наблюдать ярчайшую палитру способов экспликации субъективной оценки на эксплицитном и имплицитном уровнях.

В рамках анализа 500 английских и немецких информационно-аналитических медиатекстов, посвященных «Миграционному кризису», в сравнительно-сопоставительном ключе описаны стилистические способы актуализации оценочного потенциала экстраобраза беженца.

Среди стилистических средств лексического ряда, активно участвующих в вербализации оценки медиаобраза беженца, представляется возможным выделить: *эпитет*, *метафору*, *сравнение*, *антитезу* и *аллюзию*.

В ходе исследования эпитетов было установлено, что они играют ключевую роль в создании эмоциональной окраски и оценки медиаобраза беженца. Сравнительно-сопоставительный анализ эпитетов выявил существенные различия в их распределении и эмоциональной нагрузке. Авторы британских информационно-аналитических статей прибегают к использованию как эпи-

тетов с положительной, так и с отрицательной коннотацией, что способствует созданию многослойного и многогранного положительного медиаобраза беженца. В отличие от немецких медиатекстов, в которых наблюдается противоречивый медиаобраз беженца. Отличительной особенностью является и то, что среди речевых эпитетов в немецком медиатексте не было выявлено эпитетов с положительной коннотацией. Данная тенденция объясняется тем, что немецкое общество не способно справиться с таким огромным наплывом беженцев, которые наносят урон экономическим, социальным и культурным аспектам жизни Германии.

Анализ метафор выявил, что в обеих группах наблюдается использование соматического, природного и артефактного кодов для актуализации оценки экстраобраза беженца. Однако в каждом из медиадискурсов наблюдаются свои особенности. В рамках соматического кода в английском языке выявлены соматизмы *face* и *hand*, а в немецком языке – *das Angesicht*, *die Hand* и *das Auge*. Что касается природного кода, в обеих группах наблюдается использование элементов природы для обозначения масштаба бедствия. В ходе анализа артефактной метафоры особое внимание было уделено концептуальной метафоре *контейнер*, которая использована в обоих медиадискурсах. Великобритания и Германия представлены как ограниченное пространство, которое может быть переполнено из-за огромного наплыва беженцев, превышающего вместимость контейнеров. Метафоры с лексемами *door*, *wall*, *roof*, *shelter* в английском и *die Tür*, *das Dach* в немецком медиатексте подчеркивают важность пространства (Великобритании и Германии) и защиты, приюта и укрытия, которые беженцы могут получить. Особое внимание уделено ориентационной метафоре, которая используется в обоих медиадискурсах. В английском медиатексте проанализированы высказывания с *into – out*, *forth – backward*, которые символизируют уход от угрозы к безопасности. В немецких статьях случаи ограничены парой *in – aus*.

В ходе анализа образных сравнений было установлено, что в и британском, и в немецком медиадискурсе в качестве референта сравнения выступают как сами беженцы, так и миграционный процесс. И в английском, и в немецком медиатексте семантический уровень агента ниже, чем референта сравнения, так как беженцев сравнивают с животными. Однако есть отличительные особенности: авторы британских медиатекстов сравнивают беженцев с предметами, а миграционный процесс с театром, игрой, тюрьмой, чистилищем, где они не могут принять никакого решения относительно своего будущего. Авторы немецких статей сравнивают беженцев с явлением природы, а миграционный процесс – с преступным миром.

В информационно-аналитических медиатекстах по изучаемой проблематике нами были проанализированы случаи узуальной и оккциональной антитезы. В немецких медиатекстах наблюдается явное преобладание случаев оккциональной антитезы, участвующей в вербализации оценочного потенциала медиаобраза беженца. В отличие от немецких статей, в британских наблюдается более сбалансированное использование узуальных и оккциональных контрастов.

В ходе анализа было выявлено активное использование аллюзий для вербализации оценочного потенциала медиаобраза беженца. В обоих медиатекстах наблюдаются антропонимы, событийные аллюзии и цитаты.

С помощью рассмотренных нами в данной главе лексико-стилистических и синтактико-стилистических средств, автор выражает негативное или положительное отношение к информации, заостряет внимание читателя на той или иной информации, факте. Данные приемы во многих случаях, переплетаясь, могут выражать скрытую оценку происходящего.

В рамках данного исследования были также установлены наиболее распространенные модели стилистической конвергенции. Конвергенция стилистических средств является комбинированным стилистическим приёмом, заклю-

чающимся в разноплановом взаимодействии стилистических средств на основе выполнения ими интенционально обусловленной прагматической функции.

В ходе исследования стилистической конвергенции с ведущим компонентом *обособление* было установлено, что если в английском медиатексте наблюдаются случаи как гомогенной, так и гетерогенной стилистической конвергенции, то в немецком медиатексте наблюдаются исключительно случаи гетерогенной стилистической конвергенции.

Среди моделей с ведущим компонентом *параллелизм* были выявлены и проанализированы как гомогенные, так и гетерогенные случаи стилистической конвергенции.

Что касается моделей стилистической конвергенции с ведущим компонентом *риторический вопрос*, в английском языке были выявлены и проанализированы как гомогенные, так и гетерогенные, в отличие от немецких статей, в которых используются исключительно случаи гетерогенной стилистической конвергенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее десятилетие заметно возрос интерес к разностороннему изучению функционально-стилевых систем языка, которые находят применение в важнейших сферах нашего общества. К их числу относятся средства массовой коммуникации и, в частности, медиатексты, которые активно участвуют в формировании общественного мнения, создании определенного идеологического фона, пропаганде тех или иных систем ценностей, тем самым выполняя важную социальную функцию.

Повышенное внимание к медиатекстам объясняется тем, что в них складываются и формируются основные стилистические приемы и средства, характерные для языка массовой коммуникации, которые впоследствии оказывают влияние на развитие языка в целом. Медиатексты обладают, с одной стороны, универсальным характером, а с другой стороны, этнокультурной спецификой, выявление которой имеет как теоретическое, так и практическое значение, что существенно для целого ряда дисциплин: медиалингвистики, сравнительно-сопоставительного языкознания, теории и практики перевода, лексикологии, стилистики текста, межкультурной коммуникации. При этом медиатекст, в частности информационно-аналитический текст, выполняет не только традиционно предписываемую ему функцию передачи информации, но все чаще и функцию воздействия, становясь средством манипулирования общественным сознанием, то есть, активно участвуя в формировании общественного мнения.

В рамках данной диссертационной работы исследован экстраобраз беженца как коллективный портрет с чертами, приписываемыми целой социальной группе. Комплексный анализ медиатекстов позволил выявить взаимосвязь медиаобраза беженца с медиобразами страны, политического деятеля, правительства, народа в рамках миграционных кризисов.

В результате анализа информационно-аналитических статей онлайн версии качественных британского и немецкого изданий *The Guardian* и *Die Welt*, освещающих проблематику «Миграционный кризис», установлено, что

медиатексты изобилуют лингвистическими средствами, которые принимают активное участие в вербализации положительной и отрицательной оценки медиобраза беженца.

Анализ фактологического материала осуществлялся на *лексико-семантическом, морфо-синтаксическом и стилистическом* уровнях. В ходе исследования был разработан алгоритм, с помощью которого была установлена оценочная концептуализация медиаобраза беженца в британской и немецкой лингвокультурах.

В информационно-аналитических текстах, которым в целом свойственна стандартизированность, все чаще встречается эмоционально-оценочная и экспрессивная лексика и элементы разговорного стиля. Лексика является основным средством оценочности и манипулирования человеческим сознанием, которое и конструирует последующие уровни языковой системы (уровень предложения и текста). *Лексико-семантический* уровень британских и немецких информационно-аналитических текстов представлен частым обращением к *синонимам, клише, фразеологическим единицам*, которые вносят вклад в создание эмоционально-оценочной тональности медиаобраза беженца.

Во избежание повторов авторы рассмотренных британских и немецких статей прибегают к использованию *синонимов* (как узальных, так и окказиональных) лексем *refugee/Flüchtlings*, конструируя медиаобраз беженца напрямую. Синонимы составляют наименее востребованное средство лексико-семантического уровня,участвующее в актуализации оценочного потенциала медиаобраза беженца. Контекстуальный анализ британских статей позволил выявить, что посредством синонимичных рядов выстраивается положительный медиаобраз беженца.

В немецком медиадискурсе произошло деление беженцев на классы в зависимости от их статуса, что привело к культурной маркированности медиаобраза беженца. Отличительной чертой немецкого медиаобраза от британского также является использование синонима *Asylbewerber*, выступающего в окружении глагольных и именных лексем с отрицательной оценкой для передачи негативного отношения к беженцам.

На втором месте по частотности использования стоят клишированные конструкции, участвующие в актуализации оценочного потенциала медиаобраза беженца как напрямую, так и опосредованно. В британском медиатексте было выявлено 13 случаев с отрицательной коннотацией. Реализация отрицательной оценки осуществляется как за счет семантики составляющих, так и за счет лексем, описывающих взаимодействие беженцев с обществом, формируя в итоге положительный медиаобраз беженца.

В немецком медиатексте было выявлено 15 случаев клишированных выражений с положительной коннотацией и 6 случаев с отрицательной коннотацией. Отличительной особенностью немецких медиатекстов является большое количество сложных слов, где первый компонент – *Flüchtling*, а второй – *существительное*, за счет которого формируется семантика оценки. Посредством сложных существительных выстраивается как положительный, так и отрицательный медиаобраз. Количественный анализ позволил выявить, что случаев с положительной коннотацией в два раза больше, чем случаев с отрицательной коннотацией.

Самым распространенным средством лексико-семантического уровня, которое участвует в трансляции оценочности медиаобраза беженца, являются фразеологические единицы. В рассмотренных британских статьях фразеологические единицы участвуют в формировании как положительной, так и отрицательной оценки медиаобраза беженца. Случаи с положительной коннотацией описывают желание беженцев интегрироваться в новое общество. Фразеологические единицы с отрицательной оценкой описывают негативное отношение принимающей стороны к беженцам, нежелание помочь им, игнорирование и попытки сократить их количество на территории Великобритании.

В немецком медиадискурсе конструирование положительного медиаобраза реализуется при помощи фразеологических единиц с отрицательной коннотацией, описывающих непродуктивные действия как политиков, так и государственных органов Германии. Посредством случаев с положительной коннотацией описываются надежды и ожидания Германии от беженцев.

Соотношение лексико-семантических средств в английском и немецком языках

Лексико-семантические средства	Английский язык	Немецкий язык
Синонимы	14 %	17 %
Клише	26 %	33 %
Фразеологические единицы	60 %	50 %

На *морфо-синтаксическом* уровне выделены и проанализированы разные типы эмоциональных структур, где ярко представлена субъективная оценка освещаемых событий посредством структур *Adjective + Noun*, *Adverb + Adjective*, *Verb + Adverb* в английском языке и *Substantiv + Substantiv*, *Adjektiv + Substantiv*, *Partizip I + Substantiv*, *Partizip II + Substantiv* в немецком языке.

В ходе анализа процентного соотношения было установлено, что в британском медиатексте в основном транслируется отрицательная оценка (49%), на втором месте – положительная (31%), на третьем месте – нейтральная (20%). В ходе количественного анализа было выявлено, что самой распространенной частеречной моделью является модель *Adjective + Noun*. В рамках данной модели выявлены как случаи прилагательного с денотативной оценкой (29 ед.), так и случаи прилагательного с коннотативной оценкой (41 ед.). Посредством денотативных прилагательных описывается антимиграционная политика Великобритании.

В немецком медиатексте на морфо-синтаксическом уровне положительная и отрицательная оценка реализуется на равных 43 % – положительная, 42 % – отрицательная, 15 % – нейтральная. В ходе количественного анализа было установлено, что самой распространенной моделью является *Adjektiv + Substantiv*, на втором месте *Partizip II + Substantiv*, далее *Substantiv + Substantiv*, наименее распространенной является модель *Partizip II + Substantiv*.

Оценочная коннотированность морфо-синтаксических средств в английском и немецком языках

Оценочная коннотация	Английский язык	Немецкий язык
Положительная	31 %	43 %
Отрицательная	49 %	42 %
Нейтральная	20 %	15 %

На *стилистическом* уровне обширно представлены такие случаи, как *эпитет, метафора, сравнение, антитеза, аллюзия*, в которых элемент субъективного и, следовательно, эмоционально-оценочного, более заметен. Даные средства являются наиболее мощными по силе воздействия, передачи субъективной оценки, усиления содержательно-фактуальной части.

Лингвистический подход к сущности выражения в медиатекстах эмоционального содержания показывает, что при анализе воздействующего потенциала стилистических средств особую значимость приобретает *конвергенция* стилистических средств лексического, синтаксического и лексико-синтаксического уровней.

Если сравнивать медиаобраз беженца, транслируемый в британском и немецком медиадикурсах, то представляется возможным говорить как о схожих, так и об отличительных особенностях положительного и отрицательного медиобразов. Анализ медиатекстов выявил амбивалентность медиаобраза беженца. С одной стороны, в обоих языках сформирован медиаобраз *беженец – животное, беженец – неконтролируемое стихийное бедствие, беженец – угроза, беженец – преступник*, указывающие на необходимость контроля, изоляции и тщательной проверки беженцев, представляющих угрозу стабильности британского и немецкого обществ.

С другой стороны, *беженец* репрезентируется как *жертва*, которая вынуждена спасаться бегством из-за войны, преследования, насилия. Лишенные поддержки, денег, зачастую должного образования, связей, они преодолевают

сложный и опасный путь в поисках убежища. Добравшись до Великобритании или Германии, они сталкиваются с новыми испытаниями в лице бюрократии, ксенофобии. В рассмотренных статьях транслируется не только страх перед беженцами, непринятие их, но и сочувствие, сострадание, сопереживание, что способствует формированию сложного, противоречивого медиаобраза.

В результате проведенного анализа выявлены отличительные особенности экстраобраза беженца в британском и немецком медиадискурсах. В немецком медиатексте, в отличие от британского, беженец зачастую представлен сквозь негативную призму как *беженец – болезнь, беженец – террорист, беженец – хаос*. Данная образная система способствует формированию отрицательного медиаобраза беженца, указывая на отчуждение лиц, ищущих защиту. Беженец представляет собой опасность, которая распространяется неконтролируемо и требует изоляции.

При этом отличительной особенностью английских медиатекстов является выстраивание медиаобраза беженца как *бытийной сущности*. Имеющийся механизм деперсонализации представляет беженца не как человека с трагичной историей, находящегося в безвыходной ситуации, а как логистическую проблему. Данное сравнение способствует актуализации отрицательного медиаобраза беженца.

Таким образом, результаты данного диссертационного исследования создают основу для расширения научного анализа механизмов оценки и презентации медиаобраза беженца в современных медиатекстах. Перспектива исследования видится в углубленном изучении когнитивных, прагматических и дискурсивных механизмов конструирования медиаобраза беженца в англо- и немецкоязычном медиапространстве. Особое внимание может быть удалено включению других жанров и мультимодальному анализу, включая иконическую составляющую и аудиовизуальные компоненты. Кроме того, важным направлением может стать сравнительно-сопоставительный анализ медиаобраза беженца, выстраиваемый в других лингвокультурах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абанина И.Л. Специфика интертекстуальных связей в аналитическом аанре газеты: на материале аналитических статей англо- американских газет: дисс... канд. филол. наук / И.Л. Абанина. – М., 2009. – 212 с.
2. Абрютина А.Ю. Особенности лингвокультурного типажа «мигрант». / А.Ю. Абрютина // International Scientific Review. – 2017. – № 8(39). – С. 33–38.
3. Агельярова А.С. Функционирование обособленного члена предложения на уровне тексте (на материале англоязычной художественной литературы) / А.С. Агельярова // Вопросы теории и практики. Серия. Филологические науки. – 2017. – № 5–3(71). – С. 49–52.
4. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1972. – 366 с.
5. Алексеев Ю.Г. Восприятие креолизованного текста иноязычным реципиентом (к постановке проблемы) / Ю.Г. Алексеев // Проблемы прикладной лингвистики: материалы семинара. – Пенза, 1999. – Ч. 1. – С. 8–10.
6. Аликова С.В., Шибкова О.С. Фразеологизмы в немецкой публицистике как объект междисциплинарного исследования / С.В. Аликова, О.С. Шибкова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 175–179.
7. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкоznания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995а. – 472 с.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995б. – 767 с.
10. Арнольд И.В. Стилистика. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Флинта, 2012. – 376 с.

11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
13. Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: автореф. ... канд. филол. наук / И.М. Астафьева. – М., 1964. – 14 с.
14. Ашуррова Д.У. Лингвистическая природа художественного сравнения: дисс. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ, 1970. – 224 с.
15. Балалуева И.А. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоуправления в информационном обществе / И.А. Балалуева // Трибуна молодого ученика. – 2014. – № 4(33). – С. 86–91.
16. Балахонская Л.В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средство создания контраста в произведениях А. Вознесенского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.В. Балахонская. – Л., 1987. – 17 с.
17. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
18. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: USRR, 2009. – 384 с.
19. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М.: USRR, 2018. – 230 с.
20. Банина Н.В. Основы теории и практики стилистики английского языка / Н.В. Банина, М.В. Мельничук, В.М. Осипова. – М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 136 с.
21. Барабаш В.В., Сезонов Т.В. Особенности воздействия медиаобраза на аудиторию женских глянцевых журналов / В.В. Барабаш, Т.В. Сезонов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №8. – С. 207–211.
22. Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда / С.И. Беглов. – М.: Высшая школа, 1984. – 376 с.

23. Белогородский А.А. Манипулятивные методы в рекламе / А.А. Белогородский // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – № 6. – С. 42–53.
24. Белоколоцкая С.А. Риторический вопрос в английском языке: дисс. ... канд. филол. наук / С.А. Белоколоцкая. – Тула, 2005. – 197 с.
25. Белоножко Н.Д. Аллюзия в стилистической конвергенции / Н.Д. Белоножко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 7, № 2. – С. 15–24.
26. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – М.: Бомбара, 2020. – 576 с.
27. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления / Б.Н. Бессонов. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 295 с.
28. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики / Е.Н. Богдан // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2007. – № 4. – С. 122–127.
29. Бондаренко И.В. Роль стилистической конвергенции в повышении эффективности английского политического дискурса / И.В. Бондаренко // Вопросы теории и практики. Серия. Филологические науки. – 2019. – № 9. – С. 206–210.
30. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С-Петерб.ун-та, 1996. – 218 с.
31. Бочина Л.А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре / Л.А. Бочина // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 6. – С. 260–265.
32. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ / О.Н. Быкова // Речевое общение. Красноярск: издательство Красноярского Государственного университета, 2000. – Вып. 1. – С. 42–53.
33. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
34. Васильева Е.В. Дискурсивные особенности информационно-аналитической статьи: лингводидактический аспект / Е.В. Васильева // Вестник БГУ. – 2012. – № 15. – С. 106–112.

35. Ваулина С.С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений / С.С. Ваулина // Оценки и ценности в современном научном познании: сборник научных трудов / отв. ред. С.С. Ваулина, В.И. Грешных. – Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2009. – С. 3–10.
36. Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурно сопоставительном аспекте / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 647 с.
37. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
38. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
39. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: URSS, 2006. – 325 с.
40. Вишленкова С.Г., Бурканова О. П. К вопросу о функционировании фигур противоположности в немецком религиозном тексте / С.Г. Вишленкова, О.П. Бурканова // Филология: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 219–229.
41. Власов А.И. Политические манипуляции: История и практика средств массовой информации США / А.И. Власова. – М.: Международные отношения, 1982. – 307 с.
42. Вознесенская Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецком политической коммуникации: на материале парламентских дебатов в Бундестаге: дисс. ... канд. филол. наук / Ю.В. Вознесенская. – СПб, 2010. – 186 с.
43. Волох В.А. Формирование и реализация государственной политики Российской Федерации в сфере вынужденной миграции: на примере института предоставления убежища: автореферат дис. ... канд. полит. наук / В.А. Волох. – Москва, 2007. – 26 с.
44. Вольф Е.М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука. 1979. – С. 273–294.

45. Вольф Е.М. Метафора и оценка /Е.М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52–65.
46. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: URSS, 2024. – 278 с.
47. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 232 с.
48. Всеволодова А.Н. Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ / А.Н. Всеволодова // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. – № 2. – С. 152–158.
49. Гак В.Г., Телия В.Н., Вольф Е.М. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 174 с.
50. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т.Н. Галинская // Вестник ОГУ. – 2013. – № 11(160). – С. 91–94.
51. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
52. Гальперин И.Р. Стилистика / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1971. – 343 с.
53. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1977. – 313 с.
54. Геворгян А.К. Аллюзия как вид интертекстуальности и способ реализации интертекстуальных связей в постколониальной литературе / А.К. Геворгян // Юность и знания – гарантia успеха – 2010: сборник научных трудов 7-й Международной молодежной научной конференции: В 3-х т. Т. 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 86–89.
55. Гладкова О.Х. К вопросу о разграничении понятий «оценка» и «оценочность» в аксиологии / О.Х. Гладкова // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019. – С. 169–171.

56. Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В.Г. Глушкова. – Белгород, 2000. – 23 с.
57. Говорова Л. А. Лингвокультурная идентичность мигрантов-латиноамериканцев в США: автореф. дисс... кандид. фил. наук / Л.А. Говорова. – М., 2024. – 17 с.
58. Гончарова М.В. Синтаксис свободных ритмов Р.М. Рильке как наследника классической традиции Ф. Кlopштока – И.В. Гете – Ф. Гельдерлина (на материале «Дунских элегий» Р.М. Рильке): дисс... кандид. фил. наук / М.В. Гончарова. – СПб., 2011. – 222 с.
59. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. / Л.М. Грановская. – М.: Элпис, 2005. – 448 с.
60. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
61. Гуськова О.В. Оценка как компонент значения глагольного слова (прагматический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О.В. Гуськова. – М., 1992. – 23 с.
62. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – М.: Добросвет: КДУ, 2009. – 232 с.
63. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения / В.З. Демьянков // Проблемы лингвистической семантики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981. – С. 115–132.
64. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / Г.Л. Денисова. – Тольятти, 2013. – 482 с.
65. Денисова И.К. Стилистическое использование обособления в современной немецкой прозе: автореф. дисс. ... кандид. филол. наук / И.К. Денисова. – Л., 1967. – 22 с.
66. Денисова С.Г. Конституционно-правовой статус беженцев и лиц, ищущих убежище: сравнительный анализ законодательства и практики Рос-

сийской Федерации и зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С.К. Денисова. – М., 2002. – 26 с.

67. Держак О.В., Дроздов В.В. Современные классификации создания медийного образа в средствах массовой коммуникации / О.В. Держак, В.В. Дроздов // Донецкие чтения – 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. – Донецк. – Т. 4. – С. 247–249.

68. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И.М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–55.

69. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиа речи / Т.Г. Добросклонская. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – 288 с.

70. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2008. – 203 с.

71. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. – Екатеринбург: Интеллектуальная издательская система Ridero, 2020. – 180 с.

72. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 28–34.

73. Добросклонская Т.Г. Методология анализов медиатекстов в условиях конвергентных медиа / Т.Г. Добросклонская // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции. – М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. – С. 18–27.

74. Дорджеева Д.В. Стилистические средства политического дискурса в англоязычной прессе / Д.В. Дорджеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1–2(67). – С. 119–121.

75. Дреева Д.М. Синтаксический параллелизм в немецких свободных ритмах XIX–XX веков (к вопросу об изосинтаксизме верлибра) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2012. – № 4. – С. 51–59.
76. Дробот Д.С. Риторический вопрос как средство когнитивно-прагматического воздействия в медиадискурсе (на примере журналов *cosmopolitan* и *glamour*) / Д.С. Дробот // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4–1(82). – С. 81–84.
77. Егорочкина Л.В. Основные пути развития словарного состава немецкого языка и способы словообразования в немецком языке с точки зрения их продуктивности / Д.В. Егорочкина // Филология и искусствоведение. – 2011. – Т. 16, № 1. – С. 130–133.
78. Житниковская А.С. Семантические особенности обособленного определения в современном английском языке / А.С. Житниковская // Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. – 2012. – № 8(88). – С. 79–86.
79. Закиева Т.М., Рамазанова А.А. Лингвостилистические стратегии выражения субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических текстов / Т.М. Закиева, А.А. Рамазанова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5. – С. 69–76.
80. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д.Н. Замятин. – М.: Агаф, 2004. – 512 с.
81. Зойдзе Э.А. Функции вопросительных синтаксических конструкций в газетном тексте / Э.А. Зойдзе // Вестник МГПУ. – 2014. – № 4(16). – С. 69–74.
82. Иванова О.А. Лингвокультурная идентификация понятия «*der Fremde*» – «чужой» в материалах СМИ Германии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 11, № 827. – С. 178–189.
83. Ибрагимов А.М. Режим беженцев в международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А.М. Ибрагимов. – Казань, 1999. – 22 с.
84. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – 232 с.

85. Ильичева Ю.А. Речевое манипулирование в политическом тексте / Ю.А. Ильичева // Вестник СПбУ. Серия 9. – 2013. – № 4. – С. 172–184.
86. Искандерова И.З. Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций современного немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук / И.З. Искандерова. – М., 1982. – 236 с.
87. Исмаилова Э.А. Аллюзивные антропонимы в английском аублицистическом дискурсе / Э.А. Исмаилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5–1(71). – С. 103–105.
88. Калимулина Л.А. История эмотивной лексики и фразеологии русского языка / Л.А. Калимулина. – Уфа: Восточный университет, 2004. – 120 с.
89. Калиткина Г.В. Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени / Г.В. Калиткина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 6(32). – С. 17–36.
90. Катяян Р. Синтаксический параллелизм, его виды и функции в текстах русских народных сказок / Р. Катяян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2–2(68). – С. 134–139.
91. Киосе М.И. Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: на материале заголовков английских и русских журнальных статей: дисс. ... канд. филол. наук / М.И. Киосе. – М., 2002. – 281 с.
92. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ / Н.И. Клушина // Публицистика и информация в современном обществе. – М., 2000. – С. 94–106.
93. Ковалевская Е.В. Метафора и сравнение в публицистическом тексте / Е.В. Ковалевская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 15(3). – С. 80–85.
94. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
95. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

96. Контратьева М.А. Стилистический потенциал антонимичных сравнений в немецком языке / М.А. Контратьева // Системные технологии. – 2015. – № 17. – С. 13–20.
97. Колев Г. В. Международная вынужденная миграция и пути ее регулирования: Вторая половина XX столетия: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Г.В. Колев. – М., 2004. – 48 с.
98. Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных газетных публицистических текстов): дисс. ... канд. филол. наук / Г.А. Копнина. – М., 2001. – 289 с.
99. Корнилова Л.А. Структурно-функциональная классификация антитезы в английской литературе и фольклоре / Л.А. Корнилова // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150. – Кн. 6. – С. 260–265.
100. Корнилова Л.А. Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале английского и русского языков) / Л.А. Корнилова // Вестник ТГУ. – 2011. – № 5. – С. 241–244.
101. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 267 с.
102. Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики) / Т.И. Краснова. – СПб.: СПбУ экономики и финансов, 2002. – 189 с.
103. Красных В.В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве / В.В. Красных // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции. – М., 2003. С. 146–148.
104. Кригер Е.И. Структурно-семантические и прагматические особенности новых слов в американских СМИ в начале XXI века: дисс. ... канд. филол. наук / Е.И. Кригер. – М., 2020. – 218 с.
105. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

106. Кузьменко С.А. Лингвопрагматические свойства конвергенции стилистических средств: дисс. ... канд. филол. наук / С.А. Кузьменко. – Ставрополь, 2006. – 175 с.
107. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст / Н.А. Кузьмина. – Омск: Полиграфический центр «Татьяна», 2011. – 414 с.
108. Кузьмина Т.Н. Особенности использования эпитета в газетном стиле / Т.Н. Кузьмина // Перевод. Язык. Культура: сборник VIII международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.В. Дворецкая. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 103–106.
109. Кулленко В.Е. Структура и семантика *wie*-компаратов и их эквивалентов в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / В.Е. Кулленко. – Киев, 1976. – 193 с.
110. Лакофф М., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / М. Лакофф, М. Джонсон. – М.: URSS, 2023. – 256 с.
111. Лашинов М.В. Стереотипы в языковом сознании русских эмигрантов 1920–30 гг. : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.В. Лашинов. – М., 2002. – 24 с.
112. Левина Е.А. Сравнения в немецких радиотекстах: семантика, структура, функции: дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Левина. – Саранск, 2006. – 169 с.
113. Лисицкая Л.Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: дисс... доктора фил. наук / Л.Г. Лисицкая. – Краснодар, 2010. – 355 с.
114. Ловянникова В.В. Экспрессивность немецкого публицистического текста на синтаксическом уровне / В.В. Ловянникова, И.Г. Колиева, Е.С. Демидович // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 138–154.
115. Лопатин В.В. Оценка как объект грамматики / В.В. Лопатин // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М.: Наука, 1992. – С. 70–75.

116. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н.А. Лукьянова Н.А. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения АН СССР, 1986. – 227 с.
117. Ляпун С.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в аналитической журналистике как средство воздействия на адресата (на материале газетного комментария) / С.В. Ляпун // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2008. – № 4. – С. 133–137.
118. Майданова Л.М., Чепкина Э.В. Медиатекст в идеологическом контексте / Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. – 304 с.
119. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дисс. ... доктора фил. наук / Е.Г. Малышева. – Омск, 2011. – 403 с.
120. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. / Т.В. Маркелова. – М.: МГПУ, 2013. – 300 с.
121. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т.В. Маркелова. – М.: МПУ, 1993. – 125 с.
122. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 80–90.
123. Маркова Е.Ю.Международно-правовой статус экологических мигрантов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Маркова. – М., 2021. – 30 с.
124. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве / А.В. Марущак // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 93–96.
125. Марьянчик В.А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста / В.А. Марьянчик. – М.: Либроком, 2013. – 272 с.
126. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты / Г.С. Мельник. – СПб.: Вагриус, 1996. – 161 с.

127. Милашевская И.В. Концептуальная метафора ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ объективизация в русском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук / И.В. Милашевская. – Нижний Новгород, 2017. – 21 с.
128. Мирошниченко А.А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Мирошниченко. – Ростов-на-Дону, 1996. – 19 с.
129. Мисонжников Б.Я. Современное качественное издание (к проблеме типообразования) / Б.Я. Мисонжников // Типология печати: проблемы теории и практики. – СПб., 1999. – С. 46–63.
130. Мисонжников Б.Я. Типология: трудный поиск новой парадигмы / Б.Я. Мисонжников // Типология печати: проблемы теории и практики: материалы научно-практического семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов». – СПб.: СПбГУ, 1996. – С. 3–17.
131. Михальцова Э.С. Антитеза как способ передачи индивидуальной авторской стилистики при переводе книги Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпдена-Тернера «Национально-культурные разоичия в контексте глобального бизнеса» / Э.С. Михальцова // Филологические науки. Вопросы территории и практики. – 2016. – № 7–1(61). – С. 104–107.
132. Моисеева И.Ю. Калиева А.С. Лексические и синтаксические средства выражения эмоциональной оценки (на материале современного художественного произведения на немецком языке) / И.Ю. Моисеева, А.С. Каиева // БГЖ. – 2019. – № 1(26). – С. 71–75.
133. Морозова О.В. Образ России и США в Российской прессе как реализация коммуникативной категории «Свой – чужой» / О.В. Морозова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 34–39.
134. Мороховский А.Н. Стилистика английского языка / А.Н. Мороховский. – Киев: Высшая школа, 1991. – 272 с.
135. Москвин В.П. Русская метафора. Опыт семиотического описания / В.П. Москвин. – М.: URSS, 2024. – 352 с.

136. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка / Н.М. Наер. – М.: Высшая школа, 2006. – 271 с.
137. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка / Н.М. Наер. – М.: МПГУ, 2015. – 258 с.
138. Нестерова Л.П. Интонация предложений с обособленными атрибутивными конструкциями в немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / Л.П. Нестерова. – М., 1969. – 215 с.
139. Никифорова Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы / Е.Б. Никифорова. – Волгоград: Перемена, 2008. – 327 с.
140. Нилькенбаум В.М. Особенности стилистической конвергенции в художественном тексте / В.М. Нилькенбаум // Вестник Башкирского университета. – 2016. – № 1. – С. 136–139.
141. Новоженова З.Л. Клише и штампы в публицистическом тексте как проблема перевода / З.Л. Новоженова // Известия саратовского университета. Серия: филология, журналистика. – 2012. – Т. 12, № 3. – С. 13–19.
142. Новохатько Е.Н. Психологическая помощь мигрантам в перестройке ценностно-смысовых составляющих образа мира (на примере вынужденных переселенцев): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Н. Новохатько. – Ростов-на-Дону, 2005. – 20 с.
143. Новохачева Н.Ю. Стилистический прием литературной аллюзии: дисс...кандид. филол. наук / Н.Ю. Новохачева. – Ставрополь, 2005. – 284 с.
144. Нухов С.Ж. Образное сравнение в английском языке / С.Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. – 2022. – № 2. – С. 437–445.
145. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 156 с.
146. Онищенко О.В. Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ / О.В. Онищенко // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2010. – № 2. – С. 58–64.

147. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: дисс. ... д-ра фил. наук / Е.Н. Орехова. – М., 2011. – 219 с.
148. Осипов Г.А. К вопросу о проблеме оценки уровня идеологичности текста в политическом дискурсе (на материале речей американских политиков) / Г.А. Осипов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – № 2(197). – С. 84–90.
149. Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) / Н.А. Остроушко // Мир русского слова. – СПб., 2002. – С. 86–91.
150. Палиенко А.М. Типология медиатекстов // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах. Запоріжжя: Вид-во Класичного приватного університету. – 2013. – Вип. 28(81). – С. 266 –267.
151. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П.Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С. 55–73.
152. Паршукова М.М. Типы и функции сравнений в русском и английском языках/ М.М. Паршукова // Вестник ЧелГУ. – 2018. – № 6(416). – С. 149–153.
153. Пекарская И.В., Лютенко В.Е. Специфика функционирования феномена художественного сравнения в контексте контаминации и конвергенции элокутивов (на материале произведения «Тропа бабьих слез» сибирского писателя Владимира Топилина / И.В. Пекарская, В.Е. Лютенко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2(27). – С. 101–105.
154. Пеклер М.А.Русско-немецкая идиоматичность (на материале глагольно субстантивных сочетаний, образуемых частотными переходными глаголами: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1967. – 23 с.
155. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М.: Икар, 1997. – 320 с.
156. Плаксина Е.Б. Антитеза в заголовках статей российской и французской прессы: дисс. канд. филол. наук / Е.Б. Плаксина. – Екатеринбург, 2007. – 190 с.

157. Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е.С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 4. – С. 276–288.
158. Постникова С.В. Прагматика сравнения (на материале немецкого языка) / С.В. Постникова // Вестник ВятГУ. Лингвистика. – 2009. – № 4. – С. 72–74.
159. Постникова С.В. Сравнение как способ создания образности в немецкой художественной литературе / С.В. Постникова // Вестник ННГУ. – 2013. – № 1–2. – С. 238–240.
160. Прокопьева А.К. Ритмико-синтаксический параллелизм в прозе Т.Е. Сметанина / А.К. Прокопьева, А.А. Архипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 3. – С. 857–862.
161. Райхштайн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: учебное пособие / А.Д. Райхштайн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
162. Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка / Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс. – М.: Высшая школа, 1975. – 316 с.
163. Романова Е.А. Функции культурно-маркированной лексики в немецких печатных СМИ / Е.А. Романова // Научный диалог. – 2016. – Вып. 12 (60). – С. 160–169.
164. Русакова О.Ф. Виртуальная власть масс-медиа / О.Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2010. – № 9(1–2). – С. 33–37.
165. Самигулина Ф.Г. Грамматическая антитеза как средство объективизации эмоционального смысла в дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2013. – № 2. – С. 71–79.
166. Санишвили И.Т. Дискурсивные характеристики вопросов в устной речи на немецком и русском языках / И.Т. Санишвили // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 1663–1668.
167. Санишвили И.Т. Языковые особенности риторического вопроса (на материале немецкого языка) / И.Т. Санишвили // Globus: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2(36). – С. 29–31.

168. Саночкина Н.Н. Некоторые аспекты эмоционально-экспрессивного синтаксиса в дискурсе современной немецкой прессы (на материале статей немецких газет): дисс. ... канд. филол. наук / Н.Н. Саночкина. – М., 2003. – 158 с.
169. Сапожникова И. С. Психологическая адаптация подростков-мигрантов как компонент безопасности муниципального образовательного пространства: автореф. канд. психол. наук / И.С. Сапожникова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 25 с.
170. Сафина А.В. Способы выражения языковой манипуляции на синтаксическом уровне / А.В. Сафина // Филологический науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6–2(72). – С. 146–149.
171. Свиброва Т.А. Обособленные члены предложения в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / Т.А. Свиброва. – М., 1966. – 368 с.
172. Северина Е.А. Специфика использования фразеологизмов в немецком фельетоне / Е.А. Северина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4(77). – С. 9–104.
173. Сергеева Т.А. Риторические вопросы как эмоциональные высказывания в немецкой речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т.А. Сергеева. – Пятигорск, 1993. – 17 с.
174. Серова И.Г. Гендер как основная область знаний / И.Г. Серова // Типы знаний и их репрезентация в языке: сборник научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 45–54.
175. Синепупова О.С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ): дисс. ... канд. филол. наук / О.С. Синепупова. – М., 2006. – 173 с.
176. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования / А.П. Сковородников. – Томск, 1981. – 255 с.
177. Смирнова А.В. Сравнение как средство выражения эмоциональности в немецком языке / А.В. Смирнова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – № 1(23). – С. 86–89.

178. Согланик Г.Я. К определению понятия «текст» и «медиатекст» / Г.Я. Согланик // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. 2005. – № 2. – С. 7–15.
179. Солодилова И.А. Метафора: когнитивные основы оценочности / И.А. Солодилова // Вестник ОГУ. – 2013. – № 11(160). – С. 118–123.
180. Соломина А.В. Отражение национально-культурной специфики в аналитическом дискурсе (на материале СМИ): дисс. ... канд. филол. наук / А.В. Соломина. – СПб., 2010. – 173 с.
181. Сорокина О.Н. Эпитет как ведущее лингвистическое средство формирования образа Китая в СМИ США / О.Н. Сорокина // Известия Уральского государственного университета // Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2009. – № 3(67). – С. 127–132.
182. Сподарец О.О. Субъективное и объективное в новостном жанре / О.О. Сподарец // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15, № 3. – С. 641–643.
183. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – М.: КомКнига, 2007. – 376 с.
184. Стернин И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сборник научных статей / под редакцией В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 5–15.
185. Таран И.А. Особенности освещения миграционного вопроса в немецкой прессе : на примере онлайн-версий изданий Die Welt и Die Zeit : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.И. Таран. – М., 2022. – 19 с.
186. Таюпова О.И. Параллельные синтаксические конструкции и их функционально-стилистические особенности // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: материалы 13-й Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 25–29.

187. Таюпова О.И., Бычковская Н.В. Синтаксические средства экспрессивной речи в современных публицистических интервью / О.И. Таюпова, Н.В. Бычковская // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 1. – С. 136–139.
188. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
189. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II международной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 14–15.
190. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
191. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке / З.К. Темиргазина. – Павлодар, 1999. – 270 с.
192. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 312 с.
193. Токмакова С. Е. Эволюция языковых средств передачи оценки и эмоций (на материале литературной сказки XVIII–XXI веков): дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2015. – 211 с.
194. Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале послевоенной прозы: дисс. ... канд. филол. наук / М.С. Торосян. – Ставрополь, 2005. – 185 с.
195. Тухарели М.Д. Аллюзия в системе художественного произведения: дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1984. – 168 с.
196. Тырыгина В.А. Жанровая стратификация массмедиийного дискурса / В.А. Тырыгина. – М.: Либроком, 2010. – 320 с.
197. Уарова О.В. Функционирование стилистического приема сравнения в романе Д.Лоджа *Nice Work* / О.В. Уарова // МНКО. – 2014. – № 6(49). – С. 404–407.

198. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М., 1970. – С. 250–299.
199. Фадеева Л.В. Обособление и обособленные предложения в современном немецком языке / Л.В. Фадеева // Гуманитарные исследования: журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2011. – № 2(38). – С. 110–114.
200. Федосеева Н.С. Функционально-семантическое поле в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.С. Федосеева. – Нижний Новгород, 1997. – 17 с.
201. Фельдман Д.Н. Сравнение как лингвистическое средство (на материале современного немецкого языка) / Д.Н. Фельдман // Сборник научных трудов. – Рига: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1968. – Т. 89. – С. 24–35.
202. Фурсова Е.В. Дискурсивные параметры стилистического приема антитезы: на материале англоязычного художественного текста: дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Фурсова. – М., 2008. – 185 с.
203. Хаотун Л. Авторские средства выражения субъективной модальности в современном информационно-аналитическом медиадискурсе / Л. Хаотун // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – № 4. – С. 66–72.
204. Химик В.В. Оценочные субъективно-модальные преобразования слов в русском языке / В.В. Химик // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сборник научных трудов. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 34–46.
205. Хочунская Л.В. Медиаобраз как диалог ценностей / Л.В. Хочунская. – М.: РУДН, 2011. – 247 с.
206. Чайко Н.Н. Повтор как одно из средств выразительности в языке немецкой поэзии / Н.Н. Чайко // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – № 6. – С. 243–251.

207. Чайко Н.Н., Средства создания экспрессивного синтаксиса в текстах немецкой поэзии / Н.Н. Чайко // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 5. – С. 372–384.
208. Червакова Г.Н. Синтаксический параллелизм в языке немецкой художественной публицистике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г.Н. Червакова. – М., 1966. – 21 с.
209. Черемисина М.Н. Сравнительные конструкции русского языка / М.Н. Черемисина. – М.: URSS, Либроком, 2020. – 269 с.
210. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности / Н.В. Чичерина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 47. – С. 159–166.
211. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
212. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М.: Академия наук СССР, 1960. – 380 с.
213. Шитикова И.В. Полный и неполный синтаксический параллелизм в публицистических текстах / И.В. Шитикова // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев: МГУ, 2015. – С. 108–112.
214. Шитикова И.В. Синтаксический параллелизм как средство выражения специфики художественного текста / И.В. Шитикова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова: сборник трудов конференции. – 2021. – С. 70–71.
215. Шитикова И.В. Смыслоформирующий потенциал синтаксического параллелизма в текстах различной функционально-стилистической принадлежности (на материале публицистического и художественного стилей немецкого языка) / И.В. Шитикова // Известия Смоленского государственного университета. – 2013. – № 1(21). – С. 96–102.

216. Шитикова И.В. Сопоставительное рассмотрение оппозитивных разновидностей реализации синтаксического параллелизма в художественном и публицистических стилях / И.В. Шитикова // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2013. – № 5(66). – С. 87–94.
217. Шишкина И.В. Особенности функционирования обособленных эллиптических союзных конструкций в современном немецком языке науки: дисс...кандид. фил. наук / И.В. Шишкина. – Тамбов, 2004. – 189 с.
218. Шишкова Л.В. Синтаксис современного немецкого языка / Л.В. Шишкова, Т.Ю. Смирнова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
219. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
220. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие. 4-е изд., стер. / Д.Н. Шмелев. – М.: URSS : ЛЕНАНД, 2006. – 334 с.
221. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А.Н. Шрамм. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.
222. Шрамм А.Н. Развитие оценочных значений у некоторых разрядов качественных прилагательных / А.Н. Шрамм // Семантика русского языка в диахронии. – М., 1992. – С. 130–142.
223. Эйхбаум Г.Н. Обособленные члены предложения в немецком языке / Г.Н. Эйхбаум. – Л.: Изд-во ленинградского университета, 1974. – 129 с.
224. Эпштейн О.В. Базовые параметры медиадискурса о терроризме (на материале английского языка) / О.В. Эпштейн // Известия ВГПУ. – 2021. – № 3(156). – С. 145–152.
225. Яготинцева В.Ю. Анафора, эпифора и синтаксический параллелизм как компоненты идиостиля Биргит Вандербеке / В.Ю. Яготинцева // СтРИЖ. – 2020. – № 2(31). – С. 153–157.
226. Ягубова М.А. Лексико-семантическое поле «оценка» в разговорной речи: классификация видов оценок / М.А. Ягубова // Типы языковых единиц и особенности их функционирования. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1993. – С. 37–42.

227. Якушина Р.М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Р.М. Якушна. – Уфа, 2003. – 24 с.
228. Bell A., Garrett P. Approaches to media discourse / F. Bell, P. Garrett. – Oxford, Malden: Blackwell Publishers, 1998. – 304 p.
229. Bell A. The Language of News Media / F. Bell. – Oxford, Cambridge: Blackwell Publishers, 1996. – 296 p.
230. Burger H. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien / H. Burger. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2005. – 486 s.
231. Corner J. The Scope of Media Linguistics / J. Corner. – BAAL. Newsletter, 1998. – 188 p.
232. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 304 p.
233. Dale E.N. Lehrstuhl für die deutsche Philologie Klaipeda Universität. Stilistik der deutschen Sprache, 2008. – 60 S.
234. Dominick J.R. The Dynamics of Mass Communication: Media in Transition / J.R. Domenick. – New York: McGraw Hill, 2013. – 470 p.
235. Duden. Die Grammatik – unentbehrlich für richtiges Deutsch / K. Kunkel-Razum. – Mannheim: Dudenverlag, 2006. – 1343 S.
236. Fairclough N. Language and power / N. Fairclough. – London: Longman, 1989. – 248 p.
237. Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. – London: Edward Arnold, 1995. – 214 p.
238. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – London: Routledge, 1991. – 272 p.
239. Johnson M. The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 272 p.
240. Montgomery M. An Introduction to Language and Society / M. Montgomery. – London, New York: Routledge, 1995. – 272 p.

241. Montgomery M. An Introduction to Language and Society / M. Montgomery. – London: Routledge, 2008. – 336 p.
242. Montgomery M., Edington B. The Media / M. Montgomery, B. Edington. – London: British Council, 1996. – 155 p.
243. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – M.: Высшая школа, 1975. – 315 с.
244. Van Dijk T.A. News as Discourse / T. A. Van Dijk – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 1988. – 210 p.
245. Van Dijk T.A. Discourse Analysis as Ideological Analysis / T.A. Van Dijk // Language and Peace // A. Wenden, C. Schaffner. – Aldershot: Dartmouth Publishing, 1995. – Pp. 17 – 33.
246. Van Dijk T.A. Discourse and Power / T. A. Van Dijk – Hounds mills, Basingstoke, Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2008. – 320 p.
247. Wimmer R.D., Dominick J.R.. Mass Media Research: An Introduction / R.D. Wimmer, J.R. Dominick. – Boston: Wadsworth. Cengage Learning, 2010. – 480 p.

Лексикографические источники

1. Матвеева Т.В. Модальность / Т.В. Матвеева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / под ред. А.П. Сковородникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 313–315.
2. Словарь лингвистических терминов / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 972 с.
3. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 04.07.2025).
4. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 04.07.2025).
5. Duden [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de> (дата обращения: 04.07.2025).

6. DWDS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 04.07.2025).
7. Macmillin English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 04.07.2025).
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 04.07.2025).
9. Online Synonym-Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://synonyme.woxikon.de> (дата обращения: 04.07.2025).
10. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oed.com> (дата обращения: 04.07.2025).
11. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 04.07.2025).
12. Wissen.de [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wissen.de> (дата обращения: 04.07.2025).
13. Wortschatz Leipzig [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 04.07.2025).

Интернет-источники

1. Логвиенко И.А. Формальный параллелизм в поэтическом произведении (на основе стихотворений Б.Л. Пастернака) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Миграционный кризис в Европе. Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru> (дата обращения: 2.07.2025).
3. Дудина Г. Евросоюз взобрался на новый миграционный пик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 02.07.2025).
4. Van Dijk T.A. Ideological Discourse Analysis / T.A. Van Dijk // New Courant. – 1995. – Vol. 4. – P. 135–161 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chrome-extension (дата обращения: 06.02.2025).

5. Буторина Е.П., Миронова И.С. Культурно-обусловленное знание в инструктивных текстах / Е.П. Буторина, И.С. Миронова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2013. – № 9(29) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chrome-extension (дата обращения: 17.05.2024).

6. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 10.05.2025).

7. Die Welt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.welt.de> (дата обращения: 10.05.2025).